

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1 (17), 2017

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усолицева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(*главный редактор серии*)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 1 (17), 2017

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Ермолаева Н. Л. Пьеса «Тушино» в контексте творчества А. Н. Островского	5
Таганов А. Н. Искусство и экзистенциальные проблемы в творчестве А. Камю и М. Пруста	13
Цветков Ю. Л. «Магический идеализм» Новалиса и лирика молодого Г. фон Гофманстала	20
Яценко М. В. Христианская гимнография в контексте древнеанглийских поэм «Даниил» и «Азария»	26

Языкознание

Вансяцкая Е. А. Способы репрезентации застенчивого поведения детей (На материале англоязычных художественных текстов)	33
Виднова К. И., Суворова Н. В. Особенности обозначения <i>синего</i> цвета и его оттенков в русском и польском языках	37
Григорян А. А., Григорян А. Ю. Морфологическое маркирование категории рода как проявление гендерной асимметрии в английском языке	44
Денисов К. М. Лексикографический аспект проблемы произносительно- начертательных несоответствий в английском языке	46
Егошина Н. Б. К вопросу о компьютерном сленге	51
Маник С. А. Всеобщая МООКизация? К проблеме внедрения дистанционного языкового курса <i>Political English</i> в классическом университете	54
Москалева С. И. Языковые корреляты паралингвистических средств невербальной коммуникации в ассертивных речевых актах (На материале произведений немецкой художественной литературы)	58
Пастухова Е. Н. Древнеанглийская элегия «Морестранник» в переводе Э. Паунда: проблемы интерпретации и стиля	62
Хорецкая Н. Ю., Кокурина И. В. «Абырвалг» по-немецки, или К проблеме перевода безэквивалентной лексики (На примере повести М. Булгакова «Собачье сердце»)	67
Ндой М. С., Хуснутдинов А. А. Лексические и фразеологические единицы в словарном составе языка	71

Рецензии

Врыганова К. А., Ганина В. В. Рец. на кн.: <i>Вансяцкая Е. А. Эмоции в невер- бальном поведении детей</i> (На материале англоязычных художественных текстов). Иваново, 2016	81
Ужова О. А. Рец. на кн.: <i>Russian English: History, Functions, and Features</i> / ed. by Zoya G. Proshina and A. Eddy. Cambridge, 2016	83

Хроника

Сборник материалов II Международного научного симпозиума «Перевод в меняющемся мире» (Е. М. Григорьева)	86
Конференция «Сравнительная фразеология» в Миланском университете (Р. И. Бабаева, Л. И. Иванова)	88
XI Международный семинар студенческой интеграции «Linguocultural Space of the City with Special Reference to the Dictionary Project» (Флоренция, 20—27 ноября 2016 г.) (Н. С. Уткина)	90
Сведения об авторах	93
Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета»	96

CONTENTS

Study of Literature

Ermolaeva N. L. The play «Tushino» in the context of A. N. Ostrovsky's creative work	5
Taganov A. N. Art and existential problems in works by A. Camus and M. Proust	13
Tsvetkov Yu. L. Novalis' «magic idealism» and the lyric poetry of young H. von Hofmannsthal	20
Yatsenko M. V. Christian hymnody in the context of the old English poems <i>Daniel and Azarias</i>	26

Linguistics

Vansyatskaya E. A. Ways of representing children's shy behavior (Based on literary works in English)	33
Vidnova K. I., Suvorova N. V. The peculiarities of designating <i>blue</i> and its shades in Russian and Polish	37
Grigoryan A. A., Grigoryan A. Yu. Morphological marking of the category of gender as manifestation of gender asymmetry in the English language	44
Denisov K. M. Lexicographic aspect of spelling and pronunciation discrepancies in the English language	46
Yegoshina N. B. The problem of computer slang revisited	51
Manik S. A. Total MOOCisation? Towards introduction problems of distant language course on Political English in classical university	54
Moskaleva S. I. Linguistic correlates of paralinguistic means of non-verbal communication in assertive speech acts (Based on the works of German fiction) ...	58
Pastukhova E. N. E. Pound's translation of the Old English poem «The seafarer»: problems of interpretation and style	62
Khoretskaya N. Yu., Kokurina I. V. «Abyrvalg» in German, or The problem of translating words with no direct equivalents in other languages (On the example of M. Bulgakov's novel «Sobachye serdtse»)	67
Ndoye M. S., Khusnutdinov A. A. Lexical and phraseological units in the language vocabulary	71

Reviews

Vryganova K. A., Ganina V. V. A review of a book by <i>Vansyatskaya E. A.</i> Emotions in Children's Non-verbal Behavior (Based on Literary Works in English). Ivanovo, 2016	81
Uzhova O. A. A review of a book Russian English: History, Functions, and Features / ed. by Zoya G. Proshina and A. Eddy. Cambridge, 2016	83

Chronicle

A 2 nd International academic conference «Translation in the Changing World» information package (<i>E. M. Grigoryeva</i>)	86
«Comparative Phraseology» conference held in Milan University (<i>R. I. Babayeva, L. I. Ivanova</i>)	88
XI International seminar of students' integration «Linguocultural Space of the City with Special Reference to the Dictionary Project» (Florence, November 20—27, 2016) (<i>N. S. Utkina</i>)	90
<i>Information about the authors</i>	93
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	96

ББК 83.3(2=411.2)52-8Островский

Н. Л. Ермолаева

ПЬЕСА «ТУШИНО» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА А. Н. ОСТРОВСКОГО

В контексте творчества Островского рассматриваются образы главных и второстепенных героев, семейная тема, особенности развития сюжета одной из самых малоизученных хроник драматурга. На основании суждений о пьесе критиков-современников доказывается новаторский характер пьесы.

Ключевые слова: прижизненная критика, историческая драматургия, братоубийственная война, положительный герой, герои «смирного» и «хищного» типов, героини с «горячим сердцем», семейная тема, второстепенные персонажи, новаторство драматурга.

The article views the main and the secondary characters, the family theme and the specificity of development of the plot of one of the poorly studied histories by A. N. Ostrovsky against the background of his creative work. Regarding the opinions of the contemporary critics, the author of the article proves the innovative features of the play.

Key words: lifetime criticism, historical drama, fratricidal war, positive character, characters of «modest» and «impassionate» types, character with the «ardent heart», family theme, secondary characters, innovations of the playwright.

Среди исторических пьес А. Н. Островского драматическая хроника «Тушино» занимает особое место. Современниками драматурга она была оценена как самое слабое его произведение. В газете «Петербургский листок» после премьеры было высказано, по сути, общее мнение о пьесе: «В ней нет ни серьезно обдуманных и выработанных характеров... ни художнической отделки, ни внутреннего содержания. Это не что иное, как ряд картин без связи и толку, в которых трудно узнать руку даже мастера каких-либо дел...» [1, с. 1]. Однако, как нам представляется, подобные оценки появились в результате непонимания авторского замысла и особенностей поэтики произведения. Увидеть новаторство пьесы поможет ее анализ в контексте творчества драматурга.

Стереотип восприятия современниками исторических пьес был сформирован целым рядом произведений, в центре которых первые лица государства, персонажи исторические, их поступки, определяющие ход истории, а в основе движения сюжета — последовательность исторических событий. В «Тушине» сюжетное действие также определяется развитием исторических событий, однако главное место отводится персонажам вымышленным. Это пьеса о братоубийственной войне, а потому интерес

© Ермолаева Н. Л., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00323.

в ней сосредоточен не на победах и поражениях Шуйского или тушинского царька, а на отношениях двух братьев Редриковых, на развитии их характеров, на любовной интриге.

В хронике на первый план выдвинута всегда дорогая для Островского семейная тема. Из восьми сцен пьесы только пятая и седьмая не затрагивают ее. Даже образ ростовского воеводы Третьяка Сеитова более всего интересен как образ отца, а не исторического персонажа. Тема семьи как тема мира на протяжении всей хроники противостоит теме войны. Заявленная в первой сцене как отношения родителей и сыновей в семье Редриковых и отца и дочери Сеитовых, тема эта проходит через всё произведение, удерживая на себе его интерес и скрепляя сцены. В восьмой сцене показаны не только отношения родителей и детей, но и молодых супругов Николая и Людмилы, двух сватов Дементия Редрикова и Третьяка Сеитова. Наивысшего напряжения семейная тема достигает в последней, трагической сцене хроники — сцене братоубийства и гибели героев.

«Начало пьесы соответствует сказочной формуле: “Жили были старик со старухой, и было у них два сына”», — пишет И. А. Овчинина [8, с. 34]. Братья Редриковы представляют два типа героев, названных Н. Н. Страховым, вслед за А. А. Григорьевым, «хищным» и «смирным» [11, с. 314]. Автор акцентирует природные качества характеров двух братьев. О старшем, Максиме, отец говорит: «Один-то весь в меня: И драться зол, и ростом, и дородством, Как вылитый» [9, с. 159]¹. Максим знает о себе: «Я зарожден на зло. На свет с зубами Родился я, меня не испугаешь...» (207). Младший же, Николай, по словам старухи-матери, «смирный, как девушка, и мухи не обидит» (159). В пьесе Максим выступает как олицетворение войны, Николай — мира. По сути, Островский одновременно с Л. Н. Толстым, используя тот же прием противопоставления «человека войны» и «человека мира», находит путь к соединению в историческом жанре темы войны и темы мира.

Уже в первой сцене братья охарактеризованы отношением к отцу: Николай тих и послушен, Максим резок и своеволен. Попытка отца унять его гнев в отношении к задиристому Савлукову наталкивается на ответ сына:

Я, батюшко, скажу тебе заране
(стучит кулаком по столу)
И напрямик отрежу: — я не баба,
Не маленький ребенок, — я не стану
Сносить обид ни от кого на свете.
Ты выкормил, ты выхоллил меня
И вырастил на всей дворянской воле,
Великое тебе спасибо, земно (кланяется в ноги)
Я кланяюсь! Теперь меня оставь!
Я сам большой, я сам себе хозяин! (163)

И такой ответ не тревожит отца — он видит за словами Максима стремление отстоять свою дворянскую честь: «Твердо знаешь Пословицу, что честь свою беречь Мы смолоду должны» (163).

В той же сцене Максим стремится защитить отца, мать, брата от оскорбления со стороны ростовского воеводы Третьяка Сеитова. В отличие от отца, он готов потягаться с воеводой за собственную честь. На протяжении

¹ Далее ссылки на издание [9] приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

всей пьесы обида и злоба руководят поступками Максима: он ослушался отца, изменил присяге царю Василию Шуйскому, ушел в Тушино, участвует в осаде Троицы, в захвате тушинцами Ростова. В финальной сцене, при встрече во время осады Ростова, отец едва не убил сына, готов проклясть его за клятво-преступление. Однако семейное чувство в Максиме не умерло, он близок к раскаянию в содеянном и просит отца: «Постой! Не проклинай! Я пригожусь! Ничем не виноваты Ни ты, ни дочь Сеитова, ни брат. Я вас спасу» (254). И действительно защищает жену брата от насильника и убийцы Беспугы.

В отличие от озлобленного старшего брата, Николай — человек любящий. Это главная его характеристика на протяжении всей пьесы: он любит отца, мать, брата, свою жену. Его любовь к Людмиле убеждает Сеитова дать согласие на брак дочери с бедным и незнатным дворянином. Николай верен завету отца: он дает присягу царю Василию и не изменит данному слову в любых обстоятельствах. По законам патриархального общежития он убежден, что в отсутствие отца его наставником и руководителем в жизни должен быть разумный старший брат. Отправляясь в Ростов по поручению царя, он обращается к Максиму: «Приказывай, учи меня, ты старший, Родименький, ты мне в отцово место, Я глуп еще и молод» (192).

Из любви к брату Николай пытается остановить его, когда тот принимает решение отправиться в Тушино: «Подумай, образумься, Родимый мой» (192). И горячо молится о нем: «О Господи! за брата Молю тебя! Наставь его на разум! От гибели, от дьявольского кова Освободи заблудшую овцу!» (194).

Измена Максима присяге становится завязкой отношений двух любящих братьев. Их диалог перед разлукой предваряет дальнейшее развитие действия в пьесе:

Николай Редриков:

А если мы с тобой на ратном поле
Лицом к лицу сойдемся, как же руку
Я подниму на кровного, родного!
Родименький, подумай! Милый братец,
Ты враг царю, ты враг земле родной.
Щадить тебя грешно, убить — так вдвое.

Максим Редриков:

Да полно ты!

Николай Редриков:

Уж лучше ты при встрече
Убей меня вперед.

Максим Редриков:

Изволь, убью (193—194).

Несмотря на такую решимость при новой встрече в Тушине Максим рискует своей жизнью ради спасения брата, отпуская его из плена.

Образ Максима охарактеризован в пьесе очень сложно. Ставший клятво-вопругником и убийцей, он тяготится содеянными злодеяниями. Максим не вовсе забыл о Боге: во время осады Троицы он убеждается в том, что у ее защитников есть невидимая, но самая надежная опора — за ними стоит Создатель. С самим Господом сражаться Максим не готов: «...а год бороться с Богом <...> Разбойником быть мало, — окаянным Быть надобно» (240). «Окаянным», то есть предавшим душу дьяволу, Максим не является, о том, что он не вовсе потерянный человек, говорит его поведение во время осады

Ростова. В творчестве Островского образ Максима занимает особое место, типологически близким ему раскаявшимся клятвопреступником можно назвать, пожалуй, лишь Петра из пьесы «Не так живи, как хочется». Силой же характера и неумностью чувств Максим несомненно близок так называемым «самодурам» Островского, Льву Краснову из пьесы «Грех да беда на кого не живет».

Образ Максима, героя «хищного» типа, видится нам и в более широком аспекте. Он восходит к мировому, «авантюрно-героическому» сверхтипу бунтаря, доминировавшего в художественной словесности на протяжении тысячелетий, о котором писал В. Е. Хализев. Герою этого «сверхтипа» «присущи ореол исключительности и культ собственных безграничных возможностей». Максим — один из тех, кто склонен «активно участвовать в смене жизненных положений, бороться, достигать, побеждать». Это «своего рода избранник или самозванец, распираемый энергией и силой, которые реализуются в достижении каких-либо внешних целей (в широчайшем диапазоне от служения обществу, народу, человечеству до эгоистического своевольного самоутверждения, связанного и с преступлениями)» [14, с. 146]. Это такие герои, как Ахилл, Одиссей, Илья Муромец, Тарас Бульба. Одновременно в этом персонаже Островского есть нечто и от «русского скитальца», от пушкинского Пугачева, Печорина у Лермонтова, Ставрогина у Достоевского: «Эти персонажи, движимые авантюрно-героическими устремлениями, оказываются внутренне несостоятельными и именно поэтому обреченными на поражение» [14, с. 147].

«Смирный» Николай, по словам отца, «...матушкин сынок, — за печкой вырос, на калачах да сырниках вскормлен...» (159). Николай правдив и откровенен, он духовно близок матери, не таит от нее своей любви к Людмиле Сеитовой, на протяжении всей пьесы Николай не нарушит отцовского завета. Образ этого героя может показаться безликим и малоинтересным², однако он выписан не менее сложно, чем образ его брата. Уже в первой сцене на насмешку Савлукова над младшим братом Максим ответит: «Такой же воин будет, Ничем тебя не хуже» (161). И Николай оправдывает такую характеристику. Он не способен на обман, предательство и вероотступничество, крепок в слове и решителен в деле; оказавшись в плену, он готов пойти на дыбу, но не предать. Максим уверен в нем, потому выпускает его из землянки для разговора, а бежит из-под стражи Николай только с разрешения брата. В тот момент, когда тушинцы приходят в Ростов, Николай, не раздумывая, вместе с Сеитовым отправляется на защиту города со словами: «Теперь я воин, я лютей зверь» (250). Он идет защищать жену, отца, «родное гнездо».

При всем том образ Николая как героя «смирного» типа восходит к фольклорному Иванушке-дурачку, тому младшему сыну «деда и бабы», который не хвалится умом и силой, но в сказке оказывается защитником родной земли и родного дома, истинным героем, за то и вознаграждается любовью и семейным счастьем. Образ Николая вполне возможно отнести к героям «житийно-идиллического» сверхтипа, о которых В. Е. Хализев писал: «Эти люди... родственно внимательны друг к другу, живут по совести, верны личному достоинству и заветам прошлого, а потому в состоянии героически пройти через самые жестокие жизненные испытания. ...они отнюдь не жаждут величественных

² Образ Николая Редрикова исследователям долгое время представлялся настолько неинтересным и малозначительным, что о нем даже не упоминалось в авторитетных статьях о пьесе (см., напр.: [7, 13]).

свершений, эффектных побед, личной славы, но способны действовать решительно и смело, выполнить свой долг и умереть, если того потребуют обстоятельства». «Героика этих людей сродни тому, что... запечатлено в образах толстовского Тушина и Василия Теркина у А. Т. Твардовского» [14, с. 151].

По мнению критика, современника Островского, образ Николая — это ответ драматурга на упреки в том, что характеры его героев неподвижны: «...вот автор и вздумал доказать в Николае Редрикове, что умеет изображать характеры в их драматическом развитии [2, с. 1]. Однако контекст творчества Островского вполне убедительно свидетельствует, что это не так. Те качества, которые драматург отделил в образе Николая Редрикова: душевная мягкость, чувствительность, поэтичность, любовь к матери и сыновья забота о ней, душевная открытость навстречу красоте мира, способность глубоко любить, но одновременно и способность самоотверженно защищать свою возлюбленную — свойственны положительному герою Островского. Такими качествами наделены Ваня Бородин («Не в свои сани не садись»), Митя («Бедность не порок»), Платон Зыбкин («Правда хорошо, а счастье лучше»), Гаврила («Горячее сердце») и др. Однако не только в произведении историческом, но и в пьесах о современности сочетание этих качеств в характерах героев Островского критиками редко приветствовалось.

Отыскивая типологические параллели образу Николая в исторической драматургии Островского, назовем Пospелова из «Минина», Романа Дубровина и Степана Бастрюкова из «Воеводы». Самым близким герою «Тушина» и по времени создания, и по типологическим признакам оказывается образ Дмитрия Самозванца из хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». В образе Дмитрия драматург отделил такие качества, которые близки молодым героям его пьес: тоска по материнской любви, простосердечие и добродушие, влюбчивость и героическая стойкость, проявленная в защите возлюбленной. В этом герое Островский соединил качества влюбленного и рыцаря, характерные и для Николая Редрикова.

И всё-таки образ Николая Редрикова стоит особняком в творчестве драматурга: верный патриархальным заветам Николай становится братоубийцей. Он убивает Максима случайно, еще не зная, кто перед ним. Но не жалеет о сделанном: «Туда ему дорога, Изменнику!» (206). Казалось бы, совершенный героем поступок достоин осуждения: Максим готов был спасти его жену. Однако итог противостоянию двух братьев подводит отец: «От Божьего суда Ты не ушел, Максим! Отцову руку Отвел Господь; рукой родного брата Отмстил тебе за крестопреступление» (257). В этих словах звучит однозначное оправдание поступка Николая. Отдавая сыновей на службу царю Василию Шуйскому, отец сулил им отцовское проклятье за клятвопреступление «из рода в род, на чады их и внуки» (181). Отец сам едва не убил Максима, готов был проклясть его при встрече в Ростове.

Оправдывает поступок Николая и финал пьесы, в котором верные своему долгу, осененные крестом Николай и Людмила, а за ними и Дементий Редриков идут в огонь. Нравственная правда несомненно на стороне Николая. Погибая, он остается победителем. О нем как о победителе говорит и его имя — имя почитаемого русским народом великого святого Николая-чудотворца. Иван Ильин в своей работе «О сопротивлении злу силою» размышляет: «“Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и свое место в мире, — не сопротивляться злу

мечом и силою?» <...> Ответ, добытый нами, звучит несомненно и определенно: физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности введет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада, и в этом бою ему придется не только обнажить меч, но и взять на себя бремя человекоубийства» [4]. Как и Л. Н. Толстой, Островский убежден: на защиту Отечества и близких людей сможет встать и «человек мира», представитель «смирного» типа. О Николае можно было бы сказать словами Н. Н. Страхова о Пьере Безухове, что это «самый интересный, самый оригинальный и мастерской тип... Это, очевидно, сочетание обоих типов, смирного и страстного, чисто русская натура, одинаково исполненная добродушия и силы» [11, с. 319].

Образ Людмилы Сеитовой современники Островского истолковывали по-разному. По мнению критика газеты «Голос», «Людмила — новая попытка со стороны Островского нарисовать идеальную русскую женщину» [2, с. 1]. Н. С. Лесков же увидел в этом образе свидетельство нарушения драматургом принципа историзма, поскольку, по его мнению, Островский изобразил «в русской женщине эпохи самозванцев нигилистку XVII века» [10, с. 38]. С подобного рода оценкой согласиться трудно, хотя и принадлежит она одному из крупнейших художников второй половины XIX века, знатоку русской истории. Несомненно, что ни о каком нигилизме в данном случае не может быть и речи. Образ Людмилы очевидно соответствует одному из женских типов XVI и XVII столетий, охарактеризованному в исторических трудах Н. И. Костомарова. В его исследованиях, наряду с широко распространенным типом забитой и покорной женщины, предстает перед нами и женщина-бунтарка, своевольная и непокорная, готовая отстаивать свою свободу даже ценой смерти [6]. Такова и Людмила у Островского. Как пишет о ней современник драматурга, это «натура блестящая в полном смысле этого слова: своевольная, капризная, но умная, способная, страстная, великодушная...». Отец — «простая игрушка в руках дочери». Но при этом автор замечает, что «все ее прихоти законны, и воля ее направлена на доброе» [12, с. 1]. Тем и привлекательна эта героиня. Она достойна собственного избранника, по душе они равны, а потому их семейное счастье не подлежит сомнению ни для автора, ни для читателя или зрителя.

Образу Людмилы в творчестве Островского близки героини с «горячим сердцем». Это и Надя из «Воспитанницы», и Катерина из «Грозы», и Аннушка из пьесы «На бойком месте», и Марья Власьевна и Олена из «Воеводы», и Наталья из пьесы «Комик XVII столетия», и Параша Курослепова из «Горячего сердца», и Лариса Огудалова из «Бесприданницы». При очевидном бунтарстве этих героинь, все они, как и Людмила, стремятся к семейному счастью, по выражению Аннушки, хотят «на честь жить», воля их «направлена на доброе».

Как и образ Николая, образ Людмилы всё-таки стоит особняком в творчестве драматурга. Отличает Людмилу от перечисленных героинь то, что она единственная показана в счастливом браке. Отношения Людмилы и Николая — гармоничный союз равных любящих сердец. Людмила сумела отстоять право на родительское благословение, противопоставив ему не греховную связь с любимым человеком, а свою и его жизнь. Отцу она предлагает решить судьбу ее и Николая: «Иль с милым жить тебе и нам на радость, Иль умереть с моим желанным вместе!» (233). И любящий отец уступает непокорной дочери, понимая, что его подозрения в греховности ее поступков несправедливы.

Гармония семейных отношений Людмилы и Николая основана на их личностном равенстве и взаимном уважении, готовности жены уступить мужу, взаимопонимании и шутливом любовании друг другом. Драматургу достаточно одной короткой сцены, чтобы прояснить характеры героев. На вопрос Дементия, любит ли Людмила мужа, она отвечает: «Его-то не любить, Он жизнь моя, одна отрада, душу Я за него отдам» (244). Ответ Николая на вопрос, любит ли он жену, еще более поэтичен: «Спроси у вольной птички, Мила ли ей свобода в поднебесье; Потом спроси, мила ли мне жена!» (244). В ответ на шутливый приказ Дементия Людмиле поцеловать мужа она говорит: «Ох, уж стыдно; А для тебя изволь. *(Целует мужа.)*» (245). На тот же приказ отца Николай ответит: «Из воли Не выходить отцовской. Что же делать! Уж как ни горько, надо целовать!» (246). И отцу радостно видеть любовь и согласие в семье детей: «Веселые вы, детки. Утешайтесь! Пошли Господь вам горя не видать!» (246).

В понимании Островского, эта гармония была бы невозможна без почитания родителей. Однако, изображая отношения двух сватов, Дементия Редрикова и Третьяка Сеитова, драматург далек от идеализации, он верен их характерам: оба они радуются счастьем детей, но добродушный, покладистый и разумный, заботящийся о собственной выгоде Дементий противостоит горячему, крутому, чванливому, заносчивому и нерасторопному в деле обороны Ростова Сеитову. В параллель их отношениям в творчестве драматурга можно поставить, пожалуй, только характеристики Агафона и Ильи в пьесе «Не так живи, как хочется» и будущих сватов Татьяны Перепечиной и Кочетова в пьесе «Комик XVII столетия», Мигачевой и Фетиньи в пьесе «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

Критики, современники драматурга, считали, что в его пьесе очень бледно очерчены характеры исторических персонажей. А. С. Суворин писал: «На сцене являются и казаки, и царь Василий Иванович, и брат его Дмитрий Иванович, и Скопин, и Тушинский вор, и Рожинский, и Сапега, но все являются понемножку, для того чтобы сказать несколько слов или довольно обширный монолог, которые, однако, или рисуют бледно характеры и время, или совсем не рисуют» [5, с. 3]. Не думаю, что подобные упреки справедливы. Островскому достаточно одной-двух сцен для того, чтобы создать сложный, разносторонне охарактеризованный образ героя.

Образ Василия Шуйского отличается от того же образа в пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». В «Тушине» это царь без власти, много размышляющий о загадках собственной судьбы, потерявший веру в помазанье Божье, полагающийся на гадания колдуньи, подозревающий бояр в измене, язвительно укоряющий собственных воевод, сеющий похвалами юному Скопину-Шуйскому раздор между князьями своего рода. Лжедмитрий II охарактеризован Островским как слабый, ленивый, недалекий человек без веры и убеждений, хвастливо исполняющий роль русского царя, кичащийся своим мнимым положением, игрушка в руках посадивших его на трон поляков. Образ этот в значительной степени отличается от образа Лжедмитрия I, смелого и деятельного человека. Характеры обоих правителей глубоко оригинальны, в творчестве Островского им трудно найти подобные.

Второстепенные персонажи в пьесе, как и в других произведениях Островского, индивидуализированы. Это переметнувшиеся на сторону тушинцев, ищущие свою выгоду, агитирующие за поляков подьячий Скурыгин и переяславский дворянин Савлуков, смелые в бою, предводители шаек

под началом пана Лисовского, не потерявшие совесть и веру в Бога атаманы казачьего войска Чика и Епифанец, романовский мурза Ураз, до конца верный своему долгу старый священник и др.

Особое место среди второстепенных персонажей занимает боярский сын Беспута. Он охарактеризован драматургом как «окаянный», то есть человек, предавший душу дьяволу, в чем и признается: «В меня посажен дьявол, да не один...» (198). Его душа не знает света, он забыл о Боге и вершит одно преступление за другим. Казачий атаман Епифанец упрекает его в бессмысленной жестокости: «А ты резню и буйство затеваешь, Ненужное кроворазлитье деешь! Губил детей грудных, рубил на части, Как бешеный из дома в дом кидался. Избу зажег» (197).

На глазах зрителя Беспута убивает ни в чем не повинного старика-священника, татарина Ураза. И поступки героя, и имя говорят о нем как об олицетворенном зле. Забывший о Боге герой у Островского лишен положительных характеристик, однако как русский человек он грешит и знает, что грешен. Беспута помнит о том, что кипеть ему в адовом огне. В минуту отчаяния он восклицает: «Разверзнься, Сыра земля, до самой преисподней И поглоти воров проклятых стаю И первого меня» (206).

«Тушино» — это пьеса, новаторская по своей структуре. Состоящая из восьми сцен, она не похожа ни на одно другое произведение Островского. Действие в ней свободно переносится с постоянного двора на московской дороге в Москву, в Тушино, под стены Троицы, в терем ростовского воеводы. Это позволяет автору создать произведение, полное контрастов, противопоставить картины мирной жизни и войны, привести действие к катастрофе. Критики считали, что, «сшитая кое-как, на живую нитку», пьеса лишена «драматического движения», а ее достоинство видели лишь в том, что «она всё-таки дает некоторое понятие о быте русского народа в XVII столетии и о некоторых исторических личностях того времени» [15, с. 3]. Трудно согласиться с подобным мнением, если в произведении речь идет о самой бесчеловечной, братоубийственной войне, реалии которой отражены в сценах убийства старика-священника, Ураза, Беспуты, Максима, гибели Николая, Людмилы, Дементия Редрикова... Финал пьесы — это финал истинной трагедии, в которой гибнут те герои, которые несут свет, любовь и добро, торжествуют же силы зла и разрушения³. В отличие от «Грозы», другой трагедии Островского, пьеса «Тушино» лишена катарсичного финала, и это дает право называть ее не просто трагедией, а пьесой-катастрофой, в чем также видится нам ее своеобразие.

Заключая, отметим, что пьеса «Тушино» — это недооцененное, глубоко оригинальное и в художественном отношении значительное произведение Островского, новаторство которого в большей степени очевидно на фоне творчества драматурга.

Библиографический список

1. Бенефис Леонидова // Петербургский листок. 1867. № 177. 26 нояб. С. 1.
2. Библиография и журналистика: «Тушино», драматическая хроника в стихах Островского // Голос. 1867. № 156. 8 июня. С. 1—2.
3. Дудина Т. П. Эволюция этико-эстетической мысли в русской исторической драматургии XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2006. 513 с.

³ О глубине нравственных проблем в пьесе «Тушино» см.: [3].

4. Ильин И. О сопротивлении злу силою. URL: <http://rats.vrazvedka.ru/Ilyin/19.html> (дата обращения: 24.05.2016).
5. И-н А. [Суворин А. С.]. Журнальные и беллетристические заметки // Русский инвалид. 1867. № 1. 21 янв. С. 3.
6. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М. : Республика, 1992. 301 с.
7. Овчинина И. А. Национальный характер в исторических пьесах драматурга // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX—XX веков. М. : Intrada, 2003. С. 136—150.
8. Овчинина И. А. Человек и история в драматической хронике «Тушино» // А. Н. Островский : материалы и исследования : сб. науч. тр. Шуя : ШГПУ, 2008. Вып. 2. С. 32—39.
9. Островский А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. 5. 552 с.
10. С. М. [Лесков Н. С.]. Русский драматический театр в Петербурге // Отечественные записки. 1867. Т. 171, № 3. С. 36—38.
11. Страхов Н. Н. Литературная критика. М. : Современник, 1984. 432 с.
12. П. С. Московская жизнь : «Тушино» : драматическая хроника Островского // Голос. 1867. № 329. 18 нояб. С. 1—2.
13. Уманская М. М. Народ в исторических пьесах Островского // Наследие А. Н. Островского и советская культура. М. : Наука, 1974. С. 188—202.
14. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М. : Гнозис, 2005. 432 с.
15. Ш. Театральные заметки // Русский инвалид. 1867. № 327. 26 нояб. С. 3.

ББК 83.3(4Фра)6-444.4

А. Н. Таганов

ИСКУССТВО И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КАМЮ И М. ПРУСТА

Исследуется сходство и различие подходов к рассмотрению эстетических вопросов в философских трудах экзистенциалистов, в частности А. Камю, и в произведениях М. Пруста. Особое внимание уделено их пониманию роли искусства в решении экзистенциальных проблем, определяющих смысл человеческого существования.

Ключевые слова: экзистенциализм, «преодоление Пруста», «реабилитация» внешнего мира, абсурдность бытия, «посторонний», подлинное существование.

The article deals with similarity and distinction of approaches used to consider some esthetic problems in philosophical works of existentialists, in particular A. Camus, and writings of M. Proust. Special attention is paid to their position to understand the role of art in the solution of the existential problems which determine essence of human existence.

Key words: existentialism, «Proust's overcoming», «rehabilitation» of the outside world, absurdity of life, «l'étranger», true existence.

Восприятие творчества Марселя Пруста и его писательского метода в среде экзистенциалистов было неоднозначным, что вполне естественно, если учесть значительное различие художественных систем автора «В поисках

© Таганов А. Н., 2017

утраченного времени» и приверженцев «философии существования». Так, например, в 1939 году Ж.-П. Сартр в эссе «Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность» призывал к «преодолению Пруста», поскольку у того, по мнению философа, мир погружается в сознание и растворяется в нем. Сартр ратует за «реабилитацию» внешнего мира: «...мы любим женщину именно потому, что она привлекательна. Вот мы и свободны от Пруста. Свободны одновременно от “внутренней жизни”: тщетно мы, как Амиель, как обнимающий самого себя за плечи ребенок, искали бы ласки, неги нашей задушевности, потому что в конечном счете все находится вне нас, все — даже мы сами: вне нас, в мире, среди других. И не в каком-то уединении мы будем изливать душу — это может быть на дороге, в городе, в гуще толпы: вещь — среди вещей, человек — среди людей» [9, p. 35].

Отметим, впрочем, двойственность отношения экзистенциалистов, включая и Сартра, к Прусту. Создается впечатление, что необходимость «преодоления Пруста» является актуальной в первую очередь для самого Сартра: прустовское писательское наследие оказывает на него своеобразное магическое воздействие. Оно неизменно притягивает к себе внимание Сартра, о чем свидетельствуют довольно частые обращения к тексту «В поисках утраченного времени» в его теоретических работах, и прежде всего в фундаментальном философском труде «Бытие и ничто».

В творчестве другого, не менее авторитетного представителя экзистенциалистской философии Альбера Камю «реабилитация» внешнего мира также присутствует. Жизненная позиция Камю, его художественная система, герои его произведений, безусловно, не похожи на художественный мир Пруста. Тем не менее, так же как и у Сартра, имя Пруста в текстах Камю встречается. Правда, не слишком часто, но происходит это в весьма важные моменты становления и развития его философской мысли. Любопытно, что теории Гуссерля, в отличие от Сартра, для Камю — это повод не столько для того, чтобы подвергнуть критике творчество Пруста, сколько для констатации важности прустовского метода. В «Мифе о Сизифе» (1943) он пишет: «...Гуссерль и феноменологи восстановили мир в его многообразии... Мыслить — значит научиться заново видеть, стать внимательным; это значит управлять собственным сознанием, придавать, на манер Пруста, привилегированное положение каждой идее и каждому образу» [1, с. 37].

Пруст становится для Камю одним из примеров, иллюстрирующих созданную им в эссе «Бунтующий человек» (1951) теорию искусства бунта: «Творчество — это тяга к единению и в то же время отрицание мира. Но оно отрицает мир за то, чего ему недостает, во имя того, чем он хотя бы иногда является. Бунт предстает здесь по ту сторону истории, в чистом состоянии, в своей первозданной сложности» [1, с. 316]. «Революционный дух, порожденный всеобщим отрицанием» испытывает недоверие к искусству, так как «в искусстве, кроме отказа, есть еще и утверждение» [1, с. 319]. В отличие от него бунт — «это созидатель вселенной» [1, с. 317].

Таким образом, «искусство приобщает нас к истокам бунта в той мере, в какой оно наделяет формой ценности, неуловимые в потоке вечного становления, но зримые для художника, который хочет похитить их у истории» [1, с. 320].

В этом контексте и возникает имя Пруста в качестве одного из тех, кто, с точки зрения Камю, реализует эстетику бунта. Пруст оказывается в ряду таких писателей, как госпожа Лафайет, Мелвилл, Бальзак, Стендаль, Достоевский,

Толстой. На первый взгляд упоминание Пруста представляется здесь достаточно нейтральным, бесстрастным. Вместе с тем, при более пристальном рассмотрении, отношение Камю к Прусту оказывается весьма заинтересованным и личностным.

Очевидно, что такое отношение к автору «Поисков» сформировалось у Камю в начальный период творчества. В ранних его записях мы находим любопытное признание. В 1933 году в заметках о чтении он пишет: «Удивлен Львом Шестовым. Та же самая история, которая случилась после прочтения Пруста: столько вещей, о которых уже можно не говорить» [4, р. 203].

Чтобы прояснить, что имел в виду Камю, говоря о французском писателе, весьма важно обратить внимание на возникающее в данном случае сближение имен: Шестов, Пруст. В этот момент у Камю параллельно существуют два направления мысли: одно вслед за Шестовым открывает путь к абсурду, к иррациональному, другое развивается «в сторону Пруста». Здесь Камю осмысливает временную, преходящую природу существования, пытается найти способы обретения «утраченного времени». Так соединяются у него уже в ранние годы размышления о смысле существования и о роли искусства в его постижении.

В этом плане важен еще один момент, объединяющий Камю с Прустом, — болезнь. Как известно, Камю в детские годы заболевает туберкулезом, у Пруста с 9 лет развивается астма. Болезнь для обоих обретает принципиальное значение — открывает проблему смерти, предельности существования. Смерть присутствует вполне осязаемо в их судьбах и привносит в жизнь и того и другого трагический привкус.

Известно, какое впечатление на Камю произвела война и смерть отца: «Вместе со всеми моими сверстниками я рос под звуки барабанов первой мировой войны, и наша история была цепью убийств, несправедливостей и насилия» [5, р. 865]. Из этого жизненного основания в конечном итоге и вырастает абсурдистское мироощущение Камю.

Что касается Пруста, «смертный отпечаток» [2, с. 13] у него существовал всегда. Тема смерти возникает в творчестве писателя довольно рано. Безусловно, в большой степени это было связано, как и у Камю, с автобиографическими фактами: уходом из жизни его родных и друзей (бабушка, отец, мать, секретарь Агостинелли и другие), болезнью самого Пруста.

Осознание трагического удела человеческого существования присутствует уже во многих текстах, вошедших в первое произведение писателя — сборник «Утехи и дни» (1896). В посвящении своему рано умершему другу В. Хиту Пруст пишет: «Из глубин божественного, где ты покоишься... открой мне истины, которые превосходят смерть, помогают не бояться ее, порождают что-то вроде любви к ней» [8, р. 5].

Болезнь означает для Пруста предвестие завершения жизни. Образ смерти порождает в его сознании парадоксальную логику. Подобно тому как позднее сходные выводы будут делать экзистенциалисты, Пруст, предвосхищая их в этом, констатирует неизбежность предельности индивидуального существования, приобретающего в силу этого трагически абсурдный характер. Однако, так же как представители философии существования, Пруст считает эту констатацию не итогом, но началом размышлений о жизни. В 1922 году, в конце своего жизненного пути, отвечая на один из вопросов анкеты, предлагаемой газетой «Л'Энтрансжан», Пруст писал: «Я думаю, что, если бы мы внезапно оказались перед угрозой смерти, жизнь показалась бы

нам восхитительной... Вместе с тем мы не нуждаемся в катаклизмах, чтобы уже сегодня полюбить жизнь. Достаточно было бы вспомнить, что все мы смертны и что смерть может прийти уже сегодня вечером» [7, р. 645—646].

Судя по всему, эта мысль сформировалась у Пруста достаточно рано. Болезнь и ощущение неотвратимости смерти заставляют главного героя новеллы «Смерть Бальдассара Сильванда», входящей в сборник «Утехи и дни», воспринимать жизнь как движение к концу. Но это движение приобретает странную форму: человек продвигается к жизненному финалу, словно бы пятясь, обращая свой взгляд назад — на пройденный путь. Кроме того, болезнь, извлекая человека из привычного течения жизни, открывает не только печальную неизбежность человеческого бытия, но и новые стороны существования, порождает своеобразную логику «наоборот», заставляя воспринимать жизненные моменты как явления относительные, сообразуя их с понятиями «небытие» или «инобытие».

С особой настойчивостью тема смерти начинает звучать вновь в «Поисках». Ей посвящены и финальные страницы романа. Если учесть к тому же, что одним из последних текстов, над которым работал Пруст, был эпизод смерти писателя Бергота, можно отметить, что тема смерти является обрамляющей не только для первой книги писателя, но и для всего его творчества в целом, как в хронологическом, так и в структурном плане.

Проблема смерти, таким образом, у Пруста, как и у Камю, выводящего свою философскую мысль из констатации конечности человеческого существования, оказывается одним из аспектов более обширного вопроса — соотношения общего и частного. Каждый индивидуум, сознавая ограниченность своего бытия и ощущая в то же время внутреннюю сокровенную связь с единым жизненным основанием, испытывает ностальгию по всеобщему и вечному. Из этой ностальгии неизбежно рождается еще одна проблема — вопрос о гносеологических возможностях личности: всякое «я» стремится определить смысл и место своего существования относительно универсального бытия, ощущая в себе его присутствие и в то же время осознавая свое бессилие в постижении жизненного закона, невозможность выйти за пределы временного потока, несущего человека к жизненному финалу.

Камю, как и Пруст, стремится сопротивляться течению времени. Еще в ранний период творчество противопоставляется им смерти и несовершенству реального мира. Искусство для него — способ остановки времени, создания очагов бессмертия, вневременного. В статье «Искусство причастия» (1933) Камю пишет: «Искусство борется против смерти. <...> Поэтому необходимо, чтобы Искусство отдалялось от жизни и игнорировало ее, так как она преходяща и смертна. В то время как Искусство — это Остановка, жизнь протекает быстро и затем затухает. То, что только пытается сделать жизнь (пытается тщетно, потому что она не может возвращаться назад, чтобы завершить свое творение), Искусство реализует» [4, р. 246].

Таким образом, истинное величие искусства для Камю — и здесь он сближается с Прустом — заключается в способности останавливать, фиксировать текущие моменты реальности. Все это возможно лишь в противостоянии повседневному существованию и абсурду бытия. Противопоставление внешней неподлинной жизни и творящего индивидуального сознания порождает у Камю тему «постороннего» («l'étranger»). В «Мифе о Сизифе» он замечает: «Мир, который поддается объяснению, пусть самому дурному, —

этот мир нам знаком. Но если вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним» [1, с. 26]. Появление «постороннего» для Камю — знак абсурда, потому так тревожит нас «знакомый незнакомец» («le frère familier»), «отразившийся на мгновение в зеркале или обнаруженный на нашей собственной фотографии» [1, с. 31].

У Пруста, как и у Камю, есть свой «посторонний». Этот образ возникает в его творчестве в связи с убеждением, что человеческая личность представляет собой сосуществование внешнего и глубинного «я». Слово «чужой», «посторонний» («l'étranger») становится названием одного из фрагментов цикла «Сожаления, мечты цвета времени» из сборника «Утехи и дни». Его герой, Доминик, приближается к своему глубинному «я», — требующему права на реализацию своих устремлений, независимо от внешних ритуалов, противостоящему расхожему миру, — лишь отвлекаясь на время от повседневного существования. Подлинное «я» Доминика представлено здесь в виде странного, необычного пришельца — «постороннего», который, неожиданно явившись, нарушает устойчивую привычку хозяина дома ежедневно устраивать званые ужины с приглашением именитых гостей. На просьбу главного героя представиться и прояснить цель прихода он отвечает: «Привычка, которой ты приносишь меня в жертву сегодня вечером, будет еще сильнее завтра, благодаря тому, что ты питаешь ее кровью нанесенной мне раны. <...> Скоро ты убьешь меня. Ты не увидишь больше меня никогда. А между тем ты обязан мне в большей степени, чем другим, тем, кто покинет тебя в скором времени. Я в тебе и вместе с тем навеки вдали от тебя, меня почти не существует. Я — твоя душа, я — ты сам» [8, р. 127].

В уже упоминавшейся новелле из того же сборника «Смерть Бальдасара Сильванда» присутствует та же двойственность личности. С одной стороны — внешнее «я», подчиненное регламенту правил, существующих в социуме. С другой — «я» внутреннее, взывающее свободной реализации и получающее эту свободу в рамках того, что экзистенциалисты будут называть пограничной ситуацией. Утрата целостности «я» в социальной сфере приобретает для Пруста почти фатально неизбежный характер. Подлинное человеческое «я» отесняется далеко вглубь, отчуждается, оказывается «посторонним» по отношению к личности. Главный герой новеллы только перед реальностью неотвратимой смерти открывает в себе настоящее «я», которое представляется ему своеобразным «родным незнакомцем» («le fraternel étranger») [8, р. 20]. Все это напоминает взаимоотношения героя «Постороннего» Камю с миром, подчиненным власти ритуалов.

Тема «постороннего» станет постоянной в творчестве Пруста и найдет свое завершение в заключительной книге «Поисков» — «Обретенном времени», где герой наталкивается в библиотеке Германтов на книгу Жорж Санд «Франсуа ле Шампи». Она возрождает в нем эмоции тех детских лет, когда он познакомился с этим произведением. Чувства прошлого, явившиеся таким образом, рождают в нем словно бы новое существо: «В первое мгновение я спросил себя с гневом, кто был тот незнакомец, который причинил мне боль. Этим незнакомцем был я сам — тот самый ребенок, который существовал в те времена и которого возродила во мне эта книга...» [6, р. 884].

Таким образом, обретение подлинности «я», а с ним и целостности личности возможны, с точки зрения Пруста, вне суеты повседневности, не на поверхности жизненного потока, вне пространства, определяемого категорией

настоящего времени. С первой книги Пруста внешний мир уступает миру внутреннему, существующему в сознании человека, независимому от времени и обстоятельств. Мир воображаемый, пропущенный субъектом через психику, для Пруста ценнее и реальнее действительного мира.

Пожалуй, здесь кроется главное различие «постороннего» Камю и «постороннего» Пруста. У одного он обращен к социуму, у другого остается человеком, довольствующимся своим внутренним миром. «Посторонний» Камю — новый и единственный Христос, которого мы заслуживаем, как о нем говорил сам писатель, — намерен выйти к народу на площадь, чтобы провозгласить свою истину, или же, подобно главному персонажу «Падения», затевает долгую беседу-провокацию. «Посторонний» Пруста — тихий незаметный наблюдатель среди суетливой толпы, в тишине и одиночестве доверяющий свою истину листу бумаги. Однако в то же время и тот и другой ищут возможности преодоления неподлинного существования.

Возвращаясь к моменту создания теории бунта в «Бунтующем человеке», можно сказать, что, несмотря на все различия, то личностное начало Камю, которое узнало себя в Прусте на первых этапах творческого пути, продолжает существовать и далее. Определяя суть бунта, Камю говорит: «Но сущее извечно ускользает от нас, как и мы от него, оно лишено четких очертаний. С этой точки зрения жизнь бесстыльна. Она не более чем движение, безуспешно пытающееся угнаться за собственной формой. И раздираемый этими противоречиями человек столь же тщетно ищет форму, обозначающую пределы, в которых он чувствовал бы себя царем» [1, с. 323].

В жизни, считает Камю, каждый из нас «пытается придумать или отыскать для себя ключевое слово» с тем, чтобы придать смысл существованию: «Нам недостаточно жить; нам надо, не дожидаясь смерти, обрести судьбу» [там же]. Эти слова словно бы иллюстрируют стремление Пруста противопоставить длительности, течению времени свое Слово, останавливающее момент существования, закрепляющее его в рамках индивидуальной формы, получающей свое имя. Мир романа для Камю — «поправка к миру реальному», которая «соперничает с творением Бога и, хотя бы временно, торжествует над смертью». Это «прежде всего интеллектуальное упражнение, служащее подспорьем для тоскующего или бунтующего чувства» [1, с. 325].

Пруст воспринимается Камю в противопоставлении американскому роману, который отрицает внутреннюю жизнь. Пруст же создает замкнутый и принадлежащий только ему мир, «знаменующий его победу над бренностью вещей и над смертью» [1, с. 326]. Истинное величие автора «Поисков» в том, что он «описал не утраченное, а обретенное время, собирающее воедино раздробленный мир и облакающее его новым смыслом на самой грани распада» [1, с. 327].

Возвращаясь к проблеме эстетики бунта, Камю пишет: «Можно было бы сказать, что мир Пруста — это обезбоженный мир. Но если это и верно, то не потому, что в нем никогда не заходит речь о Боге, а потому, что он претендует на некое самоценное совершенство и пытается придать вечности человеческое обличье. “Обретенное время”, по крайней мере в своем идеале, — это вечность без Бога. С этой точки зрения роман Пруста выглядит как одна из самых значительных и всеобъемлющих попыток бунта человека против смертного удела» [там же].

Вспомним, что для Камю, так же как и для Сартра, «писать» означает постигать суть мира в отсутствие Бога. На месте Бога у них, как и у Пруста, оказывается глубинное творческое «я», через которое идет соприкосновение писателя с миром.

Камю воспринял прустовский эстетический опыт в ранний период творчества, а в более позднее время использовал и истолковал его в соответствии со своими представлениями об абсурде и бунте. Конечно же, еще раз подчеркнем при этом наличие принципиальных различий, существующих между художественными мирами двух писателей. Вместе с тем, подводя некоторые итоги сказанному, вспомним вновь слова Камю, произнесенные по поводу чтения Шестова и Пруста («...столько вещей, о которых уже можно не говорить»). Это замечание напоминает то, что уже неоднократно и до и после Камю повторялось иными, в том числе и русскими, писателями по отношению к автору «В поисках утраченного времени». В свое время почти то же, столкнувшись с книгами Пруста, говорили Бунин, Пастернак и другие (см. об этом подробнее: [3]).

Думается, во всех упомянутых случаях речь идет не столько о непосредственном влиянии Пруста на всех этих писателей, сколько о воздействии иного плана. Пруст помогает творческой личности обрести свое собственное «я». Очевидно, речь здесь может идти о «встрече» названных авторов с очень важными для них личностными, интимными моментами, угаданными в творчестве Пруста. «Столько вещей, о которых уже можно не говорить» — реакция Камю, вполне для него в этот момент естественная, столь же естественная, как и реакции многих других.

Библиографический список

1. Камю А. Бунтующий человек. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
2. Мамардашвили М. Лекции о Прусте : (психологическая топология пути). М. : Ad Marginem, 1995. 547 с.
3. Таганов А. Н. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920—50-е годы). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. 208 с.
4. Cahiers Albert Camus 2. Paris: Gallimard, 1973. 304 p.
5. Camus A. Essais. Paris : Gallimard, 1965. 1100 p. (Bibliothèque de la Pléiade).
6. Proust M. A la recherche du temps perdu : in 3 t. Paris : Gallimard, 1954. T. 3. 1324 p. (Bibliothèque de la Pléiade).
7. Proust M. Contre Sainte-Beuve précédé de Pastiches et mélanges et suivi de Essais et articles. Paris : Gallimard, 1971. 1022 p. (Bibliothèque de la Pléiade).
8. Proust M. Jean Santeuil précédé de Les Plaisirs et les jours. Paris : Gallimard, 1982. 1123 p. (Bibliothèque de la Pléiade).
9. Sartre J.-P. Situation I. Paris : Gallimard, 1947. 314 p.

«МАГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ» НОВАЛИСА И ЛИРИКА МОЛОДОГО Г. фон ГОФМАНСТАЛЯ

Исследуется влияние эстетических взглядов немецкого романтика Новалиса на мировоззрение и раннюю лирику австрийского поэта и драматурга Гофманстала. «Магический идеализм» Новалиса выражается в оригинальных представлениях о поэте-маге и поэзии как волшебстве. Они реализуются молодым Гофмансталем в основных формах мистического начала — «мистике души» и «единстве мира». Озарения начинающего поэта сплавляют в единое целое человека и мир, сон и реальность, любовь и мечту благодаря магическому воздействию на читателя поэтического слова и музыки стиха. Средствами такого воздействия выступают необычные сравнения, метафоры, символы, рифма и ритм.

Ключевые слова: романтизм, символизм, музыка стиха, мистика, магия слова, метафора, символ, рифма, ритм.

The article examines the influence of the aesthetic views of the German romantic writer Novalis on the mindset and early lyric poetry of the Austrian poet and playwright Hofmannsthal. Novalis' «magic idealism» is expressed in the original notion of a poet-magician and of poetry as magic. They are exercised by young Hofmannsthal in basic forms of the mystical — the mysticism of the soul and the unity of the world. The insight of the novice poet has fused the man and the world, dream and reality, love and reverie through the magical effect of the poetic word and the music of verse on the reader. Such effects are achieved by means of unusual similes, metaphors, symbols, rhyme and rhythm.

Key words: romanticism, symbolism, music of verse, mysticism, magic of word, metaphor, symbol, rhyme, rhythm.

Философия и творчество немецкого романтика Новалиса (настоящие имя и фамилия Фридрих фон Харденберг, 1772—1801) сыграли в становлении поэтической системы крупнейшего австрийского символиста, поэта и драматурга Гуго фон Гофманстала (1874—1929) решающую роль. На протяжении всей жизни, начиная с ранней лирики (до 1900 г.) и заканчивая поздним «театром мира», Гофмансталь в многочисленных письмах, записных книжках и художественных произведениях последовательно вел диалог с Новалисом, чувствуя свою внутреннюю сопричастность к его мировосприятию. Гофмансталь точно определял роль немецкого романтика в литературном процессе: «Новалис — это романтизм, то есть начинающийся XIX век. Но это и нежнейшая цветочная пыльца XVIII века в момент его увядания» («Из дневниковых записей») [2, с. 720].

Исход XVIII века, как известно, сопряжен с трагическими событиями Великой французской революции, оттолкнувшей молодое поколение романтиков Германии и всей Европы от политической борьбы. Однако они сохранили в своем арсенале идеи борьбы «внутренней», личностной. Разочарование в практике революции во Франции с ее «деспотизмом свободы» и кровопролитием привело к открытию предельно свободного и творчески неограниченного идеала романтического поэта, мистика и жреца. Об этом было

убедительно заявлено в конце XVIII века в знаменитых «Фрагментах» (1798) теоретика йенского романтизма Фридриха Шлегеля (1772—1829), родоначальника эстетической революции в литературе. В журнале «Атенеум», издаваемом братьями Шлегелями, Новалис опубликовал свои афоризмы под названием «Цветочная пыльца» (1798), которые получили широкую известность. В них он изложил основные положения романтической эстетики, в которой мистическим образом мир превращался в сновидение, а сон становился подобием реальности.

Гофмансталь объяснял оригинальность Новалиса в период смены эпох тем, что немецкий романтик навсегда остался одним из первых создателей образа романтического поэта-мага, который сливал воедино явь и сон, смерть и любовь, «я» и мир: «Рубеж XVIII и XIX веков. Природа, последний раз увиденная сердцем: Новалис» («Из “Книги друзей”») [2, с. 737]. Роль йенского романтика в развитии немецкой литературы Гофмансталь считал выдающейся. По его мнению, Новалиса не поняли в XIX веке, поскольку его наследие принадлежало будущим эпохам: «Такое литературное явление, как Новалис, его неопределимое в определенном смысле значение совершенно невозможно объяснить не-немцу. Это скорее ингредиент потенциальной, еще предстоящей литературы, чем составная часть наличествующей» («Из дневниковых записей») [2, с. 721].

Молодой Гофмансталь неслучайно подписывал свои стихотворения и первые драмы псевдонимом «Лорис», созвучным псевдониму Ф. Харденберга «Новалис» — «возделывающий целину» [3, с. 107]. Влияние йенского романтика на Гофмансталя заметно в самых разных аспектах творчества. В первую очередь это касается принципиально важного для молодого поэта аспекта — философии поэтического творчества. Особое место в наследии «волшебника Новалиса» («Оноре де Бальзак») [2, с. 621], по мнению Гофмансталя, занимали его заметки, афоризмы и размышления по философии, эстетике, этике и литературе: «Эта власть, которой суждено покорить еще не одно поколение людей, покоится на изумительной способности проникать с помощью духа в то, что является истинной реальностью жизни, *vraie vérité*, вплоть до самых тривиальных жизненных невзгод. Духовность XIX столетия, эта совершенно чудовищная синтетическая духовность, здесь спрессована в жизненную материю, словно беспрепятственно проходящий сквозь волокна горячий пар. И там, где осадки этого пара, кристаллизуясь, образуют четкие формы... там обнаруживаются вереницы мыслей, предчувствий афоризмов, не имеющих себе ничего равного, за исключением “Фрагментов” Новалиса. ...У Новалиса эти результаты кристаллизации составляют почти все, что остается у нас в руках...» («Оноре де Бальзак») [2, с. 621—622].

Наибольшую притягательную силу для Гофмансталя представлял «магический идеализм» Новалиса. Это необычный и сложный результат усилий поэта, роль которого в творческом процессе определяется безграничной свободой и созидательной мощью преобразования мира. Поэт для Новалиса — «действительно вселенная в малом преломлении» [4, с. 96], и «он представляет собой в самом действительном смысле тождество субъекта и объекта, души и внешнего мира» [4, с. 95]. Новалис вводит в философскую терминологию понятие «душа», отсутствующее в трудах его предшественников И. Г. Фихте и И. Канта, — свойство духа человека, контрастно отличающееся от разума: «Здесь лежит тайна магии всего позитивного, всего необъяснимого, всех формул, божественных образов, предрассудков и т. д.» [8, S. 295].

«Душевное» как внутреннее пространство личности не только вбирает в себя внешний мир, но и «все более расширяет нашу свободу» [8, S. 287]. Так раздвигаются или растворяются рамки внутреннего пространства *мистическим* началом, не совместимым с неподвижным внешним миром.

Носителем магических трансформаций становится у Новалиса гений-поэт, обладающий духовной жизнью и силой «продуктивного воображения» [8, S. 525]. Поэт-маг призван созидать жизнь, оживлять неживую природу и творить неведомое ранее: «Поэзия есть созидание. Все поэтически созданное должно быть субъектом, индивидом» [8, S. 534]. Магическая способность поэта предполагает «оживление», превращение, вживание и другие формы присвоения чужого бытия в поэтическом творчестве. Процесс магии, мистификации или «романтизации», по Новалису, носит познавательный характер, приоткрывая смысл мира, обнаруживая внутренние связи человека и мира-универсума. Новалис называет свою философию «магическим идеализмом», который «мыслился им как реальный идеализм, т. е. как синтезирующий в себе два противоположных начала — субъективное и объективное» [1, с. 182].

Поэт-маг у Новалиса способен на два важных превращения — мыслей в вещи и вещей в мысли, т. е. идеального в реальное и реального в идеальное: «Обе операции являются идеалистическими. Тот, кто совершенно владеет ими обеими, есть магический идеалист» [9, S. 301]. Для Гофмансталь постижение истинной сути вещей, событий настоящего или прошлого также являлось процессом мистическим, характерным для романтического или символистского художественного сознания. В «Философии метафорического» (1894) Гофмансталь подробно рассуждал о возникновении метафор. Слово поэта, считал он, становится особенно весомым и обладает мистической силой, если оно произносится в «экстатические моменты возвышения души», «во сне» или «при взгляде свыше». В истории европейской культуры и в философии Новалиса возникли две разновидности мистического переживания: мистика погружения во внутренний мир (субъективное начало) и мистика «единства мира» (объективное начало). Первый вид мистического опыта человека («мистика души») предполагает интроспективный взгляд поэта при полном отрешении от внешних обстоятельств. При этом поэтическая душа «растворяется» в объекте творческого воодушевления. Второй вид мистического опыта сплавляет все многообразие внешнего мира в некое «мистическое единство», когда пространственно-временные различия перестают существовать [10]. Гофманстальская мистика, как и у Новалиса, «природная мистика», открывающая божественное в мире. Религиозная окраска мистического опыта появляется у молодого Гофмансталь в процессе эстетического наслаждения произведениями искусства. В одной из записей дневника «Ad me ipsum» можно встретить такое умозаключение: «Молодым человеком я увидел единство мира — религиозное — в его красоте» [5, S. 618]. Понятие прекрасного часто уподобляется божественному. Это обстоятельство во многом снимает обвинение в эстетизме, которое предъявляли молодому поэту критики. Прекрасное, по его мнению, это та сфера, где открываются первоосновы мира, поэтому наличие красоты в произведениях искусства указывает на глубинное и божественное. В стихотворениях Гофмансталь ясно присутствуют обе формы мистического переживания: «мистика души» и «единство мира». В стихотворении «Жизнь» («Leben», 1892) стираются границы «я» и мира, образуя новое призрачное пространство с менадами и дриадами:

Und alle Dinge werden uns lebendig:
Im Winde weht der Atem der Mänaden,
Aus dunklen Teichen winkt es silberhändig,
Und die verträumten flüstern, die Dryaden,
In leisen Schauern sehnd und beständig
Von nächtigen geheimnisvollen Gnaden
Mit gelbem warmem Mond und stillem Prangen
Und vieler Schönheit, die vorbeigegangen.

[7, S. 10]

И оживало все для нас на свете:
К нам из прудов тянулись руки чьи-то,
Дыханием менад ласкал нас ветер,
И шепотом, в листве от глаз сокрыты,
Дриады речь вели о лунном свете,
О радостях, что в чаще позабытой
Они при нем вкушают неизменно,
И красоте, такой, увы, мгновенной*.

[2, с. 751]

В стихотворении появляется вобравшая в себя весь природный мир душа, родственная таинственным «мировым силам». Путешествие в новый мир — это и самоуглубление, и приближение к «сердцу мира», и обретение «единства мира». Мистическим образом лирический герой может покинуть этот мир и перейти в другой, не менее красочный, в стихотворении «Воспоминание» («Erlebnis», 1892), утверждая мысль об их нерасторжимости:

...Doch es war nicht Nacht.
Mit silbergrauem Duft des dunklen Tales
Verschwammen meine dämmernden Gedanken,
Und still versank ich in dem webenden,
Durchsichtigen Meere und verließ das Leben.
Wie wunderbare Blumen waren da
Mit Kelchen dunkelglühend! Pflanzendickicht,
Durch das ein gelbrot Licht wie von Topasen
In warmen Strömen drang und glomm.

[7, S. 19]

...Но была не ночь.
В благоуханном серебре долины
Мысль сумеречная моя тонула,
И словно в зыбкую прозрачность моря
Я погрузился и покинул жизнь.
Каким там темным пламенем сверкали
Чудесные растенья, от которых
Свет исходил горячею волной,
Багряно-желтый, словно блеск топазов!

[2, с. 752]

Познание сущностного и божественного — цель творчества Гофманстала. Это менее всего постижение внешних законов мироздания, но прежде всего — постижение «идей» в платоновском смысле. Поэт ставит перед собой цель проникнуть в «бесчувственный смысл идеи»: «Идея: ничто прекрасное не могло бы умереть и исчезнуть. <...> Жизнь и сновидение (произведение искусства), обдумать их отношение друг к другу» [6, S. 392]. «Идеи» и «важные первоосновы» тесно связаны с ощущением «единства мира», в котором сходятся люди, человеческие судьбы и звезды, казалось бы отдаленные друг от друга во времени и пространстве. Стихотворение «Мир и я» («Welt und ich», 1893) разрушает временные различия и пространственные границы подобно новалисовскому сновидению:

Und Mondlicht, das durch Laub zur Erde trieft,
Und Rasen, drauf der Schlaf die Menschen legt,
Gleich stummen Krügen, jeder angefüllt
Mit einer ganzen Welt... das alles trägt

Mein Herr auf seinen Armen dir zu Dienst
Und zittert nicht und hält es gerne gut,
So wie ein Silberbecken, angefüllt
Mit leise redender, lebendiger Flut.

[7, S. 141]

И лунный свет в листве, и ложе мха,
Куда кладет нас, как сосуды, сон,
А в каждый из сосудов этих влит
Свой мир особый...

И все это он,
Не дрогнув, примет от тебя, титан,
И удержать сумеет без труда,
Как урну из литого серебра,
Откуда, чуть журча, бежит вода.

[2, с. 757]

* Здесь и далее переводы Ю. Корнеева.

Фантастические картины сновидений напоминают романтические, символистские и даже сюрреалистические полотна художников. Действительный смысл их загадочен. Это новый поэтический взгляд на привычное, во многом отстраненный и вызывающий самые причудливые и неупорядоченные ассоциации. Сновидение Гофмансталя представляет собой мир, увиденный возвышенным взглядом. Фантастические видения указывают на важные жизненные связи. «Некоторые постигают жизнь любовью. Другие — размышлением. Я, видимо, сном», — записал молодой Гофмансталь в своем дневнике [6, S. 386]. Сон как некое возвышенное состояние позволяет поэту, как и Новалису, проникать в «суть вещей», поэтому в сне есть реальное содержание и он не может противопоставляться действительности. Сновидение, по Гофманстально, призвано передать всю полноту и глубину жизни, а не ее поверхностные проявления. Символистские стихотворения молодого автора приоткрывают потаенную суть мира словами особого рода. Они — хранители тайны, как отчетливо звучит в стихотворении «Мировая тайна» («Weltgeheimnis», 1894):

Und wächst und weiß nichts von sich selbst
 Und wird ein Weib, das einer liebt
 Und — wunderbar wie Liebe gibt!
 Wie Liebe tiefe Kunde gibt!
 Der wird an Dinge, dumpf geahnt,
 In ihren Küssen tief gemahnt...
 In unsern Worten liegt es drin,
 So tritt des Bettlers Fuß den Kies,
 Der eines Edelsteins Verlies.
 Der tiefe Brunnen weiß es wohl,
 Einst aber wußten alle drum,
 Nun zuckt im Kreis ein Traum herum.

[7, S. 20]

Растет в неведение дитя
 И станет женщиной, и вот
 Любовь к ней, женщине, придет!
 Любовь к ней оттого придет,
 Что ласка женская и есть
 Ключ к тайне, что забыта днесь.
 Мы тайну спрятали в слова,
 Так нищий глину мнет пятой,
 Хотя алмазы в глине той.
 Колодец знает все, но то,
 Что знал в былое время всяк, —
 Сегодня лишь неясный знак.

[2, с. 758]

Поэт у Гофмансталя занят поисками единственного искомого слова *мистическим образом*. Он ощущает ограниченность простых слов и понятий и вводит термин, имеющий не менее широкое распространение в его эстетике, — «магия». Личность поэта, как и у Новалиса, приобретает магические свойства. Если «мистический взгляд» обращен на первоосновы жизни, то «магическая сила» целенаправленно и созидательно воздействует на процесс творения произведения искусства: «Жизненный путь ведет ко все более усиливающейся магии. Магия — способность охватывать взаимоотношения волшебным взглядом, дар оживлять хаос любовью» [6, S. 405]. Магия необходима для проникновения в глубинный смысл вещей и явлений при помощи слов. Запись в дневнике «Ad me ipsum» гласит: «Начало: чистая магия: предсуществование» [5, S. 621].

Задача *поэта* заключается, по Гофманстально, в том, чтобы превратить мистическую «суть вещей» в слова. Именно они являются главными посредниками между «высшим миром» и действительным: «Слова — талисманы — ангелы и посланники Бога. Такие талисманы оставляют после себя волшебный сад жизни, они имеют силу над миром... Талисманы — это идеи вещей: они заключены в словах, жестах, которые мы, не глядя, бросаем в ночь; определенные картины, на которые мы пристально посмотрим...» [6, S. 396—397].

Поэтическое видение мира позволяет Гофманстало, как и Новалису, находить слова, «что властью дарят колдовскою» [2, с. 754]. Волшебная сила слов в романтизме и символизме заключается в музыке стиха с особым ритмом и рифмой, а также в важной роли изысканных сравнений, метафор и символов. В стихотворении «Психея» («Psyche», 1892), посвященном Э. А. По, передается диалог Психеи («души моей») с поэтом, который не согласен с тем, что Психея предалась унынию и «блеска нет у жизни»:

Ich sagte: «Noch weiß ich wohl eine Welt,
Wenn dir die lebendige nicht gefällt.
Mit wunderbar nie vernommenen Worten
Reiß ich dir auf der Träume Pforten:
Mit goldenblühenden, süßen lauen
Wie duftendes Tanzen von lachenden Frauen,
Mit monddurchsickerten nächtig webenden
Wie fiebernde Blumenkelche bebenden,
Mit grünen, rieselnden, kühlen, feuchten
Wie rieselndes grünes Meeresleuchten,
Mit trunken tanzenden, dunklen, schwülen
Wie dunkelglühender Geigen Wühlen,
Mit wilden, wehenden, irren und wirren
Wie großer nächtiger Vögel Schwirren,
Mit schnellen und gellenden, heißen und grellen
Wie metallener Flüsse grellblinkende Wellen...»

[7, S. 131—132]

Сказал я: «Не ценишь ты мир земной?
Изволь, я тебя поведу в иной.
Ворота мечты тебе я открою
Словами, несхожими с речью людскою,
Золототкаными, полными ласки,
Как женщин смеющихся легкие пляски,
Зыбкими в желтом лунном сиянии,
Как полуночных цветов трепетание,
Прохладными, влажными, цвета такого,
Как отблеск зеленый свеченья морского,
Темными, томными до охмеленья,
Как скрипки, стенающие в иступленья,
Мяжкими, мощными, страшными, точно
Крылья совиные в час полуночный,
Льющими ливнем зной небывальый,
Как раскаленные реки металла...»

[2, с. 754]

Гофмансталь понимает метафору как перенесение смысла из области мистической в языковую сферу магическими способностями поэта. В статье «Философия метафорического» он описал этапы возникновения метафорической образности. основополагающий момент при этом — «озарение», понятие, взятое молодым поэтом из арсенала французских символистов, и прежде всего А. Рембо: в сверхъестественном состоянии поэта формируется метафора. Первое, что она целенаправленно вбирает в себя, это сущностные «идеи», праобразы, глубинный смысл которых «переносится» в поэтическое слово. Метафора возникает из «сердца вещей», и проявленные в ней идеи обретают словесное выражение, заимствованное, тем не менее, из жизни. Поэтому в своем звучащем виде поэтическое слово берется из обыденной речи. Однако слова для Гофмансталя — «запечатанные сосуды». Под всепроникающим «взглядом» поэта они оказываются «сосудами божественного святого духа, правды» [6, S. 390]. Поэт волен избирать в мире любой объект и проникать в его потаенный смысл: «Все, что есть, существует, бытие и значение образуют единство; следовательно, все бытие является символом» [6, S. 391]. Всевластие поэта, по мысли Новалиса и Гофмансталя, не имеет границ. Поэту-романтику, как и поэту-символисту, подвластно любое волшебство. Его творящее сознание создает «новый мир», существующий в фантазии. Идея воссоздания искомого единства человека и мира, а также единства человека с самим собой претворяется в художественном творчестве Новалиса и Гофмансталя в ходе поисков единственно точного поэтического слова.

Библиографический список

1. *Габитова Р. М.* Философия немецкого романтизма : (Фр. Шлегель. Новалис). М. : Наука, 1978. 288 с.
2. *Гофмансталь Г. фон.* Избранное. М. : Искусство, 1995. 846 с.
3. *Дудова Л. В.* Новалис // Зарубежные писатели : биобиблиографический словарь. М. : Просвещение, 1997. Ч. 2. С. 107—110.
4. *Новалис.* Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М. : Изд-во МГУ, 1980. С. 94—107.
5. *Hofmannsthal H. von.* Ad me ipsum // Hofmannsthal H. von. Reden und Aufsätze III. Aufzeichnungen. Frankfurt a. Main : S. Fischer, 1986. S. 597—627.
6. *Hofmannsthal H. von.* Aufzeichnungen aus dem Nachlaß 1894—1895 // Hofmannsthal H. von. Reden und Aufsätze III. Aufzeichnungen. Frankfurt a. Main : S. Fischer, 1986. S. 311—409.
7. *Hofmannsthal H. von.* Gedichte. Dramen I. Frankfurt a. Main : S. Fischer, 1986. 652 S.
8. *Novalis.* Schriften. Stuttgart : Kohlhammer, 1965. Bd. 2 : Das philosophische Werk. 784 S.
9. *Novalis.* Schriften. Stuttgart : Kohlhammer, 1968. Bd. 3 : Das philosophische Werk. 1076 S.
10. *Rudolf O.* West-östliche Mystik. Gotha : Leopold Klotz-Verlag, 1926. 258 S.

ББК 83.3(4Вел)4-451

*М. В. Яценко***ХРИСТИАНСКАЯ ГИМНОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ПОЭМ «ДАНИИЛ» И «АЗАРИЯ»**

Рассматриваются проблема единства древнеанглийской поэмы «Даниил» и специфика представления в ней христианских песнопений. Особое внимание уделяется тому, как в поэтическом фрагменте («Даниил Б») и в поэме «Азария» описывается чудо спасения отроков в горячей печи.

Ключевые слова: древнеанглийские поэмы «Даниил» и «Азария», «Даниил Б», христианская гимнография, Песнь трех отроков, Песнь/молитва Азарии.

The article deals with the problem of integrity of the Old English poem «Daniel» and the specificity of preservation of Christian hymnody in it. Special attention is paid to the way the poetic fragment («Daniel B») and the poem «Azarias» depicts the miracle in the fiery furnace.

Key words: Old English poems «Daniel» and «Azarias», «Daniel B», Christian hymnody, the Song of the Three Youths, the Song/prayer of Azarias.

Христианские песнопения на латинском языке в Древней Англии исполнялись во время богослужения. Неизвестно, как и где использовались переводы богослужебных текстов на древнеанглийский язык. Дошедшие до нас их рукописные версии можно условно разделить на глоссированные и самостоятельные. Глоссы к Псалтири дошли в нескольких вариантах с параллельным латинским, а иногда и англо-нормандским текстом (например, Эдвинава Псалтирь). Самостоятельные переводы сохранились в составе

© Яценко М. В., 2017

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-04-50082 а(ф).

• Серия «Гуманитарные науки»

древнеанглийской версии богослужебной последовательности по уставу св. Бенедикта [9], которая включает прозаические фрагменты-разъяснения и ряд песнопений, изложенных аллитерационным стихом. Вероятно, глоссированные переводы адресовались прежде всего монахам, начинающим изучать богослужебные тексты и латинский язык, и были своеобразным вспомогательным средством в обучении. Более широкой могла быть сфера употребления переводов из богослужебной последовательности, которые часто приближались к вольным парафразам-разъяснениям [3] основных христианских песнопений, среди которых были доксологии, молитвы «Отче наш» и «Символ веры». Весьма похожи на эти тексты и два поэтических перевода христианских песнопений Песни трех отроков и Песни, или молитвы Азарии, включенные в древнеанглийскую эпическую поэму на ветхозаветный сюжет «Даниил». Это единственный случай существования переводов гимнографии в эпической поэме-парафразе Ветхого Завета. В контексте поэмы «Даниил» гимнографический фрагмент (Dan 279—408¹) представляет собой как бы отдельную поэму (ее даже издают под названием Daniel B (подробнее об этом: [11, p. 22; 12, p. 338—341]). Этот фрагмент очень близок по содержанию поэме (или фрагменту) «Азария». Принципы его включения в эпический нарратив поэмы «Даниил», так же как и его внутренней организации (и организации фрагмента «Азария»), позволяют выявить специфику рецепции христианской гимнографии в англосаксонской эпической традиции.

Прежде всего рассмотрим содержание и основания для выделения гимнографического фрагмента (далее — «Даниил Б») в поэме «Даниил». Первое из них очевидно — это наличие второго рукописного варианта этого же фрагмента — поэмы «Азария». Наличие рукописных вариантов одного текста является привычным для многих эпических традиций (например, старофранцузской). Однако для древнеанглийского поэтического наследия это явление практически уникальное. До нас дошли еще только два древнеанглийских поэтических текста в нескольких вариантах: «Гимн Кэдмона», посвященный первотворению и прославлению Творца, и «Предсмертная песнь Беды», содержащая размышления человека о бренности жизни, — оба представляют собой краткие песнопения, варианты которых включены в ряд прозаических рукописей. Поэмы «Даниил» и «Азария» входят в рукописи поэтические (Кодекс Юниуса и Эксетерскую книгу соответственно), и объем соотносимых текстов в них значительно больше. Близкое сходство между текстами из двух рукописей дает исследователям основание говорить, что оба фрагмента восходят к единому прототипу [11, p. 36—37]. Поскольку Эксетерская книга была создана на четверть века ранее Кодекса Юниуса (последний датируется самым началом XI века), предполагают, что в поэме «Азария» представлена более древняя версия песнопений. Песнь Азарии (первый гимнографический фрагмент) более или менее похожа по объему и содержанию в двух поэмах, но следующая за ней Песнь трех отроков в «Азарии» значительно больше (Dan 362—408, Az 73—161a) и содержит ряд подробностей и деталей, не упомянутых в «Данииле». Вопрос о едином источнике для «Даниила Б» и «Азарии» остается открытым, пока таковой не найден [12, p. 338—341].

¹ Здесь и далее текст поэм «Даниил» и «Азария» приводится с переводом автора статьи и опущением долгот по изданию [10] с указанием номера строки и сокращений Dan и Az соответственно.

Вторым основанием для выделения «Даниила Б» как самостоятельного фрагмента в контексте поэмы «Даниил» может служить специфика его ритмического устройства. Эта часть текста поэмы не содержит гиперметрических строк, которых много в основной части текста «Даниила» [11, р. 18—22]. Своеобразие ритмического устройства древнеанглийских версий христианских песнопений не только выделяет их из всей поэмы «Даниил», но и выявляет новый для рукописи в целом выразительный прием: противопоставление песнопений и основного нарратива за счет ритмического рисунка. При том, что количество слогов в поэтической строке в древнеанглийском не было нормировано, этот прием выглядит как поэтическое новшество, а само ритмическое единство «Даниила Б» восхищает многих ученых [8, 11]. Рукопись Кодекса Юниуса, состоящая из переложений Ветхого («Бытие», «Исход», «Даниил») и Нового («Христос и сатана») Заветов, содержит и другие песнопения, однако ни одно из них нельзя назвать переводом и ни одно из них не выделено ритмически так, как фрагмент в поэме «Даниил». Своеобразие ритмической организации «Азарии» менее заметно на фоне пестрой по форме и содержанию Эксетерской книги. Примечательно, что ритмическое единообразие свойственно не только песнопениям, но и обрамляющим эти песнопения текстам «Даниила Б» и «Азарии».

Сравнение «Даниила» с композицией остальных текстов Кодекса Юниуса также дает основание для выделения некоего самостоятельного фрагмента, источник которого может быть отличен от прототипа основной части произведения. Подобного рода фрагменты есть в первых двух текстах рукописи. Поэма кодекса «Бытие» содержит части А и Б, вторая из которых (Genesis B) является переводом древнесаксонской поэмы. В поэму кодекса «Исход» включена часть, издаваемая как «Исход Б» (Exodus B). Этот фрагмент включает краткое изложение истории праотцов (Ноя и Авраама), составленное на основе книги Бытия и встроенное в середину рассказа о переходе через Красное море [7]. Логично было бы предположить, что и «Даниил» содержит подобную часть с неким иным, отличным от основного текста поэмы, источником. Однако против такого предположения можно привести ряд возражений. В частности, то, что в последней поэме кодекса «Христос и сатана» нет подобных вставных фрагментов. Другим аргументом против может быть специфика самой поэмы, ее уникальность на фоне всего кодекса. Именно в «Данииле» библейский источник (1—5 главы книги пророка Даниила) излагается наиболее последовательно и близко к оригиналу. Все остальные поэмы из этой рукописи более свободно воспроизводят соответствующие библейские книги, в них часто привлекается материал из других источников.

Еще одним основанием для выделения фрагмента «Даниил Б» можно назвать специфику его основных источников, а именно их связь с христианской гимнографией. Христианские песнопения существовали на совершенно «иных правах»: они могли быть доступны не только в составе текста ветхозаветной книги (книга «Исход», например, в древнеанглийских рукописях вообще не содержала песни Моисея), но и в рукописях богослужебных книг. Известно, что Песнь трех отроков входила в книгу Песней (греч. ὕμναι, лат. Canticles), которая часто переписывалась вместе с Псалтирью и содержала ряд ветхо- и новозаветных песнопений, а также молитв, используемых на богослужении. Достаточно длинная Песнь трех отроков, содержащая ряд однотипных структур, в разных рукописях могла сокращаться или расши-

ряться [12, р. 334]. Наиболее близкой к древнеанглийским парафразам считается версия этого песнопения из Веспасиановой Псалтири, хотя ученые обнаружили более восьми разных вариантов этого текста, которые восходят к древнеанглийскому периоду [12, р. 428—434]. Варьируемость песнопения была связана, прежде всего, с устным характером его исполнения. Песнь трех отроков является одним из древнейших песнопений христианской церкви. Она использовалась, видимо, уже в апостольском богослужении [2, с. 56—134]. Песнь была частью Иерусалимского богослужения (IV—X вв.), она же упоминается Афанасием Александрийским как исполняемая на Пасху (IV в.) [6]. Общим для западной и восточной традиций долгое время было использование этого песнопения в качестве последнего фрагмента ветхозаветных паремий (чтений) на богослужении Великой Субботы². Полная ликования от совершенства Божьих творений, эта песнь была последней паремией и предваряла литургию, на которой новокрещенные должны были впервые причаститься Тела и Крови Христовых.

Безусловно, связь с богослужением определяла принципиально иные, отличные от эпических (по большей части повествовательных) художественные особенности фрагмента «Даниил Б». Прежде всего это иной характер художественного времени. События песнопения каждый раз как бы вновь происходят во время богослужения и относятся уже не только к ветхо- или новозаветным героям, которые когда-то изрекли эти слова. Каждое слово богослужения отражается в сознании верующего как относящееся к нему самому (именно поэтому у ранних христиан не было хора, а все его партии исполняли собравшиеся на общую молитву). И каждое описываемое в богослужебном песнопении событие словно бы происходит в момент его исполнения, от этого усиливается его вневременное начало³. Эта особенность несколько отлична от того, что мы привыкли называть эпическим временем, т. е. временем, отделенным от нас «эпической дистанцией» [1, с. 456—459]. Вневременной характер событий наиболее ярко проступает в произведениях древнеанглийского религиозного эпоса. В «Данииле» это происходит, главным образом, за счет комментариев к поступкам героев, их осмысления с точки зрения общечеловеческих моральных правил.

В поэтических переводах песнопений создавался эффект присутствия и соучастия за счет использования разного рода средств. В Песнях Азарии и трех отроков это прежде всего обращение к Богу на «Ты», прямое общение с Ним. В Песни трех отроков, кроме того, постоянно повторяются конструкции с повелительным наклоном, обращенным одновременно и к Богу, и к разным Его творениям: «*De gebletsige,/ bylywit fæder, // woruldcrefta wlite/ and weorca gehwiltc. //*» — «Да прославят Тебя,/ Отче милостивый, // мира краса/ и творение всякое» (Dan 362—363). В конце Песни отроки перечисляют и самих себя последними в ряду Божьих творений (Dan 397—399, Az 153—154). В поэме «Азария» эффект присутствия и соучастия усиливается за счет упо-

² Состав паремий в ранней церкви разнился. Песнь трех отроков появляется в их числе в Сакраментарии Геласия (рукопись 750 г.), а затем — в Галликанских миссалах, традиция которых была узаконена Римской церковью в Тридентском Миссале 1570 года и поддерживалась до 1970, когда количество чтений официально сократилось с 12 до 7 и Песнь трех отроков была удалена из их числа [4].

³ Подобные наблюдения находим у Д. С. Лихачева относительно древнерусской литературы [5, с. 252].

минания всех участвующих в богослужении: «Bletsien þe þine sacerdas,/ soðfæst cyning,// milde mæsseras/ mærne dryhten,// and þine þeowas,/ ðeoda hyrde,// swylce haligra/ hluttre saule,// and, ece god,/ eaðmodheorte.//» — «Да благословят Тебя Твои священники,/ Конунг истинный,// смиренные мессы участники — / славного Господа,// и слуги Твои,/ Пастырь народов,// святым подобные,/ чистой душой,// и, вечный Господь,/ смиренные сердцем.//» (Az 148—152). При этом перечисляются не только священники, но и все прихожане, души которых очищаются, смиряются и тем самым они уподобляются святым, что соответствует содержанию ряда молитв и песнопений литургии. Таким образом усиливаются устойчивые ассоциации данного песнопения с внутренним смыслом литургии и особенно Евхаристии.

Не менее очевидной оказывается и ассоциация древнеанглийских поэтических переложений не только с внутренней, содержательной, но и внешней стороной богослужения, что происходит за счет драматизации описываемых событий. Мы рассмотрим этот прием на материале нарративной структуры фрагмента «Даниил Б». В поэме он обладает совершенно четкой смысловой законченностью и некоторой автономностью. Дело в том, что чудесное спасение отроков в огне раскаленной печи подробно описывается до «Даниила Б» в повествовании от лица автора (Dan 232—278). Здесь упоминаются и действия Навуходоносора, который велел бросить отроков в раскаленную печь, и его слуг, и Бога, который послал ангела для спасения Анании, Азарии и Мисаила. Подробно описывается и само чудо: появление ангела, уничтожение опасного действия огня, появление в центре раскаленной печи прохладной росы — и кара для халдеев, на которых обратился огонь пламени. Этот фрагмент выглядит вполне логически законченным, однако за ним следует «Даниил Б», начинающийся с краткого вступления (Dan 279—282, Az 1—4) покаянной Песни-молитвы Азарии, который перечисляет прегрешения своего народа и осознает заслуженность наказания (Dan 283—332, Az 5—48). Следующее затем описание чудесного спасения от лица автора (Dan 333—361, Az 49—73) может показаться избыточным. В нем вновь упоминается появление ангела, посланного Богом, уничтожение действия огня и выпадение приятной росы. В соединении этих фрагментов вполне естественно видеть следующую логику: именно за покаяние, принесенное от лица всего народа Азарией, Господь и дарует спасение от огня. Однако встает вопрос: каким образом Азария мог петь в печи свою песнь, если он не был спасен с самого первого момента своего пребывания в ней?

При внимательном рассмотрении «Даниила Б» окажется, что описание чудесного спасения повторится затем в словах Песни трех отроков. Более того, после этого песнопения в речах еще двух героев вновь сообщается о том же самом событии — чудесном спасении отроков в огненной печи. Понятно, что ряд таких повторных описаний не имеет целью сообщить об этом чуде что-либо новое. Скорее, его цель — рассказать об одном и том же с разных точек зрения. При этом наличие разных героев, сообщающих об одном и том же событии, уподобляет рассказ антифонному пению на богослужении либо участию хора в античной трагедии. Отметим, что даже два подробных рассказа от лица автора несколько различаются. В первом случае подробно излагается еще и участь халдеев, бросивших отроков в печь: они оказываются обожжены огнем. Описывая чудо второй раз (Dan 333—361, Az 49—73), автор говорит как бы с точки зрения отроков, он описывает лишь события внутри огненной печи. Наибольший интерес представляют две речи, кото-

рые включены в поэму после Песни трех отроков. Первая из них в поэме «Даниил» произносится от лица Навуходоносора: он удивляется тому, что видит в печи не трех человек, которых он туда отправил, а четырех (Dan 409—415). Однако в поэме «Азария» схожая речь может быть приписана и его советнику, так как далее говорится, что Навуходоносор эту речь «проглотил» («*Ða þam wordum swealg// brego Caldea*» — «Тогда те слова проглотил/ князь халдейский» (Az 179—180), т. е. «произнес» или «выслушал». «Азария» заканчивается прославлением отроков, спасшихся из огня. В поэме «Даниил» реакция на чудо описана подробнее. Здесь участвует еще и советник Навуходоносора (*cyninges gæswa* — «князя советник» (Dan 416)), который видит чудо с другой стороны: его восхищает то, что отроки получают спасение благодаря своим песнопениям. Примечательно, что такого героя нет в библейском рассказе. Слова его до некоторой степени повторяют слова Моисея, начинающие описание разделения волн Красного моря в поэме «Исход»: «*Hwæt, ge nu ealum/ on lociað, // folca leofost, / færwundra sum, // hu ic sylfa sloh/ and þeos swiðre hand// grene tacne/ garsecges deop!//*» — «Истинно! Вы сейчас очами/ [своими] видите (увидите), // народ возлюбленный, / чудо невиданное, // то, как я ударил/ и эта десница могучая// зеленым жезлом/ морскую бездну!//» (Ex 278—281⁴). В «Данииле» советник говорит: «*ƿæt is wundra sum// ƿæt we ðæg ealum/ on lociað.//*» — «Это чудо дивное, // что мы там очами/ видим.//» (Dan 417—418). В обоих случаях речь идет о неких чудесных событиях, которые происходят под действием Божьей воли и воли человека (пророка Моисея или отроков) и слов, которые человек изрекает (описание разделения вод моря и песни Азарии и отроков). Более того, этот советник Навуходоносора призывает царя обратить внимание на то, что поют отроки. При этом он фактически повторяет (или продолжает) последнюю часть Песни отроков, приводя ряд наименований Бога. Сам факт именованья лица как в христианской, так и в германской традиции носил сакральный характер. Речь советника должна была заставить царя-язычника уверовать в единого Бога. Именно это происходит в конце данного эпизода в поэме «Даниил».

Таким образом, христианские песнопения в поэме «Даниил» не только достаточно подробно (а иногда и вольно) переводились, но и влияли на организацию повествования в целом. Оно уподоблялось драматическому или литургическому действию. При этом событие описывалось не как развивающееся во времени, а как единое целое за счет рассмотрения его с разных точек зрения.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эпос и роман : (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. С. 447—483.
2. Василик В. В. Происхождение канона (богословие, история, поэтика). СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. 302 с.
3. Гвоздецкая Н. Ю. Древнеанглийская религиозная поэзия : христианские доксологии-парафразы // Современные тенденции развития науки и технологий : сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конфере-

⁴ Текст поэмы «Исход» приводится с переводом автора статьи и опущением долгот по изданию [10] с указанием номера строки и сокращением Ex.

- ренции 31 июля 2015 г. : в 6 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород : ИП Ткачева Е. П., 2015. Ч. 3. С. 13—17.
4. Желтов М. С., Ткаченко А. А. Великая Суббота // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2004. Т. 7. С. 431—443.
 5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 360 с.
 6. Ткаченко А. А., Желтов М. С. Библейские песни // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2002. Т. 5. С. 62—71.
 7. Яценко М. В. Образы праотцев в контексте древнеанглийской библейской парфразы «Исход» // *Cursor Mundi*. Человек Античности, Средневековья и Возрождения : научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. Вып. 7. С. 164—173.
 8. Anderson E. R. Style and Theme in the Old English Daniel // *English Studies*. 1987. Vol. 68, № 1. P. 1—23.
 9. The Benedictine Office. An Old English Text / ed. by J. M. Ure. Edinburgh : At the Univ. press, 1957. 141 p.
 10. Daniel and Azarias / ed. with Intr., Notes and Glos. by R. T. Farrell. London : Butler and Tanner, 1974. 139 p.
 11. Exodus: Old English Exodus / ed. with Intr., Notes and Glos. by E. B. Jr. Irving. New Haven : Yale University Press ; Oxford : Oxford University Press, 1953. 136 p.
 12. Farrell R. T. Introduction // *Daniel and Azarias* / ed. with Intr., Notes and Glos. by R. T. Farrell. London: Butler and Tanner, 1974. P. 1—45.
 13. Remley P. G. Old English Biblical Verse. Studies in *Genesis, Exodus and Daniel*. Cambridge ; Oxford : Oxford University Press, 1996. 476 p.

ББК 81.432.1-51

Е. А. Вансяцкая

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗАСТЕНЧИВОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ (На материале англоязычных художественных текстов)

Рассматривается один из видов неконструктивного поведения детей. Застенчивое поведение коммуникантов-девочек проявляется на физиологическом, психологическом и поведенческом уровнях, поэтому для его описания используются психофизиологические реакции, а также невербальные компоненты коммуникации различных типов. Материалом исследования послужили англоязычные тексты художественной литературы для детей.

Ключевые слова: неконструктивное поведение детей, застенчивое поведение, коммуникант-девочка, психофизиологические реакции, невербальные компоненты коммуникации, художественная литература для детей.

The article examines one of the types of non-constructive behavior. Shy behavior of girl-speakers is manifested on physiological, psychological and behavioral levels. To describe this type of behavior psychophysiological reactions as well as non-verbal components of communication are used. The examples are taken from literary works for children.

Key words: non-constructive behavior, girl-speaker, psychophysiological reactions, non-verbal components of communication, literary works for children.

Общение — это естественная среда дошкольника и младшего школьника. В условиях диалога дети накапливают социальный опыт, познают мир во всем его разнообразии, самореализуются. Прочтение словесных и несловесных элементов поведения собеседника способствует достижению высокой степени взаимопонимания. Отслеживание такой информации в ходе любого коммуникационного акта дает нам сведения о морально-личностном потенциале партнера, о его внутреннем мире, настроении, чувствах и переживаниях, намерениях и ожиданиях, степени решительности или отсутствии таковой. В этот период развития ребенка актуальными становятся вопросы, связанные с эмоциональной сферой, а также использованием им невербальных средств коммуникации [3].

В дошкольном и младшем школьном возрасте дети постепенно учатся произвольному коммуникативному поведению. Они уже понимают, почему и для чего они выполняют те или иные коммуникативные действия, поступают так, а не иначе. Дети сами стремятся соблюдать нормы и правила взаимодействия, причем как можно лучше, не ожидая приказаний, регламентаций, проявляя инициативу и творчество. При этом в языковом отражении реальной действительности младший школьник еще не может абстрагироваться от изображаемой ситуации [6, с. 51]. Именно поэтому достаточно часто как в диалогической, так и в монологической речи ребенка этого возраста

© Вансяцкая Е. А., 2017

наблюдается широкое использование невербальных средств. Чаще всего они восполняют отсутствующие элементы конструкции, создавая ощущение спонтанности, естественности и поддерживая высокий уровень эмоциональности общения. Выделены семь факторов в невербальном поведении ребенка: жестикация, мимика, паузация, дистанция, темп, физический контакт, коммуникативная приветливость [6, с. 103—120].

Выявлены некоторые особенности, характерные для учащихся первого класса. В ответ на похвалу и ласковые слова ребенок использует невербальные средства, реже — слова благодарности, ответную похвалу и самопохвалу. Также в монологической речи ребенка содержится большое количество пауз, так как составление связного текста и его пересказ представляют определенную трудность. Дети этого возраста часто жестикуют, особенно в неофициальной обстановке с родными и сверстниками. Но, как отмечается, они умеют не только выбирать адекватное коммуникативное поведение, но и придерживаться намеченной программы до получения желаемого результата, несмотря на возникающие трудности [7, с. 65].

Коммуникативные успехи и проблемы во многом обуславливают самооценку ребенка, его психоэмоциональное состояние, развитие тех или иных личностных качеств [5, 7].

Возникающие трудности при общении детей многообразны. Некоторые из них обусловлены нейродинамическими свойствами ребенка: нестабильностью его психических процессов, психомоторной расторможенностью или заторможенностью. В других случаях нарушение поведения является результатом неадекватной реакции ребенка на определенные затруднения в жизни или его неудовлетворенность стилем общения со сверстниками и взрослыми [2]. Всё это неизбежно ведет к срывам в поведении. Они могут приобретать различные формы. К наиболее типичным видам неконструктивного поведения относят: импульсивное, демонстративное, протестное, агрессивное, застенчивое, конформное.

В рамках данной статьи обратимся к анализу способов демонстрации коммуникантами-девочками (героями англоязычных художественных текстов) застенчивого поведения. Нами были проанализированы примеры, полученные методом сплошной выборки из произведений для детей на английском языке. Современные повести для детей американских писателей демонстрируют различные типы неконструктивного детского поведения, при этом застенчивое поведение встречается достаточно часто.

Проанализировав примеры, можно сделать вывод о том, что данный тип поведения проявляется на физиологическом, психологическом и поведенческом уровне. Таким образом, для его описания в тексте необходимы психофизиологические реакции (ПФР). Исследователь ПФР И. С. Баженова выделяет несколько компонентов. К первому типу относятся психофизиологические симптомы, к которым она причисляет вегетативные реакции, звуковые и двигательные симптомы. Вторым типом является фонация, а третьим — кинемы [1, с. 28]. Согласно исследованиям психологов и физиологов, все ПФР имеют рефлекторный характер. С биологической точки зрения они призваны защитить человека от внешней или внутренней опасности [4, с. 16].

Нами было отмечено, что проявления застенчивого поведения на физиологическом уровне встречаются чаще всего. К ним относятся учащенный пульс, сильное сердцебиение, потливость, покраснение, ощущение пустоты в желудке.

Продемонстрируем сказанное выше примерами.

We flipped to see who'd go first and I won, which meant Claudia had to dial. I called the number out loud for her, and inside me my heart was suddenly going «kerplunk, kerplunk, kerplunk, kerplunk», heavy as an elephant's feet [8, p. 41].

В рассматриваемом примере девочка-школьница стесняется совершить телефонный звонок: это вызвано особенностью ее характера, а также общей ситуацией коммуникации. По жребию выпало звонить ее подруге, но даже присутствие рядом вызывает эмоцию смущения у коммуниканта. Описание ПФР, осложненное сравнением «my heart was suddenly going heavy as an elephant's feet», помогает дешифровать истинный характер испытываемой эмоциональной реакции.

«There you go again», growled Marsha, pointing a ballpoint pen directly into Collette's face. «My cousin Carole predicted this would happen. Carole said you're scared to death of any boy who isn't your brother!»

Heat rose so quickly up Collette's neck, it almost shot out her forehead [11, p. 10].

В анализируемой ситуации адресат испытывает эмоциональную реакцию смущения. Оно вызвано словами коммуниканта 1 о том, что девочка до смерти боится всех мальчиков, кроме своих братьев. Описание переживаемой эмоции представлено предикативной фразой «Heat rose so quickly up Collette's neck, it almost shot out her forehead». В результате негативного вектора героиня ощущает жар сначала в шее, а потом он доходит до лба.

«Nice outfit», called the one non-blonde, putting her hands on her hips.

I blushed. Too bad I'd chosen the jeans with the hole in the knee that day [10, p. 10].

Анализ данного примера показывает, что коммуникант испытывает смущение. Во-первых, она переехала в новый район, и у нее еще нет знакомых. Вторая причина заключается в том, что она надела джинсы с дыркой, а здесь не принято так одеваться. В результате она краснеет. Отрицательная эмоциональная реакция выражена формой прошедшего времени глагола «to blush», которое имеет словарное значение «to become red in the face, usually because you are embarrassed» [9].

My smile was supposed to show Claudia how brave I was, how unscared. What a lie! Inside, my stomach was starting to quease up again [8, p. 74].

В данном примере присутствует невербальный компонент мимического вида — она улыбается, пытаясь таким образом скрыть свое смущение. Но героиня притворяется, и ПФР выдает истинный характер переживаемой ею эмоции: она ощущает приступы тошноты. Данная вегетативная реакция представлена глагольным словосочетанием «my stomach was starting to quease up», в котором глагол «to quease» окрашен негативно.

«Carole bet me five bucks you wouldn't call a single boy. She said you wouldn't even show up at my birthday party. That's how smart she is».

The knuckles on Collette's hand went white as she squeezed the banister with all her might [11, p. 11].

В ответ на слова говорящего о том, что она не придет на празднование дня рождения, если там будут мальчики, адресат совершает неконтролируемое действие, которое вызвано сильной эмоциональной реакцией. Оно представлено номинацией «she squeezed the banister with all her might», при этом

косяшки пальцев коммуниканта побелели «the knuckles on Collette's hand went white», что свидетельствует о силе переживаемой девочкой эмоции.

Что касается психологических проявлений, то к ним относят внутреннее ощущение смущения и неловкости, неспособность мыслить логично и эффективно. У детей возможна депрессия, вялость, беспокойство, чувство одиночества.

<...> Collette turned away, facing the wall. Suddenly she felt completely deserted. First, the fifth grade, then the world, and now even her mom were against her [11, p. 42].

В данной ситуации коммуникант испытывает смущение, которое вызвано нежеланием идти на день рождения. Но все убеждают ее в необходимости пойти. Девочка ощущает, что все одноклассники, весь мир и даже ее мама ополчились против нее. В результате она совершает проксемное невербальное действие — отворачивается к стене, не желая никого видеть. Ее эмоциональное состояние описано через предикативную фразу «she felt completely deserted», в которой прилагательное «deserted» свидетельствует о векторе переживаемой эмоциональной реакции.

На поведенческом уровне ребенок демонстрирует нежелание вступать в коммуникацию, что может проявиться в затрудненном контакте глаз, монотонной, тихой медленной речи, длинных паузах, молчании, неуместных вздохах, трудностях построения диалога [7, с. 73—74].

It was a minute or two before I could move. Then I tapped on the door. «Rosie? It's Jane».

She didn't answer.

«Rosie?»

There was no sound at all. I pushed against the door panel, but it was locked. When I bent down, I could see the two enormous slippers with Rosie's feet inside them.

«Open the door, Rosemary. I want to talk to you» [8, p. 85—86].

В рассматриваемом примере коммуникант запирается от всех в туалете. Она не желает общаться, и ее действие представлено в тексте с помощью фраз: «She didn't answer», «There was no sound at all». Говорящий пытается вовлечь ее в диалог, отвлечь от плохих мыслей и растопить недоверие, которое девочка Розмари испытывает к своим одноклассникам.

Таким образом, мы видим, что описание психофизиологических реакций встречается достаточно часто в литературных произведениях для детей. Как отмечается, «описания ПФР позволяют авторам обозначить испытываемую персонажем эмоциональную реакцию, не называя ее вербально. В таких случаях читатель, благодаря содержательно-подтекстовой информации определяет представленную имплицитно эмоциональную реакцию персонажа художественного произведения» [4, с. 36]. Будучи особым классом невербальных компонентов коммуникации, они представляют собой неконтролируемые действия, которые наиболее правдивым образом отражают эмоциональное состояние коммуниканта. При этом читателю удастся более ярко представить себе героя художественного произведения, так как ПФР наилучшим способом характеризуют эмоциональные переживания персонажа.

Кроме того, можно отметить, что если ребенок чаще всего реализует произвольное поведение в ситуациях межличностного взаимодействия, то у него формируются такие важные качества личности, как выдержанность, внутренняя организованность, ответственность, готовность и привычка подчиняться собственным целям и общественным установкам.

Библиографический список

1. *Баженова И. С.* Эмоции, прагматика, текст. М. : Менеджер, 2003. 391 с.
2. *Вайнер М. Э.* Игровые технологии коррекции поведения дошкольников. М. : Педагогическое общество России, 2004. 95 с.
3. *Вансяцкая Е. А.* Эмоции в невербальном поведении детей : (на материале англоязычных художественных текстов) : моногр. / ФГБОУ ВПО «Иван. гос. ун-т». Иваново : ЛИСТОС, 2016. 162 с.
4. *Карташкова Ф. И.* Психофизиологические реакции человека и их отражение в английском языке. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 106 с.
5. *Лемякина Н. А.* Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания : (на материале речевого поведения младшего школьника) : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 469 с.
6. *Лемякина Н. А., Стернин И. А.* Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. 194 с.
7. *Самохвалова А. Г.* Коммуникативные трудности ребенка: проблемы, диагностика, коррекция. СПб. : Речь, 2011. 431 с.
8. *Bunting E.* Sixth-grade Sleepover. New York (NY) : Scholastic Inc., 1986. 96 p.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://ldoceonline.com> (дата обращения: 12.12.2016).
10. *Martin A. M.* Kristy and the Snobs. New York (NY) : Scholastic Inc., 1988. 145 p.
11. *McKenna C.* Fifth Grade: Here Comes Trouble. New York (NY) : Scholastic Inc., 1989. 137 p.

ББК 81.41-3

*К. И. Виднова, Н. В. Суворова***ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ СИНЕГО ЦВЕТА И ЕГО ОТТЕНКОВ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

Описываются особенности этимологии, семантики и структуры, характеризуется сфера функционирования польских и русских колоронимов, обозначающих *синий* и *голубой* цвета, а также устанавливаются общие и частные закономерности формирования у имен прилагательных цветового значения с целью установления сходств и различий в современных славянских языках.

Ключевые слова: колороним, семантика, структура, лексическая сочетаемость, сфера функционирования, языковая картина мира, славянские языки, сходство, различие.

This article describes the peculiarities of the etymology, semantics, structure as well as the scope of use of the Russian and Polish koloronim (color terms) — *blue*. The authors attempt to determine general and specific regularities of adjectives becoming color terms in different Slavic languages. This is done in order to identify both universal features and national specificity.

Key words: koloronim, semantics, structure, etymology, lexical combinability, field use, language world, Slavic languages, similarity, difference.

Цвет всегда имел большое значение для человека. Прилагательные цветообозначения как отдельная лексико-семантическая группа занимают особое место в системе славянских языков, так как цветовая характеристика предметов,

© Виднова К. И., Суворова Н. В., 2017

явлений — важный элемент описания языковой картины мира. Колоронимы представляют одну из наиболее древних тематических групп слов в разных языках, которая складывалась на протяжении многих веков. Значимость цветообозначений подтверждает и тот факт, что представления людей о цвете сложились уже на раннем этапе развития человечества. Однако они не оставались неизменными в процессе исторического развития общественных отношений.

Прилагательные, обозначающие *синий* цвет и его оттенки, появились в славянских языках достаточно рано. Пройдя длительный путь развития, некоторые из них изменили объем значения и лексическую сочетаемость. Например, слово *синий* в русском языке стало иметь более абстрактное значение и неограниченную сочетаемость, а в польском языке таковым колоронимом со временем стало прилагательное *niebieski* [16, т. 2, с. 208].

В истории русской культуры *синий* цвет занимает особое место. Стоит отметить, что слов, обозначающих оттенки *синего* цвета, существовало значительно меньше, чем наименований оттенков *красного, зеленого и желтого* цветов. Данные памятников древнерусской литературы свидетельствуют о том, что *синий* цвет ассоциировался с водой, которая осознавалась как стихия, связанная со смертью и с загробным миром, поэтому *синий* цвет обычно наделялся магическими свойствами. Не случайно с ним связано множество обрядов и суеверий. «Одним из центральных обрядов в христианстве является крещение водой, символизирующее смерть и воскресение в истинную веру. Не удивительно также и то, что *синий цвет* встречается в траурных народных костюмах наряду с *черным*» [3, с. 3].

Свою отрицательную коннотацию *синий* сохранял в течение долгого времени. Однако это относится именно к *темно-синему* цвету. «Светлый оттенок синего цвета — *голубой*, напротив, был более распространен, входя, в частности, в цветовую гамму праздничной простонародной одежды (наряду с *красным*)» [там же].

В основе номинации русских и польских цветоименований лежат разные признаки. В связи с этим все производные лексемы, обозначающие *синий* цвет и его оттенки в современном русском и польском языках, можно разделить на следующие группы.

1. Цветообозначения, образованные от названий камней и минералов.

Одним из древних образований, входящих в эту группу слов, является прилагательное *бирюзовый* «подобный бирюзе по цвету, цвета бирюзы; бирюзовый цвет — небесный» [9, т. 1, с. 458]. Эта лексема, образованная от существительного *бирюза* — «непрозрачный драгоценный камень голубого или бледно-зеленого цвета» (слово заимствовано через турец. *pişuz* «бирюза» из персид. языка [12, т. 1, с. 167—168]), соответствует польскому слову *turkusowy* «бирюзового цвета; цвета бирюзы (голубого или зеленого цвета)» [15, с. 701] от *turkus* «бирюза» (название турецкого камня, «камень счастья» [14, с. 585]).

2. Цветообозначения, образованные от названий природных явлений.

Светлый оттенок синего цвета обозначает русская лексема *лазурь*, имеющая значение «светло-синий цвет, цвет ясного неба» (заимствована через польск. *lazur* из нем. *lazur*, которая восходит к арабскому [12, т. 6, с. 450]), а также образованные от нее лексемы *лазурный* «светло-синий, цвета ясного неба» [9, т. 6, с. 35] и *лазоревый/лазуревый* «светло-синий, лазурный» [там же].

Прилагательное *лазурный* имеет польское соответствие *lazurowy* «светло-синий, лазурный» [15, с. 278] от *lazur* «лазурь» (восходит к арабск. *lazwerd* или к персидск. форме без *l* — *azur* [14, с. 291]).

Лексема *lazurowy* снабжена в словаре пометой «поэтическое», что говорит о ее стилистической ограниченности. Данное цветообозначение может характеризовать море, небо, цвет глаз: *lazurowe niebo, morze, oczy* (лазурное небо, море, глаза).

Слово *лазурный* дается в словарях русского языка без помет. Однако примеры употребления данного прилагательного, которые приводятся в словарях (*Лазурное море. Лазурное царство. Лазурный простор* [16, т. 2, с. 161]), свидетельствуют об ограниченности его употребления (только с существительными, характеризующими природные объекты). Однокорневые синонимы *лазоревый/лазуревый* [4, т. 2, с. 161] в «Словаре современного русского литературного языка» имеют помету «народно-поэтическое». «Данные прилагательные используются в художественных произведениях для экспрессивности, чтобы подчеркнуть прекрасный цвет неба, синего моря, особенно яркий цвет глаз у человека» [2, с. 207].

3. Цветообозначения, образованные от названий реалий растительного мира.

Для обозначения светло-синего цвета в русском языке используется лексема *васильковый* «светло-синий, цвета василька» [9, т. 2, с. 58], образованная от существительного *василек* (др.-рус. переоформление греч. *basilikon* «царский» (цветок, растение) от *basileus* «царь» [12, т. 1, с. 227]). Слово *васильковый* в качестве цветовой характеристики предмета самостоятельно употребляется редко (в основном в художественных текстах), обычно используется в словосочетании с существительным «цвет».

Русскому колорониму *васильковый* в польском языке соответствуют две лексемы: *chabrowy* «имеющий цвет распущенных васильков, небесный, сапфировый» [16, т. 1, с. 1394] от *chaber* «василек» (заимств. из германского, где данное слово называло цветок василька [14, с. 171]) и *blawatkowy* книжн. «имеющий небесный, сапфировый цвет, такой, как цвет васильков» [16, т. 1, с. 1394].

В статье «К вопросу о специфике колоронимов в системе современных славянских языков (На примере русских и польских лексем, обозначающих *синий* и *голубой* цвета)» [10] указывается на то, что лексемы *chabrowy* и *blawatkowy* связаны с одной реалией — васильком, имеющим в польском языке два наименования: *chaber* и *blawatek*. В основе мотивирующих слов лежат разные признаки. Кроме того, различны источники заимствования этих слов. *Chaber* — производное от латинского слова *herbus* в значении «трава, растение», а *blawatek*, родственное английскому *blue* и немецкому *bläue*, имеет значение «синий». В словарной статье лексема *chabrowy* дается без стилистических помет, что дает основание считать, что оно является общеупотребительным. Прилагательное *blawatkowy* функционально ограничено в связи с тем, что его мотивирующее — существительное *blawatek* является областным, т. е. территориально ограниченным [16, т. 1, с. 1394].

4. Цветообозначения, образованные от названий продуктов деятельности человека.

Одним из наименований, входящих в данную группу, является прилагательное *джинсовый* «темно-синий» [11]. Эта лексема — производное от «джинсы», пришедшее из англ. *Jeans*, в основе которого лежит итальянское

jean «вид прочной ткани», восходящее к лат. Janua «название города Генуя, где первоначально производилась эта ткань» [7, с. 249]. В польском языке ему полностью соответствует *dżinsowy* «джинсовый» от *dżinsy* «джинсы» [15, с. 149]. *Пример. Джинсовому (Denim) цвету по шестнадцатиричному коду соответствует цвет #1560bd* (URL: <http://colors.aeio.ru>).

5. Цветообозначения, образованные от названий водных объектов.

К данной группе относятся только лексемы, служащие для обозначения синего цвета и его оттенков применительно к автомобилям. Например, колороним *океан* «темно-синий оттенок». *Пример. Цвет покраски автомобилей ВАЗ: 449, океан, темно-синий* (URL: <http://regiontehsnab.ru>). Данное цветовое значение появилось в результате переосмысления значения слова *океан* «водное пространство, охватывающее весь земной шар» [9, т. 8, с. 777] (заимств. из греч. ὠκεανός «море, океан» [12]).

В «Каталоге названий цветов автомобилей русских и иностранных производителей» отмечено польское словосочетание *blekitny ocean* «синий океан» [5], обозначающее темно-синий оттенок автомобилей. Данное образование включает польское прилагательное *blekitny* «небесный» [15] и интернациональное существительное *ocean* «океан» [7].

6. Цветообозначения, образованные от названий мифологических и сказочных существ.

В данную группу входят только русские лексемы, служащие для обозначения цвета автомобиля: *Олимпия* «ярко-синий оттенок». *Пример. После ДТП надо поменять бампер. Хочу заказать, но не могу определиться с цветом. Престиж или Олимпия* (URL: <http://www.chevy-niva.ru>). Данное цветовое значение появилось в результате переосмысления значения слова *Олимпия* (греч. Ἀρχαία Ὀλυμπία) — «одно из крупнейших святилищ Древней Греции на Пелопоннесе, где возникли и на протяжении многих веков проводились Олимпийские Игры» от *Олимп* «в греческой мифологии — собрание, сонм богов» [9, т. 8, с. 844].

7. Цветообозначения, образованные от названий всемирно известных курортов.

Все лексемы, входящие в эту группу, являются новообразованиями, появившимися сравнительно недавно в русском и польском языках и служащими для обозначения цвета автомобиля. Данные слова еще не зафиксированы в современных словарях, их можно найти только в специализированных справочниках: *Капри* «темно-синий оттенок». *Пример. Автомобиль ВАЗ 2114 Цвета Капри (код 453) темно-сине-зеленый* (Каталог расцветок АвтоВАЗа. URL: <http://duin.ru>). Данное цветовое значение появилось в результате переосмысления значения слова *Капри* — «остров в Тирренском море (часть Средиземного моря), входит в состав итальянской провинции Неаполь в регионе Кампания. Популярный морской курорт со времен Римской республики» (итал. Capri) [11].

В польском языке для обозначения синего цвета автомобилей используется словосочетание *niebieski Hainan* «синий Hainan» от польск. *niebieski* «голубой, светло-синий, светлый» [15, с. 354], англ. *Hainan* (название лучшего курорта Поднебесной, «Восточные Гавайи» и главная китайская здравница Хайнань в Южно-Китайском море [11]). Данный колороним так же, как и рассмотренный выше *Капри*, есть только на сайтах, размещающих информацию о продаже машин [5].

8. Цветообозначения, образованные от названий красителей.

Русское цветообозначение *индиговый* «темно-синий» [9, т. 5, с. 337—338], образованное от *индиго* — «синий краситель, добываемый из листьев индиго» (исп. *indigo* > лат. *Indicus* «индийский» [7, с. 301]), соответствует польскому *indygowy* «темно-синего цвета» от *indigo* «индиго» [16, т. 1, с. 1209]. В статье А. П. Василевича [3] приводятся интересные сведения культурологического характера о судьбе красителя индиго. Исследователь пишет о том, что в России для получения синего цвета использовали растение «синиль», а в Европе — свои местные красители. Только в Средние века на рынках появился новый дорогой, но качественный краситель индиго.

У античных авторов было смутное представление об индиго, поэтому вокруг красителя возник мистический ореол. По легенде, индиго получали из мифической рыбы алузен, которая вобрала в себя все краски моря (т. е. первоначальный источник не ясен). В 1777 году, чтобы защитить традиционный местный синий краситель, в Германии был издан указ, объявляющий индиго «дьявольской краской». Это повлияло на отрицательное отношение русских к синему цвету, так как Германия была основным поставщиком новых товаров в Россию [3].

9. Цветообозначения, образованные от названий животных и птиц.

В русском языке слова этой группы обозначают только синий цвет или его оттенки применительно к автомобилям: *афалина* «серебристо-зелено-голубой оттенок». Пример: *Автомобиль ВАЗ 2110 цвета афалина (код 421) серебристо-зелено-голубой* (Каталог расцветок АвтоВАЗа. URL: <http://duin.ru>). Данное цветовое значение появилось в результате переосмысления нецветового значения слова *афалина* — «млекопитающее семейства дельфинов» [4].

Польские лексемы: *rawi* «цвета павлиньего пера, темно-синий с зеленоватым отливом» [15, с. 433] и *rawiowy* «цвета павлиньего пера, темно-синий с зеленоватым отливом» [там же], образованные от *rawa* «павлин» (европейское название птицы из лат. *pavo* через нем. *pfau* «павлин» [14, с. 339]) — служат для обозначения оттенков синего цвета любого предмета.

Специфическим, характерным только для русского языка является прилагательное *голубой*, получившее свое название по цвету шейки голубя [13, с. 59]. Первоначально цветообозначение употреблялось только в качестве названия конской масти. Причем, значение варьировалось «от серого с синеватым отливом» до «серо-желтого». Несколько позднее прилагательное *голубой* появляется в деловых памятниках как название цвета тканей, одежды, а также цвета драгоценных камней [2, с. 194].

10. Цветообозначения, образованные от названий химических элементов.

Ярко оттенок синего цвета обозначает прилагательное *кобальтовый* «цвета кобальта; ярко-синий» [9, т. 5, с. 1062]. Данная лексема образована от существительного *кобальт* — «один из химических элементов, серебристо-белый металл с розоватым оттенком, тверже железа; применяется в промышленности» (восходит к нем. *Kobold* — «горный дух, гном, будто бы мешающий работать горнякам» [6, с. 365]) и соответствует польской лексеме *kobaltowy* «цвета кобальта» [15, с. 246] от *kobalt* «кобальт».

Т. Ауэрбах в «Словаре науки» приводит следующую этимологию слова *кобальт*. Данное слово восходит к немецкому *Kobold* — так в средневековье называли мифического духа гор, зловредного карлика с огненными глазами. Он, по преданию, часто забирался в рудники, крал серебряную руду и подбрасывал взамен другую, очень похожую, из которой, однако, серебра

не получалось. Эта руда, а вслед за ней и металл, который был выделен из нее в XVIII веке, были названы именем подземного духа. Само же слово *Kobold* восходит к старонемецкому *Kobo-Wolda*. Первая часть какое-то время означала хлев, клетку, а затем комнату, дом; вторая (нынешнее *walten*) — владеть. По этим данным получается, что *Кобольд* — это домовый [1, с. 58].

Сопоставив количественный состав русских и польских колоронимов, мы обнаружили, что самыми многочисленными являются группы лексем, образованных от названий камней и минералов и от названий природных явлений. В эти группы входят слова, обозначающие самые различные оттенки *синего* цвета. Например: *аквамариновый* — *akwamarynowy* «зеленовато-голубой»; *бирюзовый* — *turkusowy* «голубой, бледно-зеленый»; *небесный* — *niebieski* «голубой, светло-синий».

К самой малочисленной группе относятся лексемы, образованные от названий химических элементов, в которую вошли три русских и одна польская лексемы, а именно: *кобальтовый* — *kobaltowy* «ярко-синий»; *купоросный, купоросовый* «синий или зеленый».

Почти во всех выявленных нами группах есть как русские, так и польские лексемы. Исключением является группа слов, образованных от названий мифологических и сказочных существ, в которую вошли только русские цветоименования. Например: *Олимпия* «ярко-синий»; *Посейдон* «темно-синий»; *Садко* «темно-голубой» [5].

Сравнительно недавно появились лексемы со значением *синего* цвета, образованные от названий продуктов деятельности человека, водных объектов, мифологических и сказочных существ, всемирно известных курортов. Возникновение данных именовании связано с новой тенденцией — появлением колоронимов, созданных специально для указания на цвет автомобиля. Такие лексемы есть как в русском, так и польском языках (рус. *Цвет покраски автомобилей ВАЗ: океан* «темно-синий» цвет; польск. *Samochód niebieski Hainan*, т. е. «светло-синий» цвет).

С точки зрения структуры русские и польские цветоименования делятся на производные и непроизводные. Многие лексемы являются производными (*джинсовый, индиговый, лазурный, небесный, сапфировый, аквамариновый, жасминный, niebieski, chabrowy, granatowy*). Меньшую часть составляют непроизводные лексемы. Это самые древние слова по происхождению (*синий, голубой, siny, modry* «синий»).

Основной способ образования колоронимов в обоих языках — суффиксальный. В русском и польском языках самым продуктивным словообразовательным типом, участвующем в образовании цветочных прилагательных, является тип с суффиксом **-ов- (-ев-)/-ow**: *аквамариновый, васильковый, джинсовый, индиговый, кобальтовый, granatowy, lazurowy, rawiowy, turkusowy, ultramarunowy*. Менее продуктивен словообразовательный тип с суффиксом **-н-/п-**: *аквамариновый, лазурный, небесный, черничный, купоросный, błękitny*.

В русском и польском языках колоронимы, служащие для обозначения цветов автомобилей, чаще всего образуются на базе сочетаний. Например: *лунный свет, синяя полночь, niebieski conflower, niebieski silk*. Кроме того, только в русском языке есть наименования, возникшие на базе усеченных сочетаний (*Адриатика — Адриатическое море, Атлантика — Атлантический океан, Ниагара — Ниагарский водопад*) и только в польском языке — сложные наименования (*brylantownieniebieski* «бриллиантовый синий»).

Следует отметить, что в обоих языках существует новая тенденция в номинации цвета — образование колоронимов в результате метафоризации, а точнее, переосмысления лексем с нецветовым значением (рус. *pergama* «серебристо-темно-синий»; польск. *niebieski* «*Harvard*» «синий “Harvard”»). Польские колоронимы, обозначающие цвет автомобилей, обязательно включают в себя цветковые прилагательные *niebieski*, *blekitny*. В русском языке подобные обозначения не содержат указания на цвет, важен элемент, добавляющий цветоименованию видимость престижности. Появление метафоричных именовании, указывающих на различные оттенки синего цвета, вызвано рекламными целями: привлечь покупателя красивым, ярким или необычным названием.

Таким образом, результаты сопоставительного анализа русских и польских лексем, обозначающих *синий* цвет и его оттенки, свидетельствуют о том, что в целом на уровне семантики и структуры между данными колоронимами больше сходств, чем различий.

Библиографический список

1. Ауэрбах Т. Словарь науки. URL: <http://school-collection.edu.ru> (дата обращения: 14.02.2016).
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М. : Наука, 1975. 288 с.
3. Василевич А. П. Синий, синий, голубой... Или всегда ли слово было изгоем? URL: <http://community/livejournal.com> (дата обращения: 15.01.2016).
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц : в 2 т. М., 2000. URL: <http://efremova.info> (дата обращения: 01.02.2016).
5. Каталог названий цветов автомобилей русских и иностранных производителей. URL: <http://colorscheme.ru/car-color-paint.html> (дата обращения: 21.01.2016).
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2010. 944 с.
7. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М. : Рус. яз., 1982. 848 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Просвещение, 1985—1988. Т. 1—4.
9. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950—1965. Т. 1—17.
10. Суворова Н. В. К вопросу о специфике колоронимов в системе славянских языков : (на примере русских и польских лексем, обозначающих *синий* и *голубой* цвета) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 1 (16). С. 52—57.
11. Универсальная энциклопедия. URL: <http://unienc.ru> (дата обращения: 17.02.2016).
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Азбука, 1996. Т. 1—4.
13. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1972. Т. 1. 215 с.
14. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1970. 805 с.
15. Wielki słownik rosyjsko — polski / pod red. J. Wawrzyńczyka. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004. 924 с.
16. Uniwersalny słownik języka polskiego / pod red. S. Dubisza. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. Т. 1—4.

ББК 81.432.1-213

А. А. Григорян, А. Ю. Григорян

**МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ МАРКИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Исследуется один из дискуссионных вопросов английской грамматики: наличие/отсутствие морфологически выраженной категории рода, рассматриваемой как проявление в языке гендерного дисбаланса и даже сексизма. Внимание авторов сосредоточено на суффиксе -ess как наиболее частотном маркере категории рода.

Ключевые слова: маркеры категории рода, гендерная асимметрия, сексизм.

The article is devoted to one of the debatable questions in the English grammar: absence/presence of the morphologically represented category of gender. The existence of such a category could be interpreted as a manifestation of gender imbalance or even sexism in present-day English. The authors focus their attention on the suffix -ess as the most frequent marker of the category of gender.

Key words: gender category markers, gender asymmetry, sexism.

Вопрос о наличии или отсутствии категории рода в английском языке является дискуссионным. Известно, что английский располагает весьма ограниченным репертуаром средств маркирования категории рода. Известно также, что маркированность имен существительных, обозначающих женщин (both human and non-human/animal), распространена гораздо больше по сравнению с существительными, обозначающими мужчин. Такое положение дел не могло не привести к интерпретации морфологического маркирования как одного из проявлений асимметрии или даже сексизма в языке. Этот дисбаланс был замечен лингвистами. Кампании по лингвистическому реформированию, начавшиеся примерно в конце 70-х годов прошлого столетия, привели к определенным изменениям: 1) в отношении носителей языка к словам с морфологически маркированной категорией рода и 2) в узусе. Особенно ярко это проявилось в отношении имен существительных, обозначающих виды профессиональной деятельности человека. Представляется, что сегодня значительное число носителей языка предпочитают использовать гендерно-нейтральные термины при обозначении людей.

Морфологическое выделение есть, прежде всего, маркирование при помощи различных аффиксов. Суффикс -ess на протяжении большей части истории английского языка являлся самым распространенным маркером женского рода у имен существительных, обозначающих людей. Заметим, что иногда этот суффикс используется и для обозначения особей женского рода, принадлежащих к миру животных. Нам известно только два таких существительных: lioness и tigress.

Думается, что среди имен существительных с суффиксом -ess, обозначающих людей, можно выделить следующие две группы слов: 1) те слова, у которых немаркированный аналог применим только к мужчинам; 2) те слова, у которых немаркированный аналог применим как к мужчинам, так и к женщинам. Следует отметить, что степень применимости и приемлемости

по отношению к женщинам немаркированного аналога к словам из второй группы может варьироваться:

- 1) *empress, princess, duchess, countess, abbess*;
- 2a) *actress, poetess, waitress, authoress, manageress, sculptress, stewardess*;
- 2b) *heiress, Jewess, negress*.

Слова, относящиеся к первой группе, являются производными от форм *emperor, prince, duke, count, abbot*, имеющих исключительно мужскую референцию. Действительно, *anabbess* (аббатиса, игуменья) — это, очевидно, не *abbot* (аббат) или *countess* (графиня) — не *count* (граф) и т. д. Против таких *-ess* форм, как правило, не возникает никаких возражений. Несколько иначе обстоит дело со словами из второй группы: их немаркированные аналоги применимы как к мужчинам, так и к женщинам: скажем, *authoress* — это, по сути, тоже *author*, а *manageress* — *manager*. Слова из группы 2a являются названиями различных видов профессиональной деятельности человека. Эта сфера особенно чувствительна к проявлениям гендерной асимметрии: использование маркированной формы сигнализирует о возможном различии в статусе и/или о менее высоком уровне профессиональной подготовки человека. Это особенно очевидно в случае с такими словами, как *authoress, poetess, sculptress* и т. д. Не случайно они считаются унижительными, пренебрежительными и редко используются. Достаточно вспомнить, что и А. Ахматова, и М. Цветаева (хотя они и принадлежат иной культуре и другому языку, сути это не меняет) считали себя именно поэтами, а не поэтессами. Примерно так же обстоит дело и в случае с *manageress, stewardess* или *ambassadress*. Слово *waitress* отличается тем, что немаркированный аналог *waiter* используется почти исключительно для обозначения мужчин-официантов. По этой причине не так просто избежать употребления маркированной формы *waitress*, которая продолжает оставаться довольно частотной и распространенной. Варианты *waitperson* и *waitron*, предлагаемые, например, редактором Word из набора программ Microsoft Office, так и не получили широкого распространения, о чем свидетельствует обращение к данным британского национального корпуса: (270 случаев употребления слова *waitress* и ни одного — *waitperson* и *waitron*). Гендерная дифференциация в паре *actor* — *actress* обусловлена тем фактом, что мужчины и женщины обычно задействованы в разных ролях. Заметим при этом, что форма *actor* очень часто используется по отношению к женщинам предикативно (*She is a wonderful actor*) или аппозитивно (*the actor Julia Roberts*).

Использование двух слов из группы 2b — *Jewess* и *negress* — сопряжено с риском быть обвиненным не только в сексизме, но и в расизме. В результате в большинстве контекстов носители языка стараются избегать употребления этих слов. Для слова *heiress* наиболее типичными являются контексты, связанные со свадьбой: *'Uncle Brian hoped that his nephew would eventually marry a good Scottish heiress'*. Очевидно, что в подобных ситуациях гендерная характеристика более чем релевантна; употребление гендерно-немаркированного варианта *heir* едва ли может быть признано уместным. В то же время в другом контексте, не связанном со свадьбой, такая субституция вполне возможна: *'Mary was now the only heir of her grandfather's enormous fortune'*.

Для того чтобы получить более полное представление о морфологическом маркировании категории рода как проявлении гендерной асимметрии в языке, следует, конечно, рассмотреть ситуацию с функционированием и других, пусть и не столь частотных, суффиксов: *-ette, -ine, -trix*. В этом мы видим перспективу дальнейших изысканий в этой области.

ББК 81.432.1-4

К. М. Денисов

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ
ПРОИЗНОСИТЕЛЬНО-НАЧЕРТАТЕЛЬНЫХ
НЕСООТВЕТСТВИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Проводится краткий анализ явления несоответствия между написанием и произношением английских слов и обосновывается необходимость создания специализированного справочника, позволяющего систематизировать типы подобных расхождений и помочь пользователю в отработке начертательных и произносительных навыков.

Ключевые слова: написание, произношение, специализированный справочник.

The article outlines a brief survey of discrepancy between spelling and pronunciation phenomenon appearing amongst English words and further propounds the necessity of developing a specialized reference book including the systematization of such types of divergence and helping users train spelling and pronunciation.

Key words: spelling, pronunciation, a specialized reference book.

Среди множества словарей не существует пока справочника, который в полной мере освещал бы столь актуальную проблему современного английского языка, как несоответствие написания и произношения, и где были бы собраны, классифицированы и приведены в систему наиболее дивергентные буквосочетания и звуковые комплексы. Подобный справочник должен представлять собой новый, гибридный тип учебного двуязычного словаря — произносительно-орфографического, он мог бы носить название «Трудные случаи английского написания и произношения».

Л. Р. Зиндер всегда подчеркивал тесную связь фонетики с теорией графики и орфографии [4, с. 12]. О проблеме несоответствия написания и произношения можно прочесть в целом ряде отечественных и зарубежных источников (см., напр.: [1, с. 124—127; 3, с. 257—300; 6, с. 8; 7, с. 79; 8, с. 110—112; 9, с. 84; 10, р. 86—90; 12, р. 134—140; 13, р. 38—50; 15, р. 35; 16, р. 182; 17, р. 143—146]).

Одной из главных причин осложнения английской графики являются заимствования. О. Есперсен отмечает, что английский язык — это «цепь заимствований», ставшая результатом завоевания Британии многочисленными захватчиками [14, р. 239—240].

Влияние северогерманских языков связано с покорением Англии скандинавами в IX—XI веках. Примерно одинаковая ступень общественно-экономического и культурного развития завоевателей обусловила проникновение в английский язык слов, обозначающих уже известные англичанам предметы и явления действительности.

Влияние французского языка на английский было особенно сильным в период французского господства в стране, когда национальный язык еще не сложился. Этот период заканчивается во второй половине XVI века,

но наибольшее количество заимствований из французского приходится как раз на это время: английский язык нуждался в обогащении своей лексики. В большинстве случаев заимствованные из французского языка слова связаны с управлением государством (*government* — *правительство*, *royal* — *королевский*, *judge* — *судья*), с армией и военным бытом (*army* — *армия*, *victory* — *победа*), с наукой и искусством (*art* — *искусство*, *college* — *колледж*, *medicine* — *медицина*), с торговлей (*money* — *деньги*, *sum* — *сумма*, *profession* — *профессия*, *value* — *стоимость*).

Заимствование латинской лексики обусловлено главным образом тремя событиями в истории английского народа: римским господством (с I по V в. н. э.), принятием христианства в Англии (VI—VII вв.) и культурным расцветом в эпоху Возрождения (XV—XVI вв.).

В первый период у римлян был заимствован ряд слов, связанных с понятием торговли, названия новых предметов и товаров, продуктов питания, растений (*pipere* — *pepper* — *перец*, *persicum* — *peach* — *персик*, *pirum* — *pear* — *груша*).

Второй период характеризуется введением в 597 году христианства. Основная масса латинских слов заимствована именно в этот период. Общий подъем культуры, связанный с введением христианства, повлек за собой возникновение новых понятий. Появились новые слова, обозначающие понятия из сферы культуры, быта, религии (*episcopus* — *bishop* — *епископ*, *presbyter* — *priest* — *священник*, *monachus* — *monk* — *монах*).

На смену Средним векам пришла эпоха Возрождения, которая сопровождалась быстрым развитием науки, расцветом литературы и искусства, — это третий период латинских заимствований. Они проникали в язык письменным путем — через литературу, сочинения ученых, что способствовало максимальному сохранению латинской формы слова (*formula* — *формула*, *inertia* — *инерция*, *maximum* — *максимум*).

Таким образом, латинский язык оказал значительное влияние на обогащение английского новыми словами.

На протяжении более трех веков по обе стороны Атлантики предпринимались попытки унификации англоязычной орфографии, но они закончились безрезультатно. Имеется три основные причины провала орфографических реформ. Первой причиной является консерватизм людей, для них измененные слова выглядят странно и непривычно. Вторая причина заключается в существовании в английском языке различных вариантов, диалектов, и поэтому возникает вопрос: «Почему диалекты должны быть изменены согласно стандарту?» Третья причина состоит в том, что опытные ораторы читают слова и фразы как одно целое, а не как отдельные фонетические компоненты. Следует помнить и об экономических издержках, связанных с литературой, документами, дорожными знаками, картами и прочим.

В конце первого десятилетия XXI века профессор Лондонского университета Дж. Уэллс предложил упростить орфографию английского языка путем изменения начертания слов, его приближения к их произношению и избавиться от непроизносимых элементов и апострофов. Однако инициативу профессора большинство его коллег не поддержали.

Обратимся к исследованиям Дж. Уэллса, используя их в качестве исходного материала к созданию специализированного справочника. В работе «Why Phonetic Transcription is Important?» Уэллс подчеркивает, что образцы

несоответствия написания и произношения в английском языке требуют наглядного представления [18, p. 239].

В четвертой главе данного труда он анализирует проблему *неоднозначного написания*. Среди основных объектов анализа автор выделяет: омографы (*entrance, lead, tear, wind, wound*); слова, смысл которых и принадлежность к определенной части речи зависят от ударения (*conduct, object, pervert, digest*); отглагольные существительные и прилагательные, оканчивающиеся на *-ate* (*separate, advocate, delegate*) и другие группы слов.

Рассматривая типы транскрипций, Уэллс говорит о том, что необходимо обращаться к словарю каждый раз, когда слово вызывает затруднение. Конечно, сложно запомнить более 2000 слов-исключений. Для решения данной проблемы автор предлагает транскрибировать тексты классической литературы в целях совершенствования навыков запоминания.

В шестой главе он обращает особое внимание на трудности написания и произношения гласных.

Приведем пример оформления аналитической части работы Дж. Уэллса [18, p. 275]:

The Sam — psalm contrast

New Spelling makes special provision for the words I shall refer to as the lexical set BATH — words such as *pass, path, chance* — by allowing either **a** or **aa**. There is an assumption behind this permissive solution, namely that everyone distinguishes the vowel sound in *gather* from that in *father*. However, this is not the case. In parts of the west of England and certainly in Scotland and Northern Ireland some people have no such contrast in their phoneme system. They use the same vowel in *Sam* as in *psalm*, so that these two words are homophones for them. It

Отметим, что таблица фонетических символов, предложенная автором после теоретической части работы, является необходимым элементом любого фонетического справочника. Подобного рода таблица должна составить и часть мегаструктуры справочника «Трудные случаи английского правописания и произношения», так как в ней удачно представлен алфавит английского языка и его фонетические символы-соответствия.

В мегаструктуру нового справочника следует включить также перечень английских буквосочетаний, имеющих более одного варианта произношения:

a: and — apron, any, father
a — e: came — camera
ai: wait — plait, said
al: always — algebra
all: tall — shall
are: care — are
au: autumn — laugh, mauve
-ate: to deliberate — a deliberate act
ay: stays — says
cc: success — soccer
ce: centre — celtic

ch: chop — chorus, choir, chute
cqu: acquire — lacquer
e: end — english
-e: he — the
ea: mean — meant, break
ear: ear — early, heart, bear
-ee: tree — matinee
e — e: even — seven, fete
ei: veil — ceiling, eider, their, leisure
eigh: weight — height
eo: people — leopard, leotard

ere: here — there, were
-et: tablet — chalet
eau: beauty — beau
-ew: few — sew
-ey: they — monkey
ge: gem — get
gi: ginger — girl
gy: gym — gynaecologist
ho: house — hour
i: ink — kind
-ine: define — engine, machine
ie: field — friend, sieve
imb: limb — climb
ign: signature — sign
mn: amnesia — mnemonic
ost: lost — post
-o: go — do
oa: road — broad
o — e: bone — done, gone
-oes: toes — does, shoes
-oll: roll — doll
omb: tombola — bomb, comb, tomb
oo: boot — foot, brooch
-ot: despot — depot

ou: sound — soup, couple
ough: bough — rough, through, trough
ought: bought — drought
oul: should — shoulder
our: sour — four, journey
ow: how — low
qu: queen — bouquet
s: sun — sure
sc: scent — luscious, molusc
-se: rose — dose
ss: possible — possession
th: this — thing
-ture: picture — mature
u: cup — push
ui: build — fruit, ruin
wa: was — wag
wh: what — who
wo: won — woman, women, womb
wor: word — worn
x: box — xylophone, anxious
-y-: type — typical
-y: daddy — apply
z: zip — azure

Кроме таблиц справочного характера, в мегаструктуру словаря должны войти приложения, содержащие мнемотехнический тренинг. Он представляет собой описание специальных упражнений по формированию устойчивых навыков ассоциативного запоминания дивергентных типов написания и произношения слов. Примеры таких упражнений приведены в пособиях Э. Бейкер [11], Р. Аткинсона [3], А. И. Пахотина [5] и других авторов.

Помимо аудиовизуальных тестов и рифмовок, данных в упомянутых пособиях, можно предложить пользователю вообразить, что он известный исполнитель, который тренирует распев различных ритмико-мелодических видов, и в выбранном стиле записать несколько строк. Для правильного выполнения данного упражнения необходимо представить транскрипцию слов, взятых из практической части работы Дж. Уэллса [18, p. 278]:

Caddie	Daddy	Ladder	eddy	Teddy	Wedding	Giddy	hidden	ridden
['kædi]	['dædi]	['lædər]	['edi]	['tedi]	['wedɪŋ]	['gɪdi]	['hɪdn]	['rɪdn]

Благодаря этому упражнению запомнится как произношение, так и трудное написание слов. Несомненно, его можно расширить, сделав несколько аналогичных таблиц со словами, в которых присутствуют двойные согласные.

В практической части работы Дж. Уэллс приводит также примеры верного написания и произношения слов и исключения из правил [18, p. 279]:

Air/are / ear — (hair, care, swear...)

Fairly unpredictable: **Air**/heir, fair/fare, flair/flare, hair/hare, pair/pare/pear, chair, hair, lair, stairs, dairy, prairie, affair, despair, éclair, repair, questionnaire.

Bare/bear, blare, care, dare, glare, mare, rare, scare, share, snare, spare, square, area, aware, compare, declare, parent, prepare; canary, hilarious, malaria, Mary, various, vegetarian, wary.

Swear, tear x2[tair/teer],

aerial, airplane, aerobatics.

There/their, ware/where/wear.

Подобные примеры следует преобразовать в словарные статьи, входные единицы которых будут ранжированы в макроструктуре словаря по алфавиту, а соответствующие навигационные пометы позволят объединять их в типологические гнезда произносительно-графических корреляций.

Набор информационных категорий для микроструктуры словаря был определен нами в ходе анкетирования, он включает (в порядке популярности): транскрипцию слова, представленную в изоляции и, если есть необходимость, в потоке речи, перевод, иллюстративный пример, грамматические пометы. Транскрипция (орфоэпическая помета) составлена с учетом фонетических законов и с использованием международного фонетического алфавита, она размещается в словарной статье в традиционных квадратных скобках.

Приведем пример оформления словника:

М

Machete [mæ'ʃeti] (с. n.) — мачете. To brandish / wield a *machete*

Maneuver [mæ'nu:və] (с. n.) — маневр. Difficult *maneuver*

Marine [mæ'ri:n] (adj.) — морской. Tom joined the *Marine Corps*

Massacre ['masəkə] (с. n / v) — резня, массовое убийство / расправиться.

The general ordered the *massacre* of all war prisoners

Masseur [ma'sə:] (с. n.) — массажист. Professional *masseur*

Mayor [mɛə] (с. n.) — мэр. The *mayor* addressed the general public

На сегодняшний день книгопечатная форма словаря является традиционной, в то время как электронная версия представляется наиболее перспективной в силу гибкости объема и удобства поиска входной единицы, мобильности и возможности включения в справочник большого количества дополнительной информации и упражнений. Необходимо создание электронной версии словаря, а также звукового приложения, в котором было бы отражено, в частности, произношение наиболее трудных слов в потоке речи.

Следует отметить, что найти простое решение проблемы несоответствия написания и произношения в английском языке невозможно, однако в наших силах привлечь внимание людей на данную проблему, создать учебные пособия и справочники, в которых не только представлен богатый теоретический материал, но и разработаны практические упражнения, направленные на тренировку начертательной и произносительной памяти.

Библиографический список

1. *Амосова Н. Н.* Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 218 с.
2. *Васильев А. В.* Английский: правила произношения и чтения, грамматика, разговорный язык. М., 2005. 322 с. URL: <http://www.alleng.ru> (дата обращения: 24.12.2016).
3. Введение в психологию / Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит, Д. Дж. Бем. 15-е междунар. изд. СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. 320 с.
4. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М. : Высш. шк., 1979. 312 с.
5. *Пахотин А. И.* Англо-русский, русско-английский словарь исключений и трудных слов. Правила чтения английских слов : справочник. М. : Изд. Карева А. К., 2010. 128 с.
6. *Секирин В. П.* Заимствования в английском языке. Киев : Киев. ун-т, 1964. 152 с.
7. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 269 с.
8. *Швейцер А. Д.* Литературный английский язык в США и Англии. М. : Высш. шк., 1971. 200 с.
9. *Ярцева В. Н.* Развитие национального литературного английского языка. М. : Наука, 1969. 284 с.
10. *Algeo J.* The Origins and Development of the English Language. Boston : Wadsworth Publishing, 2010. 368 p.
11. *Baker A.* Ship or Sheep. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 236 p.
12. *Carney E.* English Spelling. London : Routledge, 1997. 320 p.
13. *Catford I. C.* Fundamental Problems in Phonetics. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1977. 293 p.
14. *Jespersen O.* Growth and Structure of the English Language. 8th ed. Leipzig, 1935. 462 p.
15. *O'Neil W.* Spelling and pronunciation of English // The American Heritage Dictionary. New York : Houghton Mifflin Co, 1993. P. 35—38.
16. *Roach P.* English Phonetics and Phonology : a Practical Course. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 270 p.
17. *Smith F.* Psycholinguistics and Reading. London : Routledge, 1973. 388 p.
18. *Wells J.* Why phonetic transcription is important? // Malsori : Journal of the Phonetic Society of Korea. 1996. № 31—32. P. 209—280.

ББК 81.432.1-324

*Н. Б. Егошина***К ВОПРОСУ О КОМПЬЮТЕРНОМ СЛЕНГЕ**

Рассматриваются вопросы, связанные с компьютерным сленгом. Аргументируются различия между компьютерным сленгом и компьютерным жаргоном. Дается авторское определение сленга, ставшее основой для разграничения исследуемых терминов и понятий.

Ключевые слова: компьютерный сленг, компьютерный жаргон, профессиональный язык, пользователь, Интернет.

The article deals with the questions concerning computer slang. The distinction between computer slang and computer jargon is explained. The author's definition of slang which has become the basis for the difference of terms and notions is proposed.

Key words: computer slang, computer jargon, professional language, user, Internet.

© Егошина Н. Б., 2017

Компьютерные и интернет-технологии стали неотъемлемой частью жизни людей с конца XX века. Стремительное развитие компьютерной науки, безусловно, нашло отражение в языке, и главным образом в его лексике. Термины, бытовавшие в узком кругу специалистов-компьютерщиков, теперь актуальны и для широкого круга лиц, являющихся пользователями компьютеров и Интернета. Такой язык, вышедший за пределы терминологической системы, чаще всего обозначают как компьютерный сленг. Для русских пользователей основной источник этого сленга — английский интернет-сленг, что является отражением происходящих в мире процессов глобализации и интернационализации науки.

Действительно, слова, связанные с бурно развивающимися технологиями и новыми разработками в Америке, попадая в Россию, в основном не имеют соответствующих эквивалентов в русском языке, что приводит к заимствованию именно английских терминов. Например: *апгрейд* (от англ. *up* — повышение, *grade* — качество) — увеличение производительности системы путем замены модулей или добавления дополнительных элементов; «аська» — название программы ISQ, образованное от английского «I seek you» — «Я ищу тебя»; *пароль* (*password*) — пароль, необходимый для доступа к сетевым службам, и т. д.

Исследователи компьютерного сленга выделяют основные методы его образования, подчеркивая, что все они сводятся к тому, чтобы приспособить английское слово к нашей действительности и сделать его пригодным для постоянного пользователя. В качестве примера можно привести классификацию П. А. Горшкова, который называет такие методы, как [2, с. 10]:

— калька — полное заимствование слова с его значением, произношением, написанием (*device* — *девайс*, *hard drive* — *хард драйв*);

— полукалька — адаптация английского термина к нормам русского языка на уровне не только фонетики, но и написания и грамматики (*application* — *анпликуха* (прикладная программа), *анпликуху* (вин. п.), *анпликухи* (род. п.); *disk drive* — *дискетник*; *User's Manual* — *мануалка*);

— перевод с использованием стандартной лексики в особом значении (*windows* — *форточки*, *disk* — *блин*, *to delete* — *сносить*);

— перевод с использованием сленга других профессиональных групп (*incorrect program* — *глюкало*);

— фонетическая мимикрия — применение в качестве эквивалентов английских компьютерных терминов семантически несхожих общеупотребительных слов (*button* — *батон*, *shareware* — *шаровары*).

Есть в компьютерном сленге и фразеологические обороты, как глагольные, так и субстантивные: *жать батоны* (работать мышью), *глюк полировать* (отлаживать программу).

Тем не менее в некоторых исследованиях, посвященных компьютерному сленгу и способам его образования, термины «компьютерный сленг» и «компьютерный жаргон» используются как синонимы [2, с. 15]. Мы не придерживаемся этой точки зрения, так как если в научном мире при определении понятия «сленг» еще не достигнуто единого мнения, то термин «жаргон» имеет достаточно четкое толкование: социальный диалект, отличающийся от общенационального языка специфическим лексическим составом, фразеологией, существенной особенностью которого является то, что он используется определенными социальными, профессиональными или иными группами, объединенными общими интересами (например, военный жаргон, уголовный, морской и т. д.).

Мы приводим собственное определение понятия «сленг», выработанное на основе изучения многочисленных исследований этого языкового феномена (см., напр.: [4, 5, 6, 7]), позволяющее нам разграничить «сленг» и «жаргон» как отдельные прослойки языка и выявить в какой-то степени механизмы пополнения лексики компьютерного сленга.

На наш взгляд, два основных критерия дают возможность не только относить лексические единицы к сленгу, но и ограничивать их от других пластов нестандартной лексики: 1) *кто* использует специальную нестандартную лексику и 2) *с какой целью*. Определение сленга мы формулируем следующим образом: **сленг** — экспрессивная, эмоционально-оценочная лексика разговорного стиля, включающая новые слова или старые с новым значением, которые вышли из разных источников (профессиональных, корпоративных или иных социальных групп) и стали общеизвестны и общеупотребительны (*общий сленг*) либо имеют ярко выраженную связь с определенными социальными группами (профессиональными, корпоративными и др.), но используются говорящими, в том числе не представителями данных групп, за их пределами (*специальный сленг*). Вся сленговая лексика (общий и специальный сленг) целенаправленна, т. е. употребляется с какой-то целью: продемонстрировать свое знание жизни и превосходство, чувство юмора, выразить мысли свежим и оригинальным способом, сделать речь более пикантной и образной, создать непринужденно-фамильярную обстановку между говорящими, дать оценку людям, предметам и событиям — от возвышающей до уничижительной и т. п. Иными словами, сленг появляется в речи в виде эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики или фразеологизмов и только в устах тех, кто преследует конкретную коммуникативную цель и не имеет отношения к источникам, из которых эти лексические единицы произошли [3, с. 33].

Из данного выше определения следует, что компьютерный сленг появляется в речи людей, не связанных непосредственно с компьютерной сферой деятельности, т. е. это язык обычных пользователей компьютера и Интернета, который они применяют в силу того, что он стал общеизвестен, или с какой-либо коммуникативной целью. Специалисты же данной сферы — компьютерщики, системные администраторы, хакеры, геймеры и т. д. — говорят на профессиональном жаргоне, который они сами сотворили и который позволяет им отгородиться от окружающего мира. В данной связи следует особо отметить компьютерный жаргон хакеров, использующих свой профессиональный язык в основном не как средство коммуникации, а как своеобразный код, шифр, по которому профессионалы могут узнать друг друга и не допускать «чужих» в свое окружение, поскольку хакеры считают себя своеобразной богемой, сливками компьютерного сообщества, и лишь посвященные могут общаться с ними на равных.

Таким образом, мы согласны с теми исследователями, которые рассматривают профессиональный язык компьютерного мира и Интернета и способы его образования как жаргон [1]. И для того чтобы компьютерный сленг реализовался в речи пользователей, он должен пройти следующий путь: специальный термин → жаргонизм → сленг.

В настоящее время опубликовано не так много работ о компьютерном сленге и путях его формирования. Это связано с противоречиями в отношении к субстандартным слоям языка — жаргону, вульгаризмам, аргю и в первую очередь к сленгу, а также со сложившимся мнением, что такое явление, как компьютерный сленг, недостойно внимания ученых. Тем не менее

стремительное развитие компьютерных технологий и Интернета продолжается, что уже значительно обогатило язык новыми понятиями и соответствующими им терминами и открывает для лингвистов обширное поле исследовательской деятельности.

Библиографический список

1. *Барт М. В.* Словообразовательные модели современного русского компьютерного жаргона : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 22 с.
2. *Горшков П. А.* Сленг хакеров и геймеров в интернете : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
3. *Егошина Н. Б.* Сленг в СМИ: лексикографический аспект : (на материале одноязычных и двуязычных словарей) : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013. 243 с.
4. *Хомяков В. А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. 394 с.
5. *Coleman J.* The Life of Slang. New York : OUP, 2012. 354 p.
6. *Partridge E.* A Dictionary of Slang and Unconventional English. 5th ed. New York : Routledge & Paul, 1961. 1362 p.
7. *Partridge E.* Slang To-Day and Yesterday : (with a Short Historical Sketch; and Vocabularies of English, American, and Australian Slang). London ; New York : Routledge & Kegan Paul Ltd., 1971. 479 p.

ББК 74.268.19-432.1

С. А. Маник

ВСЕОБЩАЯ МООКИЗАЦИЯ? К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ЯЗЫКОВОГО КУРСА *POLITICAL ENGLISH* В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья посвящена проблемам внедрения технологий массовых открытых онлайн-курсов на платформе Moodle в классическом университете. На материале разноплановых заданий по курсу «Политический английский», разработанных с учетом прогресса и принципиальных изменений методов изучения иностранного языка, описываются особенности дистанционного обучения как основного элемента e-learning culture. Данному курсу предшествовал блог *Socio-Political English*, цель которого заключалась в том, чтобы быть дополнительным пособием в ходе освоения практического курса по общественно-политической лексике английского языка. Положительные результаты и отзывы студентов позволили разработать курс *Political English* на Moodle, который был введен с 2015 года для студентов 4-го курса факультета романо-германской филологии. В работе приводятся примеры заданий, варианты промежуточной и итоговой аттестации, а также отмечаются достоинства и трудности использования данной формы обучения в рамках основных образовательных программ.

Ключевые слова: MOOK (массовые открытые онлайн-курсы), дистанционный языковой курс, политический английский, концепция «перевернутого класса», перевод политических медийных текстов.

The article deals with the problems of MOOC (Massively Open Online Course) technologies introduction on the basis of Moodle platform in the classical university. Various peculiarities of the distant education as a key component of e-learning culture are described as exemplified in multi-faceted tasks within Political English Course, developed in the light of the progress and essential changes in the methods of foreign language learning. The given course was preceded by the Socio-Political English Blog targeted at completing the practical course on English socio-political vocabulary. Favourable references and good results of the students permitted to develop Political English Course on Moodle and introduce it in 2015 for 4th year students of the faculty of Romance and Germanic Philology. The paper provides examples of the tasks, variants of intermediate and final test and highlights challenges and benefits of this learning method in the framework of the educational program.

Key words: MOOC (Massively Open Online Course), distant language course, Political English, the concept of «reverse class», translation of political media texts.

В настоящее время онлайн-образование, вошедшее в нашу жизнь с активным внедрением и популяризацией Интернета, претерпевает существенные перемены, связанные с появлением массовых открытых онлайн-курсов — MOOC (Massively Open Online Course — MOOC). Известно довольно много образовательных платформ, предлагающих дистанционные курсы, как правило бесплатные, для всех желающих. Наиболее популярные из этих платформ содержат курсы по разным направлениям и темам (например, Coursera, UPEX, Stanford Online, OpenLearning, Khan Academy, MOOEC, WizIQ, Acade.me, Academic Earth, edX).

MOOC — это популярное направление в современной истории развития систем дистанционного и онлайн-обучения. Платформу MOOC часто называют «прорывной» технологией в образовании, поскольку она несет понятие «непрерывное образование». Уровень интереса к этой методике, равно как и тональность разговоров о ее возможном потенциале изменить всю систему высшего образования, в том числе его доступность, остаются высокими.

Безусловно, система MOOC использует многие педагогические инструменты, созданные в ходе отработки методик дистанционного обучения. Вместе с тем большое число студентов, участвующих в каждом отдельном курсе, а также структуры обеспечения открытости содержания программ обуславливают популярность данных платформ.

Традиционно MOOC включают в себя: видеолекции, чтение онлайн-источников, наборы задач/тестов, которые размещены по всей программе дистанционного обучения, интерактивные форумы пользователей, позволяющие студентам создавать собственные сообщества и оценивать работу друг друга. Именно подобная интерактивность является ключевым элементом MOOC и реализует подход «перевернутого класса».

В качестве основы для введения курса *Political English* на Moodle выступил авторский учебный блог. Для академических целей в ноябре 2011 года был создан блог *Socio-Political English* (<http://www.ivanovo-spe.blogspot.com>), который велся преподавателем, но в его функционировании непосредственно участвовали студенты 5-го курса кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета.

Основная цель блога на этом этапе заключалась в том, чтобы быть дополнительным пособием в ходе освоения практического курса по общественно-политической терминологии английского языка, а также обеспечить заданиями рекомендательного характера для вовлечения студентов в дискуссию, оказания помощи в поиске культурологических сведений и иллюстративных примеров, в чтении аутентичных текстов и прослушивании аудио- и видеоматериалов и т. п.

В результате введения технологии блога на занятиях и в качестве домашнего задания стало очевидно, что это был первый опыт общения студентов в учебных блогах по интересу и они не готовы к данной работе. Для решения проблемы потребовался небольшой инструктаж. Часть студентов стала постоянной аудиторией, другая часть посещала страницу для получения заданий.

Вместе с тем опыт работы с блогом позволил аккумулировать некоторые удачные дидактические приемы вовлечения студентов в учебу и чтение политических текстов и реализовать их на платформе Moodle. Так, в 2015 году был создан курс «Политический английский» как дополнение к курсу по практике речи (<http://sdo.ivanovo.ac.ru/course/view.php?id=541>). Целесообразно подчеркнуть, что он не является в полной мере дистанционным курсом, но призван помочь освоить материал, получить дополнительные сведения и задания. Его введение в занятия также вызвало некоторые технические сложности для студентов, поскольку не все оказались готовы сменить (дополнить) обычный формат обучения английскому языку.

Данный курс строится в основном на различных общественно-политических текстах, отобранных из англо- и русскоязычных медиаисточников и отражающих разнообразные политические и идеологические точки зрения. Например, в тематическом разделе *Ukrainian Crisis* студентам предложено несколько небольших статей из *CNN News*, *RT*, *Euronews*, *BBC News*, что позволяет почувствовать модальность информационных сообщений, а также понять подход к отбору фактов и их интерпретаций. Однако видеосообщения также используются в настоящем курсе для проверки понимания и укрепления навыка аудирования. Например, в качестве промежуточного контроля студенты получили задание прослушать фрагмент выступления помощника Госсекретаря В. Нуланд (Бюро по европейским и евразийским делам) в Комитете Сената по иностранным делам от 15 марта 2015 года (<http://www.c-span.org/video/?324727-1/victoria-nuland-testimony-us-policy-toward-ukraine-russia>), а затем прочитать его на сайте Госдепартамента (<http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2015/mar/238722.htm>). Задание заключается в том, чтобы найти утверждение/предложение, которое есть в письменном тексте, но нет в видеозаписи.

Throughout this conflict, the United States and the EU have worked in lock-step to impose successive rounds of tough sanctions—including sectoral sanctions—on Russia and its separatist cronies as the costs for their actions. In Crimea, we have shown through our investment sanctions that if you bite off a piece of another country, it will dry up in your mouth. Our unity with Europe remains the cornerstone of our policy toward this crisis.

Такое интегрированное чтение и аудирование вызвало некоторые сложности, поскольку потребовало от студентов терпения и внимания. Вместе с тем данное открытие обусловило длительные и эмоциональные дискуссии на форуме. Следовательно, интерактивный формат обучения

позволил максимально заинтересовать студентов и вовлечь их в обсуждение злободневной проблемы, побудить к аргументированию и изложению своей позиции.

Целесообразно отметить, что метод рефлексивного обучения, заимствованный из блога, успешно реализуется в курсе «Политический английский» посредством чтения статей, комментирования, прослушивания, просмотра и анализа аудио- и видеоматериалов. Во время чтения статей на английском языке студенты находят соответствующий лексический вокабуляр по теме, составляют по ней собственные глоссарии. Например, одним из заданий, предложенных студентам, было небольшое исследование социального движения в США «Захвати Уолл-Стрит» (*Occupy Wall Street*), выступающего за социальное и экономическое равенство. В курсе размещен небольшой видеоролик о данном движении и несколько публикаций из *CNN News* и *BBC News*. Студенты должны были ознакомиться с материалами, а затем написать свой комментарий о движении, возможностях его поддержки в России студентами или малоимущими гражданами. Предложенная работа предполагала оценку эссе самими студентами по установленным критериям (организация текста, содержание, лексическое оформление, грамматическое оформление). Важно подчеркнуть, что, несмотря на значительный плюс подобного *peer reading*, он также является основной проблемой, поскольку студенты не полностью объективны, не всегда видят ошибки своих друзей.

В рамках курса на форуме публикуются ссылки на информацию в Интернете, которую студенты считают полезной и интересной, с краткими комментариями и аннотациями к ним. Например, в одной из публикаций *Social Issues* было предложено составить список социальных проблем (не менее 20) и найти данные о словах/словосочетаниях, связанных с ними, создать краткий словарь по теме (*Abortion, Affirmative Action, Affordable Care Act (Obamacare), Ageism/Age Discrimination, Airport Security, Alcoholism, Animal Rights, Anorexia Nervosa, Anti-Muslim Discrimination, Binge Drinking, Birth Control, Bulimia Nervosa, Bullying, Campus Crime, Capital Punishment/Death Penalty, Child Abuse, Child Labor, Classism, Climate Change, Cloning, Colorism, Computer Hacking, Corporal Punishment, Corporate Downsizing, Cyber Bullying (Cyberbullying), Date Rape, Disaster Relief, Domestic Violence* и т. п.). Интересным представляется различный подход студентов к данному заданию: некоторые учащиеся использовали словари и приводили дефиниции из этих справочников, другие работали с выпусками СМИ и перечисляли иллюстративные примеры употребления данных лексических единиц, третьи изучали справочную литературу по политической науке.

Таким образом, возможно сделать вывод, что опыт внедрения МООК-технологий в курс практического языка на факультете РГФ в Ивановском университете оказался довольно удачным. Однако необходимо обновлять данный курс ежегодно в силу динамизма общественно-политической терминологии, смены актуальности проблематики политических медиатекстов.

ББК 81.006.154

С. И. Москалева

**ЯЗЫКОВЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В АССЕРТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ
(На материале произведений немецкой художественной
литературы)**

Рассматриваются паралингвистические средства невербальной коммуникации и их языковые корреляты, содержащиеся в ассертивных речевых актах, полученных методом сплошной выборки из произведений немецкой художественной литературы. В рамках ассертивов анализируются такие речевые действия, как «согласие», «утверждение», «противоречие» и «возражение».

Ключевые слова: речевой акт, ассертивный речевой акт, невербальная коммуникация, паралингвистика, языковой коррелят.

The article discusses paralinguistic means of nonverbal communication and their linguistic correlates contained in assertive speech acts produced by the method of continuous sampling from the works of German literature. In the framework of assertive are examined such speech actions as «consent», «approval» and «reproach».

Key words: speech act, assertive speech act, nonverbal communication, paralinguistic, linguistic correlate.

Одним из основных направлений современной прагматики является теория речевых актов.

Речевой акт представляет собой минимальную единицу языкового общения [5]. Основоположник теории речевых актов Дж. Остин представил его как единство трех актов.

Локутивный акт представляет собой акт произнесения чего-либо с использованием языковых средств.

В ходе *иллокутивного акта* говорящий посредством произнесения чего-либо совершает определенное действие, преследуя определенную цель.

Перлокутивный акт выражает влияние, которое произвел иллокутивный акт на поведение, сознание адресата [4, с. 83—89].

Данная тройная оппозиция находит соответствие в представлении о гетерогенности (разнородности) плана содержания высказывания. Используя языковые средства в ходе локутивного акта, говорящий наделяет свое высказывание локутивным значением. Манифестируя цель высказывания в определенных условиях в ходе иллокутивного акта, говорящий сообщает ему определенную иллокутивную силу.

В типологии речевых актов было выделено пять иллокутивных семей: ассертивы, комиссивы, директивы, декларативы и экспрессивы, каждая из которых имеет базовую иллокутивную силу, являющуюся общей для всех иллокутивных сил данной семьи [5].

В этом исследовании анализируются ассертивные речевые акты.

Базовая иллокутивная сила *ассертивов* выражается в следующих компонентах: *иллокутивная цель* (говорящий сообщает об определенном

положении вещей), *подготовительное условие* (выраженная пропозиция — реально существующее положение вещей) и *условие искренности* (говорящий утверждает, что данное положение вещей истинно) [5, с. 174; 10, S. 186].

В рамках ассертивов могут иметь место такие речевые действия, как «утверждение», «возражение», «согласие», «упрек», «свидетельствование», «обоснование», «оценка», «суждение» и «противоречие». В данной работе внимание будет сосредоточено на речевых действиях «согласие», «противоречие», «возражение» и «утверждение».

Ассертивные речевые акты, рассматриваемые в исследовании на материале произведений немецкой художественной литературы, могут сопровождаться теми или иными невербальными действиями.

Невербальное поведение — это внешняя форма существования и проявления психологического мира личности [3, с. 5]. Невербальные компоненты коммуникации являются обязательной частью речевого акта, и адекватный смысловой анализ вербальных компонентов возможен лишь с участием невербальных [1, с. 30].

В лингвистической науке принято различать паралингвистические, кинетические и миремические невербальные компоненты коммуникации. Предметом специального рассмотрения в данной работе являются паралингвистические средства.

Паралингвистика — наука, предметом изучения которой является голос. «Голос обусловлен физическим и эмоциональным состоянием говорящего, его отношением к собеседнику и к содержанию сказанного» [2, с. 27].

В центр паралингвистической системы входят:

— отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой и носовой полостей человека;

— звуковые комплексы, которые возникают и принимают активное участие в разного типа физиологических реакциях и в акте коммуникации;

— голос и его постоянные качества, голосовые особенности;

— значимые молчание и паузы [там же].

К главным голосовым признакам относятся высота (высокий, низкий голос), сила или громкость (громкий, тихий, ревуший голос), тембр (бархатный, резкий голос). Данные признаки голоса задают конкретный тип речевого акта в коммуникации [2, с. 222].

Голосовые особенности влияют на восприятие адресатом получаемой информации и на квалификацию передаваемого сообщения, придавая ему определенную аксиологическую или экспрессивно-стилистическую окраску. В ходе диалога голос служит чрезвычайно мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления [2, с. 223].

В тексте невербальные компоненты коммуникации получают вербальное описание.

Рассмотрим на материале произведений немецкой художественной литературы паралингвистические невербальные компоненты коммуникации и их языковую реализацию в ассертивных речевых актах.

(1) «*Verdammt, jetzt höre ich auf*», — **fluchte** er [9, S. 316].

Из прагматического контекста произведения известно, что два приятеля играли в карты и разговаривали на политические темы, обсуждая обстановку в городе. Между ними произошли разногласия, и при этом один из них проигрывает другому, говоря *Verdammt, jetzt höre ich auf*. Эта фраза прозвучала в знак протеста взглядам собеседника. Иллокутивная сила рассматриваемого

речевого акта состоит в том, что говорящий выражает недовольство и расстройство своим проигрышем. В данной ситуации используется речевое действие «противоречие». Для яркого выражения недовольства автор использует паралингвистическое средство невербальной коммуникации, выраженное глагольной номинацией *fluchte* (т. е. говорящий со злости выругался, что отражает его негативные эмоции в данный момент).

(2) «Nein und nein, versprochen ist versprochen. Ich fahre Betram nach Hause. Geh mit deiner Freundin ins Restaurant, wenn dir soviel daran liegt!», — **schreit** Giuseppe [6, S. 18].

В данной ситуации муж разговаривает со своей женой, которая настаивает на проведении вечера вместе. Однако у мужчины много репетиций, поскольку он работает в театре. На данный момент он нервничает из-за всего происходящего и пытается объяснить своей жене все положение вещей. Но она настаивает на том, чтобы в этот вечер он был с ней. Иллокутивная сила данного речевого акта проявляется в том, что говорящий возражает жене (*Nein und nein, versprochen ist versprochen*), так как уже пообещал присутствовать на репетиции и помочь коллеге. Его негативное и нервное состояние сопровождается голосовой подачей (*schreit Giuseppe*), он накричал на свою жену. Паралингвистический компонент представлен в виде глагольной номинации *schreien* (глагол включает в себя негативные голосовые характеристики).

Таким образом, в проанализированных примерах в качестве языковых коррелятов паралингвистических средств невербальной коммуникации выступают глагольные номинации, в семантическую структуру которых входят компоненты, отражающие те или иные голосовые характеристики коммуниканта, позволяющие отразить его эмоциональное состояние в момент речи.

Рассмотрим примеры, в которых в качестве языкового коррелята паралингвистических средств невербальной коммуникации в ассертивах выступает глагольная номинация, представленная перформативным глаголом в сочетании с тем или иным наречием.

(3) «Für die Rolle würde ich alles tun», — **sagt er leise** zu sich selbst [6, S. 9].

В описываемой ситуации действие происходит в театре, где полным ходом идет подготовка к новому спектаклю, и на данном этапе идет отбор актеров. Молодой человек утверждает *Für die Rolle würde ich alles tun*, т. е. он сделает все, чтобы получить эту роль. В данном примере используется речевое действие «утверждение». При этом герой произведения говорил очень тихо (*sagt er leise zu sich selbst*). Таким образом, автор передает с помощью голоса состояние говорящего, который сам себе пытался внушить то, что он получит эту роль любой ценой, что придавало ему уверенности. Языковой коррелят выражен глагольной номинацией *sagen* (*говорить*) в сочетании с наречием *leise* (*тихо*). Именно за счет наречия в данном случае и создается ситуация самовнушения.

(4) «Nein, auf Geld überhaupt nicht, — **sagte** Jürgen **verächtlich**, — auf ganz etwas anderes» [7, S. 31].

В рассматриваемой коммуникативно-прагматической ситуации пожилой мужчина подошел к мальчику, который лежал на земле. На вопрос мужчины, что мальчик здесь делает, последовал ответ, что он кое-что охраняет. Мужчине стало интересно, что это может быть. Он предположил, что ребенок сторожит деньги. Мальчик возразил мужчине, ответив презрительно. Его ответная реплика представляет собой ассертивный речевой акт, репрезентирующий в данной ситуации речевое действие «возражение» (*Nein, auf Geld*

überhaupt nicht), которое сопровождается паралингвистическим компонентом, выраженным глагольной номинацией в сочетании с наречием *verächtlich* (*презрительно*), за счет которого можно проследить эмоциональное состояние героя.

(5) «Boris, — **erwiderte** Lillian **hoffnungslos**. — Es ist nicht Clerfayt. Muß es denn ein anderer Mann sein?» [8, S. 83].

В данной ситуации представлен диалог между мужчиной и женщиной. Мужчина нелестно отзывается о новом друге своей собеседницы, но девушка ему возражает (*erwiderte Lillian*). При этом речевое действие «возражение» в данном ассертивном речевом акте сопровождается паралингвистическим средством невербальной коммуникации, выраженным глагольной номинацией *erwidern* в сочетании с наречием *hoffnungslos* (*безнадежно*). Наречие *hoffnungslos* свидетельствует об эмоциональном состоянии главной героини, которая потеряла все надежды когда-нибудь достичь взаимопонимания с собеседником.

(6) «Ja, — **sagte** Lillian **hartnäckig**, — aber alle hätten gern noch gelebt». [8, S. 28].

В описываемой ситуации между мужчиной и женщиной зашел спор о жизни и смерти. Женщина частично согласилась с высказыванием мужчины, но при этом она придерживалась своей точки зрения, поэтому речевое действие «согласие» «*Ja*» сопровождается паралингвистическим компонентом невербальной коммуникации (голос героини был довольно резким). Невербальный компонент коммуникации выражен глагольной номинацией *sagen* в сочетании с наречием *hartnäckig* (*настойчиво, резко*).

(7) «Das weiß ich nicht, — **erwiderte** Clerfayt, plötzlich **irritiert**. — Aber ich habe Menschen elender sterben sehen. Sie nicht auch?» [8, S. 28].

Данный пример иллюстрирует диалог между мужчиной и женщиной. Женщина считает, что друг мужчины, о котором они говорят, хотел жить несмотря ни на что. Устав от долгих споров с женщиной, мужчина был поставлен в тупик ее очередным утверждением по поводу обсуждаемой темы. В данной ситуации ответную реплику мужчины следует рассматривать как ассертивный речевой акт, репрезентирующий речевое действие «возражение» (*erwiderte*). Паралингвистический компонент выражен с помощью глагольной номинации *erwidern* в сочетании с наречием *irritiert* (*сбитый с толку*).

Исходя из проанализированных примеров можно заключить, что перформативный глагол, выступающий в качестве языкового средства выражения паралингвистических компонентов невербальной коммуникации, всегда сопровождается тем или иным наречием, которое показывает голосовые характеристики (тон, интонация) говорящего в момент речи.

В заключение следует подчеркнуть, что ассертивные речевые акты в немецкой художественной литературе представлены такими речевыми действиями, как «согласие», «противоречие», «возражение» и «утверждение».

Рассматриваемые ассертивы сопровождаются паралингвистическими невербальными компонентами коммуникации, в качестве языковых коррелятов которых выступают глагольные номинации. В семантической структуре рассматриваемых глагольных номинаций содержатся те или иные голосовые характеристики коммуникантов. Кроме того, паралингвистические невербальные компоненты коммуникации могут получать вербальное описание с помощью перформативного глагола, сопровождающегося наречием, которое отражает те или иные голосовые характеристики говорящего в момент речи.

Библиографический список

1. Колианский Г. В. Паралингвистика. М. : Наука, 1974. 80 с.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 581 с.
3. Лабунская В. А. Невербальное поведение. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986. 136 с.
4. Остин Дж. Слово как действие // Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 22—130. (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 17).
5. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? Классификация иллокутивных актов // Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 151—185. (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 17).
6. Borbein V., Loheac-Wieders M-C. Tod in der Oper. Berlin : Cornelsen Verlag, 2008. 56 S.
7. Borchert W. Nachts schlafen die Ratten doch // Das Gesamtwerk. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH, 1991. S. 216—218.
8. Remarque E. M. Der Himmel kennt keine Günstlinge. Köln : Kiepenheuer und Witsch, 1961. 328 S.
9. Remarque E. M. Drei Kameraden. Köln : Kiepenheuer und Witsch, 1991. 398 S.
10. Wagner K. Pragmatik der deutschen Sprache. Frankfurt a. Main ; Berlin : Peter Lang Verlag, 2001. 498 S.

ББК 81.432.1-8

Е. Н. Пастухова

**ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ЭЛЕГИЯ «МОРЕСТРАННИК»
В ПЕРЕВОДЕ Э. ПАУНДА:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СТИЛЯ**

Статья посвящена критическому анализу перевода древнеанглийской элегии «Морестранник», выполненного известным американским поэтом и переводчиком Э. Паундом. Несмотря на удачную передачу ритмики и аллитерационных особенностей древнеанглийского стиха, Э. Паунд не смог адекватно отразить богатство и своеобразие поэтической номинации. Он допускал ошибки при переводе отдельных слов и интерпретации целых отрывков элегии, что было вызвано недостаточным знанием культурно-исторического контекста возникновения произведения.

Ключевые слова: «Морестранник», древнеанглийский язык, интерпретация, стиль древнеанглийской поэзии.

The article intends to study Ezra Pound's translation of the Old English poem «The Seafarer» through a close research of the most important elements of the Old English poetic style and the subject matter of «The Seafarer». The author comes to a conclusion that Ezra Pound modified the original text, eliminating all the references to the religious sentiments that are an integral part of the poem. Numerous philological mistakes in Pound's translation were a result of his arbitrary reinterpretation of the poem and insufficient familiarity with the cultural context.

Key words: «The Seafarer», Old English, interpretation, Old English poetic style.

Как известно, поэзия — наиболее трудно переводимая область словесного творчества, так как помимо лексических проблем возникают и сложности передачи особенностей ритмической организации текста. В этом смысле древнеанглийская поэзия — явление поистине уникальное. Такие специфические черты древнеанглийской поэзии, как аллитерационное стихосложение, представляющее собой разновидность нерифмованного акцентно-тонического стиха, а также своеобразие поэтической номинации, выражающейся в развитой синонимике и обилии перифрастических выражений, делают процесс перевода на современные языки необычайно сложным. Как следствие, «древнеанглийская поэзия очень проигрывает в переводах, которые чаще всего дают искаженное о ней представление, выхватывая то одну, то другую ее сторону... поскольку почти вся высокая поэтическая лексика в современном языке — это слова романского происхождения, целиком и полностью связанные с культурой нового времени» [3].

Древнеанглийская элегия «Морестранник» является одним из первых произведений древнеанглийской поэзии и самым ранним образцом германской медитативной лирики, в котором горести героя, скитающегося по волнам океана, служат поводом для размышления о превратности судеб и бренности этого мира. «Морестранник» толковали и как случайное соединение элегических и дидактических фрагментов; и как диалог между старым, изнемогшим в борьбе с волнами моряком и юношей, рвущимся в дальние страны; и как предвосхищающий романтиков гимн непокорной морской стихии. В последние годы утвердилось мнение, что «Морестранник» — это уточненная христианская аллегория, в которой «изображается путь жизни, или путь от мирского знания (отождествляемого с этикой героической поэзии) к высшему, религиозному знанию» [10, p. 154].

Один из самых ранних и самых известных переводов «Морестранника» на современный английский язык, выполненный американским поэтом и переводчиком с древних языков Э. Паундом, получил неоднозначную оценку как со стороны читателей, так и критиков [5, 6, 9, 13].

Переводя элегию, Э. Паунд стремился передать ритмику и звукопись древнеанглийского текста так, чтобы это было понятно современному читателю, максимально приблизив свое переложение к оригиналу и сохранив при этом архаизмы и так называемые кеннинги — сочетания двух слов, например: *seafarer* — «морестранник», *sword-hate* — «ненависть-меч». Исследователь творчества Э. Паунда М. Александер отмечает, что «Паунд имитирует форму стиха древнеанглийского “Морестранника”, вследствие чего вынужден переводить в строгом соответствии следования фраз. Его перевод — это поэма с тем же ритмом и той же энергией, что и древнеанглийский “Морестранник”» [5, p. 102].

Несмотря на удачную передачу ритмики стиха, Э. Паунд допустил немало ошибок в трактовке семантики слов, что, по мнению некоторых исследователей, является результатом «его личной интерпретации произведения» [6, p. 127]. Сам поэт, предваряя публикацию своего перевода «Морестранника» в журнале «New Age», признавался, что «текст данного произведения довольно запутан» (цит. по: [2, с. 878]). «Запутанность» «Морестранника» проявилась в переводе Э. Паунда в том, что он допускал ошибки, принимая древнеанглийское *purh* («через, сквозь») за *pruh* («гроб») или *laene* («проходящий») за *laen* («суда»), т. е. он заменял древнеанглийские слова омофонами, даже не всегда близкими им по значению.

Строки 62—64 элегии, которые вводят в рассказ о морском путешествии христианскую идею бренности всего земного и являются ключевыми в сюжетной линии поэмы, вызывают особые сомнения в плане адекватности перевода, выполненного Э. Паундом:

...anfloga hweteð
 on (h)wælweg / hreþer unwearnum [15, p. 173] —
 ...the crying lone-flyer,
 Whets for the whale-path / the heart irresistibly [16, p. 519].

Э. Паунд переводит все слова данного отрывка буквально. Так, при толковании существительного *unwearnum* переводчик, очевидно, принимает во внимание буквальное значение корня, от которого образовано слово *warn* — «отказ», и приставки *un-*, обозначающей отрицание, и переводит его как *irresistibly* — «беспрепятственно» (ср. с аналогичным толкованием в словаре *Bosworth — Toller Anglo-Saxon Dictionary*: «...*unwearnum*: adv: without hindrance» [7]). Несомненно, «Морестранник» был написан поэтом — мастером воссоздания поэтической многозначности, и дополнительное, более глубокое значение этих строк выходит на первый план в данном контексте, на что указывают некоторые этимологические параллели слова в родственных языках.

Как известно, этимологический анализ слова расширяет гипотетические представления о том, что могло оно значить в том или ином контексте его употребления. Для древнеанглийского поэтического слова вполне реальной является консервация более древних смыслов. «Этимологические связи слов непрерывно восстанавливаются в поэтическом тексте благодаря особым механизмам аллитерационного стиха, — отмечает Н. Ю. Гвоздецкая, — и этимологический подход к семантике древнеанглийского поэтического слова помогает расслышать в нем эхо прежних смыслов, нередко утраченных в общенародном языке» [1, с. 33].

Учитывая значение этимологических параллелей *unwearnum* в исландском и норвежском языках (*vörn, vern* — «defence»), Ч. Хэррисон-Вэллис в своей работе, посвященной отдельным проблемам интерпретации «Морестранника», приходит к выводу, что в данном случае слово означает «defenceless», «unresisting», «vulnerable», а словосочетание *hreþer unwearnum* — «незащищенная (ранимая) душа» [12].

Значение существительного *anfloga*, которое является словом *þaraх le-gomenon*, т. е. встречается только в элегии «Морестранник», также не поддается однозначному толкованию. Словарь древнеанглийского языка дает следующее определение этому слову: «...птица, возможно, в переносном значении “человеческая душа”» [8]. Э. Паунд, опираясь на буквальное значение составляющих его простых слов *an-* («lonely») и *floga* («flyer»), переводит *anfloga* как *lone-flyer* («одинокая птица»). Вслед за ним многие современные переводчики элегии при передаче значения этого слова используют существительное *птица*, и даже *кукушка*, последнее совершенно неприемлемо в контексте морского путешествия героя элегии.

Дж. Смифес видит более глубокий смысл, выражаемый существительным *anfloga* в данном контексте, полагая, что в строках 62—64 заключено стремление человека к смерти, после которой душа совершит путешествие по морю в царство мертвых. Исследователь анализирует значение

существительного *anfloga* в соотношении с этимологически родственными словами в других германских языках, в частности с древнемецким глаголом *anfliegen*, обозначающим «атаку» болезни, особенно жара, лихорадки, и переводит это слово как *on-flyer* или *approaching flyer* — «существо, подобное валькирии, приносящее смерть; предвестник смерти» [14].

Вместо существительного *wælweg*, которое Паунд принимает за ошибку переписчика элегии, он рассматривает сложное слово (*h*)*wælweg*, переводя буквально каждое простое слово в его составе: (*h*)*wæl* — «whale» — «кит», *weg* — «way» — «путь». Кеннинг «китовый путь» действительно встречался в древнеанглийской поэзии в качестве перифрастического наименования для обозначения моря. Представляется, что в данном контексте, в котором передается ощущение неминуемой опасности и повествуется о переходе героя от язычества к христианству, англосаксонский поэт использовал составное существительное *wælweg*: *wæl* («смерть») и *weg* («дорога, путь»), при этом первый компонент композита может рассматриваться как субстантивный эпитет. Данный эпитет близок по своей семантике и функции к качественному прилагательному, что вызывает особую трудность при переводе, поскольку семантика эпитетов, входящих в состав сложных слов, сочетает в себе конкретность образа и отвлеченную «эмоционально окрашенную качественность» [4, с. 11]. Для субстантивного эпитета характерна многозначность или даже неопределенность, диффузность значения. Он представляется как совокупность признаков, и значит, «оснований для присоединения его к определяемому... может быть столько же, сколько в нем мыслится признаков» [4, с. 28]. Поэтому существительное *wæl* — «смерть», используемое в качестве украшающего эпитета, может означать «жестокий», «ужасный», «смертельный». В подтверждение такого варианта перевода свидетельствует тот факт, что в раннем Средневековье еще хорошо помнили традицию хоронить мертвых в лодках или ладьях, по форме напоминающих гробы. *Wælweg*, имеющее языческие коннотации, используется здесь в христианском контексте и означает «дорога в царство мертвых».

Как видим, небрежность Э. Паунда при переводе отдельных отрывков элегии, которую часть исследователей называют «смелой попыткой преобразования оригинального текста» [6, р. 127], зачастую приводила к искажению истинного значения древнеанглийского поэтического слова, а следовательно, и элегии в целом. Э. Паунд, устранив все религиозные мотивы, которые являются неотъемлемой частью элегии, акцентировал свое внимание на теме отчуждения, уединенной жизни и духовного страдания.

Разнообразные пласты смыслов, заключенные в древнеанглийском поэтическом слове, отражают результат эволюции религиозных представлений англосаксов. «Морестранник» является своего рода поэтической проповедью, в первой части которой поэт размышляет о своем языческом прошлом, как и о своей жизни в море, полной личного мужества и выносливости, в реалистичной и аллегорической форме. Во второй части он приглашает слушателей подумать о конце не только временной земной жизни, но и языческого страха перед жизнью, которая будет после смерти. Более глубокая интерпретация строк 62—64 — «...кричит приближающийся вестник / Трепетная душа готовится к дороге смерти / через воды океана» — точнее передает значение элегии в целом.

Библиографический список

1. Гвоздецкая Н. Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии : проблемы поэтической номинации : учебное пособие / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1995. 151 с.
2. *Пробитейн Ян*. Примечания к книге // Паунд Э. Стихотворения и избранные Cantos. СПб. : Владимир Даль, 2003. С. 851—878.
3. *Смирницкая О. А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. Сер.: Литературные памятники. URL: <http://www.philology.ru/literature3/smirnitskaaya-80.htm> (дата обращения: 15.11.2016).
4. *Стеблин-Каменский М. И.* Историческая поэтика // Труды по филологии / отв. ред. Ю. А. Клейнер. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 928 с.
5. *Alexander M.* «Blue, blue is the grass about the river» // Sons of Ezra : British Poets and Ezra Pound : Studies in Literature / ed. by M. Alexander, J. McGongal. Amsterdam ; Atlanta (GA) : Rodopi, 1995. P. 95—105.
6. *Birsanu R.* The image of the other in Ezra Pound's translations // Synergy. 2009. Vol. 5, № 1. P. 122—130. URL: <http://oaji.net/articles/2016/2062-1458671799.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).
7. Bosworth — Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://www.bosworth.ff.cuni.cz> (дата обращения: 01.11.2016).
8. Dictionary of Old English. URL: <http://doe.utoronto.ca> (дата обращения: 15.11.2016).
9. *Emig R.* «All the others translate»: W. H. Auden's poetic dislocations of self, nation, and culture // Translation and Nation : Towards a Cultural Politics of Englishness / ed. by R. Ellis, L. Oakley-Brown. Clevedon ; Buffalo ; Toronto ; Sydney : Multilingual Matters LTD, 2001. P. 167—205.
10. *Greenfield S. B.* The Old English elegies // Continuations and Beginnings : Studies in Old English Literature / ed. by E. G. Stanley. London : Thomas Nilson, 1966. P. 70—160.
11. *Gummere F. B.* Translation of Old English verse // Modern Language Notes. 1910. Vol. 25, № 2. P. 61—63. URL: <http://www.jstor.org/pss/2916315> (дата обращения: 19.11.2016).
12. *Harrison-Wallace Ch.* The Central Crux of *The Seafarer*. URL: <http://www.cichw1.net/crux.htm> (дата обращения: 19.11.2016).
13. *Robinson Fred C.* «The Might of the North»: Pound's Anglo-Saxon studies and «The Seafarer» // The Yale Review. 1982. Vol. 71. P. 199—224.
14. *Smithers G. V.* The meaning of *The Seafarer* and *The Wanderer* // Medium Ævum. 1957. Vol. 28, № 1. P. 137—153. URL: <http://www.cichw1.net/anflogsmith.html> (дата обращения: 15.11.2016).
15. *The Seafarer* // Sweet's Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse / rev. throughout by C. T. Onions. Oxford : Oxford University Press, 1954. P. 171—174.
16. *The Seafarer* / transl. by E. Pound // Паунд Э. Стихотворения и избранные Cantos. СПб. : Владимир Даль, 2003. С. 518—521.

ББК 81.432.4-8

*Н. Ю. Хорецкая, И. В. Кокурина***«АБЫРВАЛГ» ПО-НЕМЕЦКИ, ИЛИ К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ****(На примере повести М. Булгакова «Собачье сердце»)**

Рассматриваются вопросы определения безэквивалентной лексики, ее виды, а также некоторые способы ее перевода на немецкий язык на материале повести М. Булгакова «Собачье сердце».

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, описательный перевод, дословный перевод, транскрипция, транслитерация.

This article deals with determination of words with no direct equivalents in other languages, its types, and some ways of its translation into German based on the story by Mikhail Bulgakov «Sobachye serdtse».

Key words: words with no direct equivalents in other languages, transcription, transliteration, descriptive translation, word-for-word translation.

В каждом языке существуют слова, не имеющие лексического соответствия в других языках. Условно такие лексемы получили название «безэквивалентная лексика». Причины возникновения и существования этого языкового явления кроются в изменениях жизни общества, в развитии производства, культуры, науки, в исторических переменах, особенностях быта, условий и восприятия окружающей действительности. Такие слова, как правило, вызывают трудности при переводе и требуют особого расширительно-описательного перевода в применении к контексту. И действительно, не так просто одним словом объяснить представителю иноязычной культуры, что такое «шапка-ушанка», «колядки», «идейность», «Giebelhaus» или «Sturm und Drang».

Проблема безэквивалентной лексики довольно широко освещается в научной литературе по теории перевода, а также лингвострановедению. Вопросы ее изучения занимались многие исследователи: Л. С. Бархударов, Е. М. Верещагин, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер, В. Г. Костомаров, С. Влахов, С. Флорин и многие другие. При изучении проблемы безэквивалентной лексики перед учеными встают три основных вопроса: что такое «безэквивалентная лексика», как ее классифицировать и как переводить.

Остановимся на них подробнее.

Содержание понятия «безэквивалентная лексика» трактуется далеко не однозначно у разных исследователей. Так, с точки зрения Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, безэквивалентная лексика — это слова, которые не поддаются однословному переводу, т. е. «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [2, с. 56]. А. Д. Швейцер относит к категории безэквивалентной лексики «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [7, с. 108]. В. Н. Комиссаров называет безэквивалентными «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [4, с. 147]. Болгарские

© Хорецкая Н. Ю., Кокурина И. В., 2017

лингвисты С. Влахов и С. Флорин дают свою дефиницию, которая заметно сужает границы безэквивалентной лексики, называя ее лексическими единицами, которые «не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода» [3, с. 51].

Очевидным в приведенных дефинициях является то, что обсуждаемые языковые единицы — это слова, не имеющие однословного перевода в других языках.

На сегодняшний день нет и однозначной классификации этого специфического пласта лексики. Каждый автор предлагает свой взгляд на распределение безэквивалентной лексики на группы. Одной из известных в этом плане является классификация Л. К. Латышева, предлагающего распределить данную лексику на четыре группы: слова-реалии, временно безэквивалентные термины, случайные безэквиваленты и структурные экзотизмы [5, с. 179]. Каждая из предложенных групп может быть подвержена более детальной классификации. Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, рассматривая слова-реалии, объединяют их в семь обширных групп. Первую и вторую составляют советизмы и тесно примыкающие к ним слова нового быта. Третью группу образуют слова — наименования предметов и явлений традиционного быта. В четвертую входят историзмы. В отдельные группы авторы выделяют лексику фразеологических единиц и слова из фольклора. В последнюю группу авторы включают слова нерусского происхождения, так называемые тюркизмы, украинизмы и т. д. Авторы определяют их как дважды безэквивалентные. Процесс взаимного обмена и обогащения культур народов нашей страны начался еще в глубокой древности. Сначала эти слова не имели эквивалентов с точки зрения русского языка, и это обусловило их заимствование, а сейчас они воспринимаются как исконно русские и теперь не имеют эквивалентов уже с точки зрения иностранных языков по отношению к русскому. Слова, входящие в перечисленные группы, отражают самое существенное, важное в нашей культуре и показывают глубокие корни отечественной истории и общественной жизни [2, с. 45—51].

Вопрос классификации безэквивалентной лексики остается открытым, и его решение зависит от угла зрения автора.

Поскольку по вопросам дефиниции и классификации безэквивалентной лексики не существует единого мнения, то нет и единого решения по способам перевода этой группы слов. Каждая ситуация здесь особая и требует отдельных переводческих решений, которые будут носить только лишь рекомендательный характер. Итак, среди всех вариантов перевода безэквивалентной лексики наиболее распространенными являются следующие: транскрипция, транслитерация, калькирование, приближенный перевод, элиминация национально-культурной специфики, описательный перевод, перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы.

С пластом безэквивалентных лексических единиц переводчик сталкивается при работе практически над любым художественным произведением, наделенным национально-культурной спецификой. Интересными в этом плане видятся произведения М. Булгакова, где встречается большое количество слов, заключающих в себе национально-культурное наследие народа и поэтому относящихся к категории труднопереводимых. Особое место в творчестве М. Булгакова отводится повести «Собачье сердце» [1], поскольку именно она является одним из сложных в идейно-художественном смысле произведений, где дается неоднозначный намек на ситуацию, грозящую трагедией народу

и стране. «Собачье сердце» пестрит многообразием лексики, перевод которой может поставить в тупик даже самого опытного переводчика. Материалом для анализа передачи на немецкий язык безэквивалентной лексики послужил перевод этой повести, выполненный замечательной немецкой переводчицей Гизелой Дрола [8], на счету которой многочисленные успешные переводы большого количества произведений русско-советской литературы.

Рассмотрим безэквивалентную лексику повести с позиции трех ключевых вопросов: что относится к безэквивалентной лексике, каковы ее виды и способы перевода.

К разряду безэквивалентной лексики повести «Собачье сердце» были отнесены слова, не имеющие полных эквивалентов среди лексических единиц немецкого языка.

Анализ фактического материала позволил выявить следующие условные группы безэквивалентных лексем повести: а) имена собственные (Сухаревка, Обухов переулок), б) «советизмы» (милиционер, столовая нормального питания), в) бытовые реалии (калоши, червонец), г) разговорная лексика (буржуй, балаган), д) авторские неологизмы (абырвалг).

Остановимся на способах перевода групп безэквивалентной лексики.

(а) Традиционно имена собственные переводятся в повести с помощью транскрипции или транслитерации. Ср.: Пречистенка — Pretschestenka, Сухаревка — Sucharewka. Однако нередко встречаются и так называемые «полукальки», когда имя собственное передается частично звуко-буквенным соответствием. Например, Обухов переулок — Obuchow-Gasse. Калабуховский дом — Kalabuschowsche Haus. Особое внимание уделяется именам собственным, обладающим определенной семантикой. Так, имя собственное Шариков было, на наш взгляд, удачно передано немецким словом Morpel, которое дословно означает «толстячок», что вполне соответствует значению русской клички «Шарик».

(б) Самую большую группу безэквивалентной лексики в повести составляют «советизмы». Переводческие пути решения здесь самые разнообразные. Наиболее часто встречающийся способ перевода — это непосредственно сам процесс перевода, т. е. реалия получает в немецком варианте дословный перевод. Например, «Центральный Совет Народного Хозяйства» — der Zentrale Volkswirtschaftsrat, «столовая нормального питания» — Kantine für Normalernährung. Часто переводчица прибегает к описательному переводу. Ср.: «беспартийный» — nicht in der Partei (вместо возможного «parteilos»), «жилтоварищи» — Leute von der Wohnungsgenossenschaft, «белый билет» — untauglich geschrieben werden (возможный вариант — Ausschließungsschein). Иногда в целях подчеркнуть негативное отношение говорящего к понятию используется слово немецкого языка с похожим негативным оттенком («нэпман» — Spekulant). Встречаются, однако, случаи, когда переводчица снимает при переводе безэквивалентной лексики отрицательную коннотацию. Например, слово «социал-прислужница» было переведено как Hausangestellte (домработница). В случае невозможности передать реалию на немецкий язык никаким другим способом, слово просто транслитерируется (Моссельпром — Mosselprom, Главрыба — Glawryba). В подобных случаях часто не хватает дополнительных пояснений значения этих понятий. Неоднозначным видится случай с переводом слова «милиционер». В некоторых случаях это слово транслитерируется (Milizionär), а в других используется приблизительный эквивалент (Polizist).

(в) При переводе бытовых реалий переводчица прибегает к нескольким способам перевода. Так, при передаче понятий, полностью отсутствующих

в немецкой культуре, используется транскрипция или транслитерация (ср. «калоши» — Galoschen). Иногда безэквивалентное понятие заменяется приблизительно адекватным словом (водка — Schnaps). Описательный перевод также не является редким случаем при переводе безэквивалентной лексики повести (примус — Spirituskocher). В случаях, когда, по мнению переводчицы, не требуется доскональной передачи заключенной в слове информации, используется способ более общей передачи смысла безэквивалентного слова. Например, сочетание «кожаная тужурка» передается на немецкий язык словом «Lederjасke», которое не отражает все особенности этого предмета одежды (домашняя или форменная двубортная куртка). То же самое можно сказать и о понятии «паровое отопление», которое отражено при переводе как «Zentralheizung» (центральное отопление). Такой перевод можно считать оправданным, так как при описании ситуации автор повести как раз имел в виду не столько паровое, сколько общее отопление.

Особое место среди бытовых реалий заслуживают слова, обозначающие меру и денежные единицы. Слово «аршин» передается словом «Meter» с учетом определенных соответствий (например, 16 квадратных аршин — 8 Quadratmeter), а слово «пуд» соответственно «Kilo» (3 пуда — 50 Kilo). Интересным видится переводческое решение в случае со словом «осьмушка». Переводчик не вдается в детализацию этой меры веса и переводит фразу «осьмушка мяса» как «ein bisschen Fleisch». Устаревшие денежные единицы передаются в тексте перевода традиционно: «червонец» — Zehnrubelschein, «двугривенный» — 40 Kopeken.

(г) Для пласта разговорной безэквивалентной лексики переводчицей также были найдены свои способы перевода. Так, слово «балаган», имеющее значение «пустые громкие разговоры», передается приблизительным немецким выражением «der reinste Hanswurst». А слово «шестерка» передано близким по значению словом «Lakai».

(д) И наконец, перевод авторских неологизмов осуществлен приемом транслитерации («абырвалг» — Abugwalg). Такой подход достаточно оправдан, поскольку подобные слова не несут в себе особого смысла, а всего лишь передают первые звуки, произнесенные одним из главных героев.

Подводя итог вышесказанному, следует заметить, что перевод безэквивалентной лексики повести М. Булгакова «Собачье сердце» на немецкий язык в целом можно назвать достойным. Переводчице удалось подобрать интересные варианты решения проблемы и донести до немецкого читателя всю полноту и смысл труднопереводимых слов. Единственным пожеланием можно было бы считать добавления в отдельных случаях переводческих комментариев. Это помогло бы наиболее четко понять замысел автора и раскрыть глубину описываемой ситуации.

Все проанализированные примеры демонстрируют разнообразие приемов перевода безэквивалентной лексики, которыми можно активно пользоваться в соответствующих ситуациях. Но в любом случае перевод безэквивалентной лексики всегда будет иметь не абсолютный, а относительный характер.

В безэквивалентной лексике заключены глубокие корни жизни общества и развития истории. Поэтому всегда необходимо помнить о значимости максимально точного перевода этой группы слов, поскольку понимание смысла иноязычного текста является основополагающей задачей для теории и практики перевода [6, с. 191].

Библиографический список

1. Булгаков М. Собачье сердце. М. : АСТ, 2005. 555 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1038 с.
3. Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Междунар. отношения, 1980. 408 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М. : Высш. шк, 1990. 254 с.
5. Латышев Л. К. Технология перевода : учебное пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов. М. : Академия, 2005. 320 с.
6. Хорецкая Н. Ю. Лингвокультурная адаптация реалий романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» при переводе на немецкий язык // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2013. № 9. С. 187—191.
7. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 216 с.
8. *Bulgakov M. Hundehertz : Deutsch von Gisela Drohla. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1994. 151 S.*

ББК 81.411.2-36

*М. С. Ндой, А. А. Хуснутдинов***ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА**

Рассматриваются особенности соотношения слов и идиом в словарном составе языка. Утверждается, что категориальным своеобразием слов и идиом как особых единиц языка определяется их место и роль в словарном составе, грамматике языка и в языковой системе в целом. На примере семантического поля «восприятие» показываются особенности отражения лексическими и фразеологическими единицами круга понятий, связанных с разными способами восприятия человеком окружающей действительности (зрительным, слуховым и т. д.), в семантической системе русского языка.

Ключевые слова: русский язык, словарный состав языка, лексика, фразеология, идиоматика, семантика, грамматика, идеографическое описание, семантическое поле, тематическая группа.

The article discusses peculiarities in the relation of words and idioms in the vocabulary of the language. It is stated that the role and place of words and idioms as special units of the language in the vocabulary and grammar and in the language system on the whole are determined by their categorical peculiarities. Using the semantic field of «perception» as an example, some peculiarities of reflecting the concepts related to different ways of human perception of reality (visual, aural impression and so on) in the Russian language semantic system are demonstrated.

Key words: Russian language, the vocabulary of a language, lexis, phraseology, idiomatics, semantics, grammar, ideographic description, semantic field, thematic group.

В современной лингвистике квалификация фразеологической единицы как особой единицы языка, категориально отличающейся от других единиц языка, не подвергается сомнению, ср. в «Словаре русской фразеологической

© Ндой М. С., Хуснутдинов А. А., 2017

терминологии»: «**Фразеологическая единица (фразеологизм, фразеологический оборот)**. 1. Относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением. <...> 2. Устойчивое сочетание слов с осложненной семантикой, не образующееся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний. <...> 3. Языковая единица, возникшая в результате фразеологизации, воспроизводимая в языке и любом акте речи как готовая единица более сложной организации, нежели слово. <...>» [2, с. 89—90]. Установлено, что фразеологическая единица обладает своим набором формальных и содержательных признаков, которыми определяются ее качественное своеобразие как особой единицы и функциональное назначение в языке. Каждый из этих признаков в отдельности и в совокупности с другими дает возможность не только отграничивать фразеологическую единицу от других единиц языка, но и устанавливать степень ее соотносительности по форме и содержанию с другими единицами языка, в первую очередь со словом, с которым она употребляется в речи, и со словосочетанием, к которому по своему происхождению восходит. Вместе с тем вопрос о месте фразеологической единицы в языке и особенностях ее соотношения по форме и содержанию с другими единицами языка остается неразрешенным прежде всего, на наш взгляд, в силу того, что суждения на этот счет в значительной степени основываются на исследовательской интуиции, а не на всестороннем анализе достаточного числа языковых фактов, касающихся формы, содержания и употребления фразеологических единиц в речи. С этим связаны и разного рода несоответствия и противоречия в трактовке и оценке тех или иных явлений, касающихся фразеологии языка. Например, признание фразеологической единицей любого воспроизводимого в речи сочетания слов (см. словарное определение 3) подводит под эту категорию идиоматические выражения (фразеологические сращения и фразеологические единства, по терминологии В. В. Виноградова), фразеологические сочетания, а также фразеологические выражения (по терминологии Н. М. Шанского), к которым причисляются пословицы и поговорки, крылатые фразы и изречения. При этом возникает вопрос: все ли указанные типы воспроизводимых сочетаний должны включаться в словарный фонд языка? В словарь языка должны включаться сами фразеологические сочетания типа *окладистая борода, закадычный друг* или входящие в их состав слова *окладистый, борода, закадычный, друг*? В словарь языка должны быть включены сами пословицы, поговорки и крылатые выражения или слова, составляющие такие выражения? Решение таких вопросов возможно только при специальном исследовании особенностей фразеологической единицы в сопоставлении с другими единицами на разных уровнях языковой системы. И здесь главным становится вопрос о месте и роли фразеологии (идиоматики) в языке и о соотношении фразеологических единиц (идиоматических выражений) с лексическими единицами в словаре и грамматике языка.

Если вопрос о месте фразеологической единицы в грамматическом строе языка еще обсуждается в науке (см., напр.: [9]), то признание фразеологии (идиоматики) как части словарного состава языка никем, кажется, не оспаривается. Однако это не снимает задачи установления места и назначения фразеологии в словарном фонде языка, соотношения ее с лексической системой языка в целом и ее отдельными звеньями. Задача данной статьи — указать на некоторые особенности соотношения лексических и фразеологических единиц в словарном составе языка.

К фразеологическому составу языка относятся идиоматические выражения — фразеологические сращения и фразеологические единства, по известной классификации В. В. Виноградова. Такие выражения отличаются от других типов устойчивых сочетаний рядом особенностей: во-первых, они состоят не из слов, а из компонентов, т. е. имеют особое — не словное, а компонентное строение, определяющее особенности их формы; во-вторых, они обладают целостным значением, свойственным всей фразеологической единице и не разложимым на отдельные значения составляющих ее компонентов, что отличает идиомы от переменных сочетаний слов; в третьих, идиоматические сочетания в строе предложения всегда занимают определенные синтаксические позиции как целостные единицы и вступают в отношения и связи со словами как грамматически не разложимые сочетания. Идиоматические выражения по своим свойствам и употреблению в речи в наибольшей степени соотносятся со словами: как и слова, они обладают лексическим и грамматическим значениями; по своим лексико-грамматическим свойствам распределяются, как слова по частям речи, по определенным лексико-грамматическим разрядам; по тем же признакам, что и слова, они могут быть описаны по сфере употребления, стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске, историко-временной отнесенности и т. д. Такая соотносительность слов и идиом не означает их полного сходства: сопоставление слова и фразеологической единицы по каждому из параметров показывает их существенные отличия, что обусловлено категориальным своеобразием каждой из этих единиц языка. Так, и слова, и фразеологические единицы, употребляющиеся в литературном языке, могут быть охарактеризованы по стилистической окраске, однако такая характеристика покажет существенные отличия у этих единиц в проявлении данного свойства: если основная часть слов относится к стилистически нейтральной (межстилевой) лексике, то подавляющая часть идиом относится к разговорной фразеологии, причем стилистически нейтральная фразеология представлена в языке совсем небольшим числом единиц. Такого рода расхождения обнаруживаются при сопоставлении лексических и фразеологических единиц по каждому признаку. Этим определяется и необходимость объективного и точного соотношения лексики и фразеологии как на уровне всего словарного состава языка, так и на уровне отдельных единиц и групп единиц.

Слова и идиомы в языке используются для выражения понятий, которые формируются человеком в процессе познания им окружающей действительности. Словарный состав языка отражает понятийную сеть языка как некую семантическую систему, определенные части которой представляют лексические и фразеологические единицы, которые в категоризации действительности имеют разные типы номинации. Основной для лексической номинации является обозначение класса однородных предметов, процессов, явлений и т. д., выделенных человеческим сознанием на основе общих и наиболее существенных свойств, присущих всем предметам данного класса, на основе которых они могут, с одной стороны, объединяться в один класс предметов, с другой — противопоставляться другим классам предметов. Так, набор признаков 'предмет мебели для сидения одного человека со спинкой и без подлокотников' представляет целый класс предметов, обозначаемый словом *стул*, который по набору этих признаков может противопоставляться другим классам предметов, ср. признаки предметов, обозначаемых словами *дом*, *автомобиль*, *береза*, *шкаф*, *кровать*, *скамейка*, *лавка*, *табурет*, *кресло* и т. д. Набор таких признаков представляет собой содержание сформированного языковой общностью понятия, лежащего в основе значения слова. Лексические единицы, таким образом, используются прежде всего

для отражения (фиксации) в языке элементов окружающего мира, их связей и отношений друг с другом, устанавливаемых человеческим коллективом в процессе категоризации действительности.

Фразеологические единицы представляют иной способ языковой номинации. В отличие от слова фразеологическая единица используется в языке не для обозначения класса предметов (в широком смысле), а для выделения отдельных предметов внутри одного класса на основании какого-либо признака, которым эти предметы отличаются от других предметов данного класса (например, *филькина грамота* — не любой документ, а документ, не имеющий юридической силы, *медвежий угол* — не любое место, а глухое, отдаленное, малонаселенное место, *выжигать калёным железом* — не просто уничтожать, искоренять что-либо, а уничтожать, искоренять, прибегая к самым крайним мерам, *под рукой* — не просто близко, рядом, а так близко, что легко достать, дотянуться и т. п., *в доску* — не просто пьяный, а пьяный мертвецки, *песок сыплется из кого* говорят о человеке не просто старом, а о дряхлом, слабом, доживающем свой век, и т. д.). Отметим также, что признак, выделяемый в предмете и содержащийся в значении фразеологической единицы, никогда не отражает чисто объективные, присущие самому предмету «по природе» свойства (форма, цвет и т. п.); в значении фразеологической единицы содержится указание на такие признаки обозначаемого предмета, в которых всегда присутствуют оценка, квалификация субъектом объекта наименования (см. семантические признаки, выделяемые в значениях фразеологических единиц: 'большой', 'высокий', 'богатый', 'быстро', 'много', 'далеко', 'громко', 'бездельничать', 'испугаться', 'устать' и т. д.; ср. с признаками, невозможными в значениях фразеологических единиц: 'синего цвета', 'сделанный из дерева', 'треугольной формы' и т. п.). Иначе говоря, фразеологическая номинация связана прежде всего с квалификативными сферами человеческой деятельности, она «нацелена» не столько на именование предметов и явлений действительности, сколько на характеристику этих предметов и явлений сквозь призму интеллектуального и чувственного восприятия, рациональной и эмоциональной оценки. Поэтому лексическую и фразеологическую номинации можно противопоставить друг другу как принципиально разные виды номинации: лексическая номинация выступает по преимуществу как номинация «называющая», «именующая», а фразеологическая номинация — как номинация «оценочная», «характеризующая». Этим, вероятно, объясняется необходимость существования в языке наряду с лексическими единицами фразеологических единиц как особых средств языковой номинации. Этим же можно объяснить и количественное соотношение лексических и фразеологических единиц в словарном составе языка, а также иные особенности лексической и фразеологической систем, определяющие их место и взаимодействие друг с другом (подробнее об особенностях фразеологической номинации и семантической организации фразеологического состава языка см.: [6, с. 43—114]).

Вопрос о соотношении лексики и фразеологии в словарном составе языка относится к числу важных для общей характеристики соотношения лексических и фразеологических единиц в языке в целом. В процессе обсуждения этой проблемы последовательно предлагались разные решения. Идея о соотносительности слова и фразеологической единицы по ряду признаков (воспроизводимость и устойчивость, семантическая и грамматическая неразложимость, способность употребляться в речи как самостоятельный член предложения и др.), высказанная еще до формирования фразеологии как особой лингвистической

дисциплины, привела к формированию так называемой теории эквивалентности слова и фразеологической единицы, в рамках которой фразеологическая единица рассматривалась как своеобразный дублет слова. Ее отличие от слова усматривалось только во внешнем облике — раздельнооформленности фразеологической единицы и присущей ей особой «выразительности», «образности», «метафоричности», «киносказательности» и т. д. Поэтому фразеология в науке и в учебных пособиях обычно рассматривалась как раздел в лексикологии, а сами фразеологические единицы определялись в первую очередь как особое экспрессивное, выразительное средство языка. С признанием фразеологической единицы особой единицей языка, категориально отличающейся от слова и словосочетания, и становлением фразеологии как особой науки, имеющей свой объект и предмет исследования, началось изучение фразеологии языка с ориентацией прежде всего на собственные признаки фразеологической единицы, что в конечном итоге позволило установить, что у фразеологической единицы есть такие особенности, которые свойственны только ей и которые определяют ее категориальное своеобразие как особой единицы языка. Это привело к отдельному и в известной степени изолированному изучению лексики и фразеологии как особых систем в словарном составе языка. Вместе с тем исследования в таком ключе объективно способствовали расширению научных представлений о фразеологии языка и углублению познаний о сущности фразеологической единицы как особой единицы языка. Это, в свою очередь, привело к оценке лексики и фразеологии языка как единой лексико-фразеологической системы, в которой каждая языковая единица имеет свое место, находится в определенных отношениях с другими единицами и вступает с ними в те или иные связи, определяемые общими законами языка. Здесь, однако, следует сказать, что такое изучение лексических и фразеологических единиц по существу только начинается. Важно отметить, что в отечественной фразеологии появляются лексикографические труды, отражающие особенности соотношения лексических и фразеологических единиц в русском языке (см., напр.: [1, 2] и др.).

Вместе с тем считаем, что основное, что определяет особенности соотношения и взаимодействия лексических и фразеологических единиц в языке, уже установлено. Эту закономерность можно определить следующим образом: лексическая и фразеологическая системы параллельно сосуществуют в языке, взаимодействуют, дополняя друг друга. Специфика формы и содержания каждой языковой единицы определяет ее функциональное назначение в языке и диапазон ее использования в речи. Ограничения, налагаемые на возможности использования языковой единицы особенностями ее формы и содержания, компенсируются в языке возможностями другой единицы. Иначе говоря, то понятийное содержание, которое не может быть в достаточной степени выражено словом, выражается фразеологической единицей, и, наоборот, то, что не может выражаться фразеологической единицей, выражается словом. По этой причине в словарном составе языка выделяются понятия, которые выражаются исключительно или словом (*телефон, фиолетовый, по-французски, студить* и т. п.), или фразеологической единицей (*белая ворона, стреляный воробей, семи пядей во лбу, на ять, как огурчик, не все дома у кого, конь еще не валялся у кого, где* и др.). Особую группу составляют лексические и фразеологические единицы, соотносимые по значению, ср.: *кот наплакал — мало, тьма тьмущая — много, ломать голову — думать, поставить к стенке — расстрелять, вешать лапшу на уши — обманывать, у чёрта*

на куличках — далеко, под носом — близко, стар и млад — все и др. Такие единицы соотносятся друг с другом со значительной долей условности: лексические единицы выражают обозначаемое понятие лишь в самом общем виде, а фразеологические единицы выражают это понятие более конкретно, с указанием на дополнительные признаки предмета, свойства, действия и т. д., т. е. на такие признаки, которыми объект наименования отличается от других объектов обозначаемого класса, ср.: *кот заплакал* — ‘мало, в недостаточном для необходимого количестве’, *поставить к стенке* — ‘расстрелять по своему произволу, без суда и следствия’, *вешать лапшу на уши* — ‘обманывать, представляя что-либо в выгодном для себя свете’, *стар и млад* — ‘все без различия возраста’ и т. д. Таким образом, при описании понятийной сети и семантической системы языка исследователь должен отдавать себе отчет в неполноте и условности получаемой картины, если это описание по тем или иным причинам будет ограничено либо лексическим, либо фразеологическим материалом.

Соотносительность лексики и фразеологии в выражении определенной понятийной категории, а именно категории количества (множества), хорошо показана в исследовании [3], хотя автор не ставил перед собой такой специальной задачи. В данной работе понятие количества (или множества) определяется как универсальная понятийная категория, которая в языке находит отражение в виде двух основных понятий: категории определенного количества, которая связывается с точным обозначением количества предметов и с идеей числа как особой абстрактной величины, и категорией неопределенного количества, которая связывается с понятием меры или предела, выступающими как отправная точка в оценке того или иного множества при характеристике предметов и явлений объективной действительности. Отмечается, что понятия определенного количества и неопределенного количества находят свое отражение в словарном составе (лексико-фразеологической системе) языка и в его грамматике (в системе частей речи и грамматических категорий). В работе указывается: «<...> исследование лексических и фразеологических единиц, используемых в русском языке для выражения понятия “количество”, позволяет указать на наличие определенной “специализации” слов и фразеологизмов для выражения значений, связанных с данной понятийной категорией: лексическая система ориентирована в основном на выражение понятия определенного количества, а фразеологическая система — на выражение понятия неопределенного количества. В связи с этим понятие “определенное количество” по преимуществу выражается в лексике, а понятие “неопределенное количество” — во фразеологии языка» [3, с. 8]. Понятие определенного количества, как отмечает автор, находит отражение в наличии специального лексико-грамматического класса слов для выражения точного количества и абстрактной идеи числа (числительные). Указывается также на наличие в лексической системе небольшой группы слов, используемых для выражения понятия неопределенного количества, к которым относятся слова *много, мало, немного, немало*, а также некоторые существительные типа *море, капля, пропасть*, которые в производных значениях могут использоваться для выражения неопределенного количества кого-либо или чего-либо [3, с. 11]. «Фразеологические единицы, — отмечает далее исследовательница, — в силу специфики своего значения и функционального назначения в речи могут использоваться только для выражения понятия неопределенного количества. В этом качестве они соотносятся со словами с неопределенно-количественным значением в лексической системе. Однако во фразеологии

понятие неопределенного количества выражается с большей степенью полноты и детальности, чем в лексике. Так, число фразеологических единиц со значением неопределенного количества значительно превышает число слов с соответствующим значением, а сама эта группа фразеологических единиц составляет особый лексико-грамматический разряд фразеологизмов, который соотносится не с именами числительными как особой частью речи, а с небольшой группой слов с неопределенно-количественным значением (*много, мало* и т. п.)» [3, с. 11].

Полученные автором указанного исследования результаты, касающиеся особенностей соотношения лексических и фразеологических единиц с общим значением количества, могут найти свое подтверждение и получить дальнейшее развитие при соответствующем изучении способов отражения в языке других категорий, входящих в понятийную сеть языка и формирующих семантическую систему словарного состава языка. Для нас важно указать, что учет соотносительности лексических и фразеологических единиц оказывается принципиально важным для описания самой семантической системы словарного состава языка, под которой понимается представленная в значениях лексических и фразеологических единиц система семантических признаков, отражающая понятийную сеть конкретного языка, сложившуюся в результате категоризации действительности членами данного языкового коллектива.

Одним из плодотворных способов изучения семантической системы языка является идеографическое членение его словарного состава, который описывается при этом путем объединения единиц в определенные семантические группы на основании наличия в их значениях общих семантических признаков. Такая группировка осуществляется на разных уровнях абстракции. Например, слова *береза, клен, дуб* и т. п. могут быть объединены в группу слов, обозначающих деревья, которая будет противопоставляться группам слов, обозначающих травы и кустарники; на более высоком уровне абстракции все эти группы могут быть объединены в одну группу слов, обозначающих растения, которая будет противопоставлена группе слов, обозначающих животных; в свою очередь, эти группы слов могут объединяться в одну общую группу «живая природа» и противопоставляться словам, относящимся к группе «неживая природа», и т. д. Такой способ описания словарного состава языка широко используется в современной лингвистике, имеются и специальные идеографические словари, в которых лексика и фразеология языка описываются по тематическому принципу (см., напр.: [5, с. 245—543; 9] и др.). К достоинствам такого способа описания следует отнести и возможность его использования для сопоставительного изучения лексики и фразеологии разных языков, в том числе и разноструктурных. Однако полное описание словарного состава языка указанным способом остается пока еще задачей будущего. В настоящее время для идеографического описания избирается, как правило, лишь часть словаря, обычно группы слов или фразеологизмов, объединенных общей темой. Отметим также, что в собственно исследовательских и лексикографических работах идеографическое представление словарного состава и отдельных его фрагментов выглядит по-разному, что обусловлено авторскими целями и задачами, спецификой отбираемого для исследования языкового материала, избираемыми аспектами его описания и т. д. Поэтому в числе актуальных в данной области стоит задача установления общих принципов организации словарного состава языка, соотношения

и взаимодействия элементов в нем. Решение этой задачи позволит получить объективную картину «устройства» понятийной системы языка, складывающейся в языковом сознании в результате категоризации человеком действительности, что послужит надежной основой для сопоставительного изучения языков в данном аспекте. Здесь существенным является определение содержания базовых понятий, связанных с идеографическим описанием словарного состава языка. При их определении нам представляется важным учитывать в первую очередь то, что словарный состав языка состоит не только из лексических, но и фразеологических единиц, которые лишь при изучении их вместе могут обеспечить полноту и объективность наших представлений о семантической системе языка. Укажем на некоторые особенности соотношения лексических и фразеологических единиц на примере тематической группы «восприятие», в которую объединяются единицы, содержащие в своем лексическом значении семантические признаки, отражающие способность человека воспринимать, различать и усваивать явления внешнего мира.

Эту тематическую группу можно рассматривать как особое семантическое поле, потому что она, во-первых, представляет собой семантическое объединение разных языковых единиц — слов и фразеологизмов; во-вторых, в эту тематическую группу объединяются единицы с разными лексико-грамматическими свойствами, в частности лексическую часть этой группы составляют существительные, глаголы, прилагательные и наречия, а фразеологическую — фразеологические единицы, относящиеся к лексико-грамматическим разрядам именных, глагольных, адъективных и глагольно-пропозициональных фразеологизмов; в-третьих, эта тематическая группа структурно организована по принципу ядра и периферии, т. е. в ней единицы, значение которых в наибольшей степени соответствует общему значению тематической группы (содержанию выражаемого данной группой единиц понятия), занимают в группе центральное положение, а единицы, значение которых в меньшей степени соответствует общему значению, осложняясь дополнительными семантическими признаками, занимают место на периферии.

Семантическое поле «восприятие» представляет собой образование, включающее в себя несколько тематических подгрупп (микрочастиц), связанных с разными видами восприятия: зрительным, слуховым, обонятельным, вкусовым и осязательным. Символическими представителями этих групп могут выступать слова, являющиеся названиями органов восприятия: *глаза, уши, нос, язык, кожа**. Существуют и единицы, которые выступают в языке как общее название (с различными оттенками) всей тематической группы:

* Данные слова встречаются в качестве компонентов в составе многих фразеологических единиц. Однако это не означает, что все фразеологические единицы с такими компонентами относятся к тематической группе с общим значением восприятия. Наши наблюдения показывают, что, во-первых, такие компоненты могут быть действительно связаны со значением фразеологической единицы, выражающим особенностью того или иного способа восприятия (ср. *развешивать уши* — ‘слушать с чрезмерным увлечением, доверчивостью’, *наострить уши* — ‘внимательно прислушиваться’ и др.); во-вторых, такие компоненты могут быть не связаны со значением восприятия, но могут принимать участие в формировании образной основы фразеологизма (ср.: *не видеть как своих ушей* — ‘никогда не получить что-либо’, *тащить за уши кого-либо* — ‘всеми способами помогать кому-либо’); в-третьих, такие компоненты могут быть совсем не связаны со значением какого-либо способа восприятия (ср.: *ни уха ни рыла* (не знать, не понимать, не смыслить) — ‘совершенно ничего’).

восприятие, чувство, сознание (ср. также: *лишаться чувств, приходить в сознание* и др.). Каждое из этих микрополей образует относительно самостоятельное объединение, различающееся как по объему (числу единиц, составляющих тематическую группу), так и по представленности в них лексических и фразеологических единиц. Так, тематические группы со значением зрительного и слухового восприятия по указанным признакам значительно превышают другие семантические группы поля «восприятие». Вместе с тем все эти микрополя образуют единство, общность которого обеспечивается не только близостью и соотнесенностью их семантики, но и сходством их структурной организации и принципов построения. Укажем на некоторые особенности организации микрополей семантического поля «восприятие», которые представляются важными для объективного описания данного фрагмента семантической системы языка.

1. Каждая тематическая группа, входящая в семантическое поле «восприятие», включает в себя, как уже отмечалось, слова и фразеологические единицы с разными лексико-грамматическими свойствами, т. е. представлена словами разных частей речи и фразеологическими единицами, относящимися к разным лексико-грамматическим разрядам, ср.: *видеть, смотреть, следить* (глазами), *глаз, зрение, видимый, видный, видно* и *не отрывать глаз, пялить глаза, глазом не окинуть, насколько хватает глаз, на глазах* и др. Соотношение единиц разных грамматических классов и их место внутри микрополя определяется степенью близости классного значения слова или фразеологической единицы общему значению семантической группы. Так как значение восприятия в языке представлено прежде всего как процессуальный признак, как действие или как свойство, проявляющееся в определенном действии, то в каждом микрополе (и в семантическом поле «восприятие») значителен удельный вес глагольных единиц (включая их причастные и деепричастные формы, в известной степени «дополняющие» прилагательные и наречия в выражении значений, связанных с тем или иным способом восприятия). Установление соотношения лексических и фразеологических единиц в пределах того или иного семантического поля и составляющих такие поля микрополях, в том числе и поля «восприятие», составляет особый предмет исследования, ср.: *глаз, глазной, глазеть, заглазно* и т. д. Такое исследование важно и для установления связей грамматики и словаря языка.

2. Следует также указать, что каждое микрополе в языке представлено не просто как определенное понятие, «отлитое» в разные грамматические формы, а как понятие сложное и богатое по содержанию, которое в языке отражается целыми группами лексических и фразеологических единиц поразному, с особыми оттенками, выражающими общее значение ряда, ср., например: *видеть, увидеть, смотреть, посмотреть, всматриваться, глядеть, поглядеть, заглянуть, оглядываться* и т. д. Особая дифференциация понятия отражается фразеологическими единицами, ср. выражение понятия «смотреть» фразеологическими единицами в русском языке: *впиваться глазами* — «смотреть пристально», *есть глазами* — «смотреть пристально и подбострастно», *мерить глазами* — «смотреть пристально, очень внимательно, мысленно оценивая» и т. д. Исследование особенностей выражения общего понятия словами и фразеологическими единицами позволит не только точно и полно описать отражаемое в языке понятие со всеми его оттенками, но и показать специфику слов и фразеологизмов в выражении этих значений. Здесь важным представляется описание антонимических и синонимических

отношений единиц внутри каждого поля. Установление этих отношений позволит уточнить и структурную организацию каждой тематической группы (микрополя), и построение семантического поля «восприятие» в целом.

3. Для характеристики структурной организации семантического поля «восприятие» оказывается важным противопоставление лексических и фразеологических единиц с точки зрения активности или пассивности представляемого в их значениях понятия (по принципу: ‘видеть’ — ‘быть видимым’, ‘слышать’ — ‘быть слышимым’ и т. д., ср.: *видеть, виднеться, видимый; слышать, слышаться, слышимый, слышно* и т. д.; такая соотносительность наблюдается и у фразеологических единиц, ср.: *бить в глаза, стоять перед глазами; насторожить уши, резать ухо* и др.).

В заключение укажем, что для описания семантической системы языка приходится ограничиваться определенной сферой функционирования языка: идеографическое описание словарного состава языка осуществляется обычно на материале литературного языка (и отчасти просторечия за счет слов, которые по известным причинам попадают в толковые словари литературного языка). Идеографическое описание осуществляется и на материале лексики и фразеологии территориальных говоров разных регионов России. В меньшей степени изучена лексика и фразеология социальных диалектов, однако уже имеющиеся словари дают материалы, которые могут быть привлечены для описания отдельных фрагментов понятийной сети языка (см., напр.: [7]). Существенным и важным для создания объективной картины отражения тех или иных понятийных категорий в языке считаем привлечение для исследования не только лексического, но и фразеологического материала, а также установление места и роли каждой из этих единиц языка в формировании общей языковой системы.

Библиографический список

1. Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М. : Азбуковник, 2003. 400 с.
2. Бирих А. К., Волков С. С., Никитина Т. Г. Словарь русской фразеологической терминологии / под ред. проф. В. М. Мокиенко. München : Verlag Otto Sagner, 1993. 136 S.
3. Данг Тхи Хуе. Разряд неопределенно-количественных фразеологических единиц в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2016. 22 с.
4. Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М. : Астрель : АСТ, 2003. 603 с.
5. Лексическая основа русского языка : комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. М. : Рус. яз., 1984. 1168 с.
6. Русская фразеология и фразеография : к 100-летию А. И. Молоткова / под ред. А. А. Хуснутдинова, Е. Н. Золиной. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. 316 с.
7. Хуснутдинов А. А. «Интересное положение» в лексике и фразеологии русского языка // Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сборник материалов и исследований Всероссийской научно-практической конференции (Вторые Громовские чтения), Кострома, 17—18 октября 2014 г. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 454—459.
8. Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица в грамматическом строе языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 1. С. 158—162.
9. Яранцев Р. И. Русская фразеология : словарь-справочник. М. : Рус. яз., 1997. 845 с.

РЕЦЕНЗИИ

К. А. Врыганова, В. В. Ганина

Рец. на кн.: Вансяцкая Е. А. Эмоции в невербальном поведении детей : (на материале англоязычных художественных текстов) : моногр. / Е. А. Вансяцкая ; ФГБОУ ВПО «Иван. гос. ун-т». Иваново : ЛИСТОС, 2016. 162 с.

Рецензируемая монография посвящена изучению невербального поведения детей в ситуациях эмоционального общения на материале произведений художественной литературы на английском языке, адресованных детям. Справедливо отмечено, что детская литература является важной частью мировой литературы и, безусловно, заслуживает детального анализа. Работа представляет собой результаты многолетнего и всестороннего изучения автором такого явления, как невербальное поведение детей в ситуациях проявления коммуникантами эмоций различной направленности. Ввиду того, что в последнее время в современном языкознании расширяются традиционные рамки лингвистических исследований, из-за их интеграции с исследованиями, проводимыми в других областях гуманитарного и естественнонаучного знания, монография Е. А. Вансяцкой представляется актуальной и для смежных гуманитарных дисциплин — психологии, философии, культурологии.

Несмотря на тот факт, что различные аспекты неречевого поведения ребенка находятся в фокусе внимания психологов, лингвистов и педагогов, целостного исследования об эмоциях и способах их выражения детьми на настоящий момент не создано, и данная работа достойно восполняет существующий пробел.

Важно отметить, что для анализа автор использует примеры, в которых коммуниканты достигли младшего школьного возраста, поскольку речь говорящего должна быть сформирована, а также ребенок не должен испытывать какие-либо трудности в выражении тех или иных эмоций. Подчеркнем, что герои художественных произведений на английском языке принадлежат к среднему классу и их речь признается нормативной для детей данного социального статуса и уровня развития, что позволяет выявить наиболее типичные виды невербальных действий мальчиков и девочек в различных ситуациях эмоционального общения.

Интересен представленный автором анализ особенностей выражения эмоциональных реакций через различные виды невербальных компонентов с учетом гендерного подхода. Обширный фактический материал позволил проследить специфику описания эмоционального поведения детей в монополевых коммуникативных актах (мальчик-мальчик и девочка-девочка), а также провести подробный сравнительный и количественный анализ невербального

© Врыганова К. А., Ганина В. В., 2017

поведения коммуникантов-мальчиков и коммуникантов-девочек, регистрирующего эмоции различной направленности. Автору удалось установить определенные сходства при выражении положительных и отрицательных эмоциональных реакций мальчиками и девочками. Выявлено, что наиболее частотный тип среди невербальных компонентов коммуникации (НВК) как у мальчиков, так и у девочек — это фонационный и респираторный компонент, затем следуют жестовый, миремический и мимический типы.

Особое внимание уделяется особенностям языковых номинаций различных видов невербального поведения детей. Автор успешно выявляет и анализирует наиболее распространенные структуры, эксплуатируемые коммуникантами-детьми в ситуациях эмоционального общения. Е. А. Вансяцкая рассматривает входящие в номинацию единицы с точки зрения частей речи, а также проводит содержательный анализ на основе словарей. Извлеченная из словарей информация способствовала раскрытию специфики невербального поведения коммуникантов младшего школьного возраста. Автору удалось сравнить характеристики языковых единиц и выявить определенные сходства и различия.

Отдельное место в монографии занимает детальный анализ поведения коммуникантов — мальчиков и девочек в ситуациях маскировки истинного характера эмоциональной реакции. Предварительно автором раскрывается и уточняется понятие маскировки эмоций и смежных явлений. На основе корпуса фактического материала рассматриваются и детально анализируются основные языковые способы описания ситуаций успешной маскировки эмоций. Интересными представляются полученные в ходе исследования выводы о видах или способах сокрытия эмоций и невербальных компонентах, способствующих этому. Кроме того, автору удалось отметить гендерную маркированность процесса маскировки эмоций. Так, Е. А. Вансяцкая показывает, что для мальчиков характерно подавление эмоций, для девочек — маскировка. При передаче этих явлений чаще всего используется фонационный вид НВК, реже это осуществляется с помощью мимических и жестовых НВК, а также молчания адресата. Выявлено, что мальчики и девочки не обладают способностью притворяться или скрывать свои истинные, переживаемые ими чувства, поэтому в текстах художественного произведения превалируют конгруэнтные высказывания с различными типами невербальных компонентов. На основании данных, полученных из произведений художественной литературы, которые согласуются с экспериментальными исследованиями, Елена Александровна делает вывод о том, что мальчики лучше демонстрируют экспрессивный контроль, причем он передается успешнее по мимическому каналу, чем по вокальному, ввиду того что движения лица легче контролировать. Им лучше удается подавление эмоций в отличие от девочек, которые превосходят их в маскировке истинного характера эмоции.

Автору успешно удастся попытка выявить максимально типичные виды НВК, эксплуатируемых мальчиками и девочками в ситуациях эмоционального общения. Основные результаты данного исследования могут быть интересны и полезны специалистам в области детской речи и всем тем, кто интересуется проблемами невербального поведения человека.

О. А. Ужова

Рец. на кн.: **Russian English : History, Functions, and Features** / ed. by Zoya G. Proshina and A. Eddy. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. 309 p.

ISBN 978-1-107-07374-6 (hardback) price 69,99 £ (USD 110,00)

Рецензируемая коллективная монография представляет собой попытку дать исчерпывающий социолингвистический отчет о том варианте английского языка, который используется в мультикультурной России. Необходимо отметить, что здесь нашлось место и истории англо-русских лингвистических и культурных взаимоотношений, природе и результатам контактов между этими языками и культурами, функциям русского английского и отношению россиян к лингвистической англоглобализации. Особенности русской лингвистической и культурной традиции предопределяются геополитическим положением страны. Россия служит мостом, соединяющим Европу и Азию, инкорпорируя восточную и западную традиции, факторы, отражающиеся в языках, на которых говорят ее граждане. В этом отношении русский английский, которым пользуются россияне, чаще всего является языком ограниченным по своим функциям; однако с падением «железного занавеса» его роль постоянно возрастает. Английский используется для межкультурной коммуникации, распространяя русскую культуру и обогащая россиян знаниями о многих других культурах. При этом отмечу, что за последнее время английский язык в России приобрел ту функцию, которая ранее выполнялась русским языком (например, в молодежной субкультуре, рекламе, компьютерной области).

Русский английский, как и другие варианты Расширяющегося Круга (китайский английский, японский английский и многие другие), является спорным феноменом, который описывается в том числе и в рецензируемой монографии, но его существование предопределено еще и тем, что он служит вспомогательным средством для выражения русскими людьми их культуры и ментальности.

За последнее время было описано огромное количество мировых английских языков (World Englishes). Большинство из них охватывают неевропейские Englishes, в то время как данное исследование является первой попыткой рассмотреть евразийский вариант Расширяющегося Круга. Русский английский — это новая область исследований, до недавнего времени не существовало сколько-нибудь комплексного описания этой темы. Однако наблюдается растущий интерес к русскому варианту английского языка как за рубежом, так и в российском лингвистическом сообществе.

Группа авторов, принимавших участие в создании рецензируемой монографии, включает ведущих специалистов, работавших по данной проблематике долгое время, их исследования известны и широко цитируются в лингвистической литературе. Поскольку некоторые авторы живут и работают в России, а некоторые за ее рубежами, эта книга представляет собой широкое социолингвистическое исследование, предпринятое с различных точек зрения.

© Ужова О. А., 2017

Монография имеет четкую структуру, которая позволила всесторонне рассмотреть основные этапы формирования и развития данного направления в лингвистике. Она состоит из трех частей: в части I русский английский рассматривается как вариант, часть II имеет дело с функциями английского языка в различных областях России, в части III анализируются различные подходы к трактовке Russian English как варианта. Остановимся на наиболее интересных разделах книги.

Часть I делится на четыре главы. В главе 1 «Русско-английские контакты, прошлое и будущее» А. Эдди и З. Прошина рассматривают историю русско-английских языковых и культурных контактов начиная с XVI века и до постперестроечного периода: привнесение английского языка в Россию в XVI веке, активный приток языка во времена правления Петра I в XVII веке, англomанию XVIII века, использование английского в дореволюционной России, английский за «железным занавесом», приток английского языка во время и после перестройки, после распада Советского Союза. В процессе обсуждения русско-английских языковых контактов затрагиваются лексические заимствования, морфология, изменения в структуре русского письменного дискурса, идеология, изменившийся статус русского языка, прагматика.

Особого одобрения заслуживает глава 2 под названием «Русский английский в семействе мировых английских языков», написанная З. Прошиной. Здесь закладываются теоретические основы всей книги. Автор сравнивает понятия варианта и интерлекта для доказательства того, что русский английский (Russian English) как социолингвистическое явление характерен для всех носителей русского языка, владеющих английским языком с разной степенью компетентности.

В главе 3, озаглавленной «Лингвокультура русского английского», удачно показано взаимодействие языка и культуры, которые отражают две грани русского английского (Russian English, Ruslish/ Runglish/ Renglis). Соавторами этой главы являются такие ученые, как З. Прошина, утверждающая, что языковые контакты между английским и языком-контактером обычно приводят к нативизации (креолизации) английского языка и англлизации языка-контактера. Англлизация русского языка подробно рассматривается А. Ривлиной. Она же рассуждает о процессах смещения и переключения кодов и утверждает, что англо-русская гибридизация, особенно в форме игры слов на основе смещения кодов, всё шире используется в русском дискурсе. Особый интерес, на мой взгляд, представляет часть главы, написанная С. Тер-Минасовой. Автор концентрируется на обсуждении современных изменений в русской ментальности и культуре, вызванных внезапным «вторжением» английского языка в русский язык, культуру и стиль жизни. Воздействие английской культуры через английский язык в его различных формах (СМИ, реклама, лавина заимствований) на русскую культуру ощущается в разных отраслях: в бизнесе, изменении отношения к отчествам, академическом письме. В заключительной части главы В. Кабакчи и Е. Белоглазова рассуждают о том, как выразить русские культурные концепты на английском языке.

В главе 4 под названием «Лингвистические особенности русского английского» рассматриваются различные уровни его языковой структуры. В. Завьялова сосредотачивается на описании звукового и слогового инвентаря, а также акцентной структуры и интонации варианта. З. Прошина останавливается на орфографических и пунктуационных чертах варианта. Грамматика обсуждается в разделах главы, написанных А. Иониной и З. Прошиной.

Следует отметить, что в пределах данной главы А. Эдди удачно показала важную роль заимствований и неологизмов в обсуждаемом варианте английского языка. Далее Т. Иванкова анализирует прагматические особенности варианта.

Девять глав части II посвящены описанию сфер использования английского языка в России. В главе 5 Т. Ивановой и Е. Салахян исследуется политический дискурс, в главе 6 И. Крюкова и О. Лазаретная рассматривают бизнес, в главе 7 Г. Ловцевич останавливается на образовании, Е. Лаврик в этой связи в главе 8 интересуется школьные проблемы. В материалах главы 9 А. Эдди сосредотачивается на СМИ и телевидении, Т. Иванкова — на прессе и радио, Е. Лаврик — на Интернете. В главе 10 О. Лазаретная описывает туризм, в главе 11 А. Эдди рассматривает молодежную субкультуру и попкультуру, в главе 12 И. Усманова анализирует проблемы рекламы. Глава 13, написанная Е. Бутениной, полностью посвящена различным аспектам литературной жизни.

Для того чтобы вариант был признан таковым, необходимо положительное отношение к нему пользователей. Споры вокруг русского варианта английского языка объясняются сложным, комплексным отношением к нему носителей русского языка. Часть III, безусловно, является кульминацией монографии, поскольку именно в ней исследуются спорные, противоречивые аспекты проблемы. В главе 14 И. Устинова анализирует конкуренцию, возникшую между двумя языками международного общения — русским и английским. В главе 15 О. Лазаретная останавливается на проблемах лингвистического туризма в России. Ею рассмотрены меры, предпринятые на государственном уровне, по поддержке статуса русского языка как языка международного общения. В главе 16 З. Прошина и И. Устинова излагают свою точку зрения относительно революционной парадигмы мировых английских языков (World Englishes), которая всё еще мало известна в России и поэтому получила признание только у ограниченного числа лингвистов. Тем не менее, в главе представлена позитивная динамика отношения к русскому английскому на основе результатов трех социолингвистических опросов, проведенных в 2005, 2009, 2013 годах. Медленно, но уверенно идеи мировых английских языков проникают в лингвистическое сообщество и завоевывают всё больше сторонников. В главе 17 М. Лебедько суммирует обсуждение проблем осведомленности носителей русского языка относительно русского английского как вспомогательного средства для самоидентификации в мультикультурной и многоязычной России.

Монография по русскому английскому — первая в своем роде. Кроме того, помимо описания варианта как такового, эта книга может помочь международной аудитории ознакомиться с родственными лингвистическими проблемами, анализируемыми российскими лингвистами, которые могут быть неизвестны за пределами России.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ II МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА «ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

4—5 февраля 2016 года в Ивановском государственном университете прошел II Международный научный симпозиум «Перевод в меняющемся мире», организатором которого выступила кафедра английской филологии.

Первый подобный симпозиум был организован в феврале 2015 года, по его результатам издан сборник материалов «Художественная литература в пространстве перевода», опубликованный в издательском центре «Азбуковник» (М., 2015).

По результатам второго симпозиума также выпущен сборник материалов (отв. редакторы: проф., д-р филол. наук Ф. И. Карташкова, канд. филол. наук, доцент С. А. Маник. М. : Азбуковник, 2016. 727 с.).

Сборник открывается разделом, посвященным юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой английской филологии О. М. Карповой.

Далее следуют разделы: «Пленарные доклады», «Перевод художественного текста», «Проблемы лексикографии, лингвокультурологии и перевода» и «Перевод в сфере профессиональной коммуникации».

Секция, включающая статьи, выполненные по материалам пленарных выступлений, представляет интерес для широкого круга читателей. Например, в статье доктора филологических наук, профессора С. Г. Тер-Минасовой (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Перевод национальной классической литературы как диалог и конфликт культур» получают освещение такие актуальные вопросы, как национальная идентичность и национальный характер, проблема перевода литературных произведений на другой язык и социокультурное комментирование.

Статья доктора филологических наук, профессора Т. П. Третьяковой (СПбГУ) «Концепция переводческого маневрирования: о стереотипах в современном переводе» посвящена одному из ключевых вопросов, который может возникать в работах по переводоведению, а именно поиску тех компонентов текста оригинала, которые определяют комплекс смыслов, необходимых и достаточных для передачи их в переводном тексте с тем же смысловым эффектом.

Следующий раздел книги — «Перевод художественного текста» касается важных вопросов художественного перевода текстов с иностранных языков на русский. В нем представлены статьи, затрагивающие следующие темы: обучение художественному переводу студентов педагогической специальности; находки и неточности в переводе романа Дж. Голсуорси «В петле» из серии «Сага о Форсайтах»; проблемы датских переводов повести М. Ю. Лермонтова «Бэла»; сонеты Шекспира как переводческий вызов для юных поэтов-переводчиков.

Раздел, посвященный проблемам лексикографии, лингвокультурологии и переводу, включает статьи по вопросам выбора словаря для конкретных целей; рассмотрению справочника как надежного инструмента переводчика; компетенции переводчика и этике переводческой деятельности; проблемам эквивалентности и перевода фразеологических единиц; ложным друзьям переводчика в словарях и др.

В настоящее время немаловажное значение приобретают вопросы перевода в сфере профессиональной коммуникации, чему посвящен отдельный раздел сборника материалов конференции. Среди актуальных тем, поднятых авторами исследований, являются методика преподавания медицинского перевода студентам-лингвистам старших курсов; особенности перевода текстов таких сфер, как политика, юриспруденция, внешнеэкономическая деятельность, медицина, пожарная безопасность, нанотехнологии и др.; приемы формирования профессиональных компетенций устного переводчика.

Особой чертой сборника является тот факт, что он также включает тезисы выступлений молодых ученых — студентов, магистрантов и аспирантов не только из Ивановского государственного университета, но и из вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Владимира, Томска, Челябинска и др. Результаты этих выступлений нашли отражение в разделах круглых столов «С английского — на русский, с русского — на английский: как сказать?» и «Национальная картина мира и перевод».

Материалы круглого стола «С английского — на русский, с русского — на английский: как сказать?» посвящены таким темам, как перевод реалий, русские «гастрономические» паремии и их английские эквиваленты, перевод русских народных сказок на английский язык и др. В разделе «Национальная картина мира и перевод» представлены результаты исследований аспирантов по переводу игры слов, лексикографическому отражению английских наименований цвета в словарях различных типов, различным аспектам перевода научно-филологических текстов и т. д.

Таким образом, настоящее издание имеет особую ценность для самого широкого круга лингвистов, переводчиков, фразеологов, лексикологов. Материалы докладов могут быть использованы при чтении курсов по переводоведению и межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и лексикографии, а также при проведении различных исследований преподавателей, студентов и аспирантов.

Е. М. Григорьева,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии*

КОНФЕРЕНЦИЯ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» В МИЛАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

9—11 ноября 2016 г. в Миланском университете (Universita degli studi di Milano) в Италии состоялась Международная конференция, посвященная сравнительной фразеологии «Frasologia contrastive: lingue culture a confronto». Ее рабочими языками были английский, немецкий, итальянский, французский, испанский и русский. Такая широкая палитра рабочих языков обусловила национальное многообразие участников — в конференции приняли участие 76 ученых-лингвистов, которые представляли 15 стран (Италия, Россия, Германия, Франция, Тайвань, Литва, Грузия, Канада, Польша, Хорватия, Испания, Украина, Греция, Латвия, Румыния). Для того чтобы сделать коммуникацию участников более эффективной, представители оргкомитета изначально попросили докладчиков подготовить презентацию на одном из рабочих языков конференции, отличном от языка выступления.

Пленарные доклады были посвящены проблемам лексикографической презентации устойчивых сочетаний в двуязычных словарях (Dmitrij Dobrovolskij, Moscow, Russia «German constructional phrasemes in bilingual dictionaries»), вопросам интерференции, связанной с овладением иноязычными фразеологизмами и возникающей у итальянских студентов при изучении таких иностранных языков, как английский, французский, испанский и немецкий (Elisa Corino, Turin, Italy «Casi di interferenza e attrito in apprendenti traduttori alle prese con la fraseologia»), использованию фразеологических концептуальных карт в тезаурусном активаторе для выявления коммуникативно-прагматических особенностей лексических единиц, близких по семантике (Stefania Nuccorini, Rome, Italy «Digging into a thesaurus for treasures: phraseological conceptual maps in the Activator»), изучению идиом, наиболее употребительных в 80 европейских и нескольких неевропейских языках. В выступлении представлены результаты анализа, в ходе которого было выявлено около 500 идиом (Elisabeth Piirainen, Steinfurt, Germany «Contrastive Phraseology: New results by exploring widespread idioms»).

В рамках конференции было организовано несколько секций, на которых обсуждались актуальные проблемы современной фразеологии, рассматриваемые на контрастивном материале.

Значительное количество докладов было посвящено особенностям семантики и функционированию фразеологизмов в различных дискурсах: о проблеме выявления особенностей семантики фразеологизма в иностранных языках речь шла в выступлении Катрин Андре («Polysemie in der Phraseologie»), о метафорическом характере фразеологизмов в итальянском и русском языках — в сообщении Валентины Бенини («Le metafore di intensificazione tra italiano e russo»), особенности метафоры в дискурсе о «зеленой» архитектуре рассматривались на материале итальянского, немецкого и английского языков в докладе Валентины Крестани («Metaphors in the discourse(s) about green architecture: Italian, German and English in comparison»). Мотивации в процессе метафоризации фразеологической терминологии в рамках научно-технического дискурса был посвящен доклад

Касио де Джовани, в котором сравнивались французские и итальянские фразеологические единицы («Motivation et méthaphore en phraséotermologie des sciences et des techniques. Analyse contrastive français / italien»). Устойчивые сочетания в ботаническом дискурсе на материале итальянского и испанского языков освещались как псевдосинтагмы, рассматриваемые как эквиваленты фразеологических единиц, в выступлении Елены Даль Мачо («Los pseudo-sintagmas botánicos del léxic o popular en el *Curso elemental de botánica* (1785) de Casimiro Gómez Ortega y su traducción al italiano (1788)»).

Многие докладчики уделили внимание культурологическому аспекту в семантике и функционировании фразеологических единиц. Получили освещение такие вопросы, как культурологическая картина мира в аспекте паремии и фразеологии, сравнение концептов в разных лингвокультурах (например, «глупость», «смерть», «меч», «пространство» и др.), а также сопоставление дискурсов, например, кулинарный дискурс, миграционный дискурс, биоэтика, поле карточных игр и др. В свете сравнительного анализа было дано описание жестов в европейской культуре на материале итальянской и хорватской лингвокультур.

Не остались без внимания вопросы переводимости и эквивалентности фразеологизмов, а также проблемы, связанные с созданием и анализом словарей различных видов.

Живой интерес у участников вызвали сообщения, посвященные методическим вопросам включения фразеологизмов в процесс обучения иностранным языкам.

Хотелось бы отметить высокий уровень докладов, которые дали участникам многоплановые импульсы для дальнейших исследований, и прекрасную организацию работы конференции, что послужило созданию теплой и творческой атмосферы.

Р. И. Бабаева,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры германской и романской филологии*

Л. И. Иванова,

доцент кафедры английской филологии

**XI Международный семинар студенческой интеграции
«LINGUOCULTURAL SPACE OF THE CITY WITH SPECIAL
REFERENCE TO THE DICTIONARY PROJECT»
(Флоренция, 20—27 ноября 2016 г.)**

20—27 ноября 2016 года во Флоренции при поддержке фонда Ромуальдо дель Бьянко и некоммерческого портала Life Beyond Tourism (www.lifebeyondtourism.org) прошел XI Международный семинар студенческой интеграции «Linguocultural Space of the City with Special Reference to the Dictionary Project». Инициатором и руководителем проекта является проректор Ивановского государственного университета доктор филологических наук, профессор О. М. Карпова.

В последнее время лексикография значительно расширила рамки составления лингвистических и энциклопедических словарей. Не случайно в западноевропейской лексикографии появился новый термин «reference science». Именно таким представителем справочников нового поколения и стал разрабатываемый под руководством О. М. Карповой «Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists». Концепция словаря основана на принципе «гений места» (*genius loci*), т. е. описании известных личностей, связанных с Флоренцией. Данный словарь является справочником ассоциативного типа и предназначен для определенной группы пользователей (гидов и туристов). Такой словарь дает читателю возможность познакомиться не только с выдающимися деятелями науки, культуры и искусства, но и с известными достопримечательностями, расположенными во Флоренции и так или иначе связанными с деятельностью описываемых персоналий.

Фонд Ромуальдо дель Бьянко, организующий многочисленные научные симпозиумы и международные семинары в рамках своей деятельности по содействию межкультурной интеграции в целях укрепления мира во всем мире, в течение нескольких лет оказывает поддержку проекту О. М. Карповой. Международный семинар студенческой интеграции проводится с 2008 г. В разные годы в нем участвовали университеты-партнеры из России, Сербии, Хорватии, Венгрии. Участники работают как волонтеры, собирая материал для словарных статей. Такая тенденция сбора и обработки материала в настоящее время является достаточно распространенной, что проявляется на уровне создания открытых словарей в сети Интернет и справочников по произведениям писателей, например, Дж. Толкиена, Д. Брауна, Дж. Роулинг, Т. Пратчетт, К. С. Льюис и др., созданных поклонниками их творчества.

Источниками словаря, как правило, являются тематические энциклопедии, монографии и мемуары известных людей, писательские словари, научные публикации, путеводители по Флоренции, разнообразные интернет-источники.

Словарь организован по алфавитному принципу и содержит антропони́мы от А до Z. Микроструктура словаря включает следующие разделы: *Biography* (*Биография*), *Creative Works* (*Творческие работы*), *Florentine Influence* (*Флорентийское влияние*), *Associations* (*Ассоциации*), *Learn more* (*Узнайте больше*). Все статьи сопровождаются графическими иллюстрациями

(портрет персоналии, репродукции работ и т. д.), хронологическими сведениями (даты жизни), высказываниями и цитатами. Графическое исполнение и разнообразные средства полиграфической семиотики определяют привлекательность словаря для пользователя. Ассоциативность справочника сводится к личным впечатлениям участников международного семинара, а также находит свое дальнейшее отражение в разделе *Learn more*.

Все рассматриваемые персоналии, число которых на данный момент составляет около 200 деятелей из 12 стран мира, могут быть разделены по ряду категорий, таких как национальность, род деятельности, хронология. Данные индексы (Alphabetical Index, Index of Nationalities, Subject Index, Chronological Index), постоянно расширяющиеся за счет постепенного пополнения словника, находят свое отражение в виде приложений в ежегодных печатных выпусках словаря, которые выходят по результатам работы семинаров. Следует отметить, что к настоящему времени изданы семь выпусков, подготовленных ИвГУ и университетами-партнерами — Томским политехническим и Владимирским государственным университетами. Среди персоналий можно выделить художников (И. Айвазовский, А. Дюрер, К. Коровин), писателей (А. Ахматова, У. Шекспир, Ф. Достоевский), музыкантов (С. Рахманинов, М. Ростропович, П. Чайковский), ученых (Л. Мечников, А. Герцен, А. Попов) и др.

В 2016 году к проекту присоединились студенты и магистранты Санкт-Петербургского государственного университета и Казанского федерального университета, а также Флорентийского университета. В нем приняли участие студенты не только филологического профиля, но и других специальностей (культурология, педагогика), хорошо владеющие английским языком. В течение недели волонтерам предстояло доработать, дополнить и представить на заключительном заседании словарные статьи, посвященные тем или иным деятелям.

На церемонии открытия семинара выступили Президент Фонда Паоло дель Бьянко, Генеральный секретарь Фонда Ромуальдо дель Бьянко Симоне Джиометти, познакомившие участников с деятельностью Фонда и культурно-образовательными программами, реализуемыми при его поддержке, а также руководитель проекта О. М. Карпова с докладом об истории проекта и достигнутых результатах. Университетские команды сделали презентации персоналий, выбранных для словарных статей. На встрече был представлен седьмой выпуск словаря «Florence in the Works of World Famous People. Project of Dictionary for Guides and Tourists».

В заключение состоялась презентация портала «Life Beyond Tourism», который является важным направлением деятельности Фонда Ромуальдо дель Бьянко, нацеленной на развитие диалога культур и стимулирование преобразования «услуг потребления» в туризм «культурных ценностей». Подчеркнем, что в данной ситуации туризм рассматривается как инструмент, направленный на развитие общения и обмен знаниями между представителями разных народов. Это становится возможным благодаря повышению культурной ценности и уровня туристических предложений, осознанию своей культурной и социальной ответственности со стороны компаний и отдельных специалистов, работающих на конкретной территории.

Впоследствии были сформированы две смешанные группы студентов. Перед участниками встала сложная задача по совместной доработке словарных статей. Они продолжили исследование выбранных ими персоналий,

проверяя и дополняя информацию и факты, найденные до командировки во Флоренцию, посещая места, непосредственно связанные с жизнью и творчеством того или иного выдающегося деятеля. Используя различные мультимедийные технологии, составители словаря разрабатывали туристические маршруты, создавали интерактивные карты, в которых указывались культурные объекты с подробной расшифровкой того, какую роль они сыграли в жизни и деятельности персоналии. Важно отметить уникальность подобной информации, так как она отсутствует в каких-либо иных источниках.

В последний день работы семинара участники выступили со своими финальными презентациями, представив не просто макеты словарных статей, которые составят следующий выпуск словаря, но и новые идеи по совершенствованию основных принципов построения справочника.

Знаковым событием для участников проекта стало посещение лекции Козимо Бургасси, научного работника старейшей европейской Академии делла Круска. В ее стенах был разработан первый словарь итальянского языка, который впоследствии стал своего рода образцом для составления словарей других национальных языков. Более того, участники были приглашены в Кабинет Вьёссо, одну из старейших библиотек города, которую вплоть до начала XX века посещали все иностранцы, приезжавшие во Флоренцию.

Участники семинара выражают большую благодарность президенту Фонда Ромуальдо дель Бьянко господину Паоло дель Бьянко, ректору ИвГУ В. Н. Егорову и руководителю проекта О. М. Карповой.

Созданный проект, с одной стороны, вносит весомый вклад в изучение итальянской культуры, исследование судеб людей, которые тем или иным образом связаны с Флоренцией, а с другой — способствует межкультурной и межличностной интеграции, что делает его особенно важным и ценным в настоящее время. Данный тип словаря помогает по-новому описать с помощью разнообразных лексикографических средств богатое культурное пространство Флоренции, ежегодно привлекающей тысячи людей. Такой словарь может быть полезен не только туристам, но и гидам для составления экскурсионных программ.

В заключение отметим, что участие в проекте открыто для всех желающих, которые на конкурсной основе могут пробовать свои силы в составлении словаря. По всем вопросам обращайтесь к координатору проекта доц. Н. С. Уткиной (nkireeva@inbox.ru).

*Н. С. Уткина,
координатор проекта,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии*

Сведения об авторах

- БАБАЕВА Раиса Ивановна** доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Ивановский государственный университет. nitdaf@mail.ru
- ВАНСЯЦКАЯ Елена Александровна** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка, Ивановский государственный университет. e_vansyatskaya@yahoo.com
- ВИДНОВА Карина Игоревна** магистрант, 1 курс, филологический факультет, Ивановский государственный университет. karina_vidnova@mail.ru
- ВРЬГАНОВА Ксения Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики, Ивановский государственный химико-технологический университет. kvryganova@yandex.ru
- ГАНИНА Вера Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики, Ивановский государственный химико-технологический университет. vvganina@mail.ru
- ГРИГОРЬЕВА Екатерина Михайловна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. grigoryeva.ekaterina@mail.ru
- ГРИГОРЯН Алла Юрьевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ивановский государственный энергетический университет. aroud@yandex.ru
- ГРИГОРЯН Ашот Арамович** доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, декан факультета романо-германской филологии, Ивановский государственный университет. yerkat@yandex.ru
- ДЕНИСОВ Константин Михайлович** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. bondin5@yahoo.com

- ЕГОШИНА** кандидат филологических наук,
Нина Борисовна доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин,
Ивановский филиал Российского
экономического университета им. Г. В. Плеханова.
ninyegosh@mail.ru
- ЕРМОЛАЕВА** доктор филологических наук, профессор
Нина Леонидовна кафедры русской словесности и культурологии,
Ивановский государственный университет.
ninaermolaeva1@yandex.ru
- ИВАНОВА** доцент кафедры английской филологии,
Людмила Ивановна Ивановский государственный университет.
lyudmila.i@mail.ru
- КОКУРИНА** кандидат филологических наук, доцент кафедры
Инна Владимировна германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
Inna-kokurina@mail.ru
- МАНИК** кандидат филологических наук,
Светлана Андреевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
Svetlana_manik@yahoo.com
- МОСКАЛЕВА** кандидат филологических наук, доцент кафедры
Светлана Игоревна германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
svet.moskaleva@mail.ru
- НДОЙ** аспирантка кафедры русского языка
Мам Сай и методики преподавания,
Ивановский государственный университет.
mndoye@yandex.ru
- ПАСТУХОВА** кандидат филологических наук,
Елена Николаевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
pp98oo@mail.ru
- СУВОРОВА** кандидат филологических наук, доцент кафедры
Наталья Владимировна русского языка и методики преподавания,
Ивановский государственный университет.
suvogova-n@mail.ru
- ТАГАНОВ** доктор филологических наук,
Александр Николаевич профессор кафедры зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
shishtag@mail.ru

- УЖОВА** доктор филологических наук,
Ольга Александровна профессор кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
gluhovar@mail.ru
- УТКИНА** кандидат филологических наук,
Наталья Сергеевна доцент кафедры английской филологии,
помощник проректора по связям
с общественностью и молодежной политике,
Ивановский государственный университет.
nkireeva@inbox.ru
- ХОРЕЦКАЯ** кандидат филологических наук, доцент кафедры
Наталья Юрьевна германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
nataliasch@mail.ru
- ХУСНУТДИНОВ** доктор филологических наук,
Арсен Александрович профессор кафедры русского языка
и методики преподавания,
Ивановский государственный университет.
arsen1418@mail.ru
- ЦВЕТКОВ** доктор филологических наук, профессор,
Юрий Леонидович заведующий кафедрой зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
jzvetkov@mail.ru
- ЯЦЕНКО** кандидат филологических наук,
Мария Вадимовна доцент кафедры иностранных и русского языков,
Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.
toma345@yandex.ru, yatsenm@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2017. Вып. 1 (17). Филология**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Балябина, О. В. Батова, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 22.02.2017 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 55. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

